

“ТКУМА”
ЦЕНТРАЛЬНИЙ УКРАЇНСЬКИЙ ФОНД ІСТОРІЇ ГОЛОКОСТУ

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ГОЛОКОСТУ

Випуск № 3
2006

Дніпропетровськ

«Пороги»

2006

УДК 930.85
ББК 63.3 (2) 722
П 78

Рекомендовано до друку Міжнародною Академічною радою «Ткума»

Міжнародна редакційна рада:

Ілля Альтман (Москва, Росія), кандидат історичних наук, професор Єврейського університету в Москві, співголова Російського науково-просвітницького центру «Голокост».

Арон Вайс (Єрусалим, Ізраїль), Ph.D. (History), науковий співробітник Інституту Яд Вашем, науковий консультант Центрального Українського Фонду історії Голокосту «Ткума».

Віктор Даниленко (Київ, Україна), доктор історичних наук, професор, зав. відділом історії України другої половини ХХ ст. Інституту історії України НАН України.

Олександр Добрянський (Чернівці, Україна), доктор історичних наук, професор, заступник декана історичного факультету Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича.

Тетяна Ладиченко (Київ, Україна), кандидат історичних наук, професор, зав. кафедрою методики викладання історії Національного педагогічного університету ім. М. Драгоманова.

Тамара Марусик (Чернівці, Україна), доктор історичних наук, професор, проректор з навчально-виховної роботи Чернівецького національного університету імені Ю. Федьковича.

Дан Міхман (Єрусалим, Ізраїль), професор університету Бар-Ілан, Головний історик Інституту Яд Вашем, голова Міжнародної Академічної ради Центрального Українського Фонду історії Голокосту «Ткума».

Євген Розенблат (Брест, Білорусія), кандидат історичних наук, доцент кафедри загальної історії і історії світової культури Брестського державного університету імені О.С. Пушкіна.

Ігор Щупак (Дніпропетровськ, Україна), кандидат історичних наук, директор Центрального Українського Фонду історії Голокосту «Ткума» («Відродження»).

Відповідальний редактор Михайло Тяглий

П78 **Проблеми історії Голокосту:** Науковий журнал. – Випуск № 3. – Дніпропетровськ: Пороги, 2006. – 252 с.

ISBN 966-525-719-6

Журнал містить статті науковців із проблем історії Голокосту. Рекомендований науковим працівникам, аспірантам, студентам, вчителям, усім тим, хто цікавиться історією.

ISBN 966-525-719-6

ББК 63.3 (2) 722

© Центральный Український Фонд історії Голокосту «Ткума», 2006

Від редакції

Центральний Український фонд історії Голокосту, Науково-просвітницький та меморіальний центр єврейської історії та культури “ТКУМА” має честь запросити до співробітництва всіх, хто зацікавлений у розміщенні власних матеріалів на сторінках нашого видання.

“Проблеми історії Голокосту” – це спеціалізований журнал, що надає місце для публікації дослідникам з України та інших країн, які спеціалізуються на вивченні історії Голокосту та інших геноцидів. Журнал має на меті:

- сприяти поглибленому вивченню різноманітних аспектів подій Голокосту, що відбувалися на українських землях; виявленню спільного та особливого в історії Голокосту на окупованій нацистами території України в порівнянні з іншими регіонами колишнього СРСР, Східної та Західної Європи; дослідженню специфічних рис Голокосту в різних регіонах окупованої нацистами України;
- сприяти використанню раніше не введених у науковий обіг джерел, що зберігаються як в українських, так і в закордонних архівах, а також залученню джерел іншого характеру (свідцтв, спогадів тощо);
- заохочувати використання полідисциплінарних підходів та участь у дослідницькому процесі фахівців у галузі соціології, політології, філософії та представників інших гуманітарних наук для створення комплексної та багатогранної картини історії Голокосту;
- здійснювати як реконструкції історичної послідовності подій, так і спроби інтерпретації причин і передумов Катастрофи європейського єврейства; проводити порівняльний аналіз конкретно-історичних і цивілізаційних аспектів Голокосту та інших геноцидів, теорії та історії націоналізму і, зокрема, місця й ролі єврейського фактора в культурно-історичних процесах у Європі, що передували Голокосту чи сталися після нього.

Окрема увага приділятиметься вивченню Голокосту як прикладу в контексті інших геноцидів, які зазнала історія людства, дискусії про унікальність чи універсальність Голокосту, а також моральним уроком, які ці події можуть подати сучасній цивілізації.

Журнал складається з таких рубрик і розділів:

1. *Дослідження*. Тут містяться дослідницькі статті, що детально розкривають задекларовану автором проблематику, висвітлюють різноманітні аспекти Голокосту та підготовлені спеціалістами в галузі історії, політології, соціології, філософії, психології та інших дисциплін. У межах цієї рубрики також публікуються дослідження, що мають на меті постановку науково-дослідницької проблеми та аналіз шляхів її розробки.

2. *Документальні джерела*. Ця рубрика вміщує тексти раніше неопублікованих джерел з різних архівів, а також інші матеріали (свідощва, спогади тощо), які мають джерелознавчу цінність, згідно з тематикою журналу. Документи, що публікуються, супроводжуються коментарями публікатора.

3. *Рецензії*. Рубрика містить рецензії на нещодавно опубліковані книги за тематикою видання. За необхідністю передбачається також короткий розділ “Відповіді на рецензії” з боку авторів рецензованих робіт.

4. *Бібліографія*. У межах цього розділу міститься список опублікованих в Україні чи за кордоном новітніх досліджень (монографій, колективних праць, статей) за темою журналу.

5. *Хроніка*. У межах цієї рубрики відображаються заходи академічного характеру з тематики Голокосту (наукові конференції та ін.), які відбулися останнім часом як в Україні, так і за її межами.

Визначення тематичних пріоритетів і затвердження матеріалів до друку здійснюється Міжнародною редакційною радою журналу. Первинний відбір матеріалів до публікації здійснюється відповідальним редактором, якому потрібно направляти матеріали, що пропонуються до друку.

Дослідження, що пройшли відбір, направляються для анонімного рецензування спеціалістам з теми; за підсумками їхніх зауважень автор доробляє текст, після чого матеріал проходить наукову та літературну редактуру. Процес підготовки рецензій передбачає відправлення рецензентам безкоштовного екземпляру книги за умови укладення домовленості про написання рецензії на неї.

Тираж видання розповсюджується по науково-дослідних, освітніх та культурно-просвітницьких установах, бібліотеках, що висловили зацікавленість в отриманні журналу. Електронна версія видання (у PDF-форматі) буде також доступна на веб-сайті Центру “ТКУМА”: <http://tkuma.dp.ua>

From the editors

The Educational and Memorial Research Center for Jewish History and Culture “Tkuma” (Dnipropetrovsk, Ukraine) is pleased to announce the regular number of the “Holocaust Studies” journal and to invite to cooperation scholars worldwide who are interested in contributing to its forthcoming issues.

The journal is conceived as an open academic forum that publicizes the achievements of researchers of any scholars’ academic/educational traditions, specializing in the history of the Holocaust and other genocides. Thematic priorities and publication policy are the subjects of consideration by the International editorial board of the journal.

The journal’s agenda is aimed at accomplishing the following tasks:

- to stimulate in-depth studying of various aspects of the Holocaust relating geographically to the Ukrainian territory; to reveal both the general and particular regional, that is, Ukrainian, features in Holocaust history in comparative perspective provided by the other regions of the former USSR and Eastern and Western Europe occupied by the Nazis during WWII; to examine specific features of the Holocaust in various localities of Ukraine under the Nazi regime;
- to disseminate and propagate the results of research based on sources not available or not properly recognized earlier and stored both in Ukrainian and in foreign archives; to employ historical sources of different character (testimonies, memoirs and so forth);
- to promote multidisciplinary approach and encourage the experts in the field of sociology, political studies, philosophy, and the humanities in general to participate in the research process, constructing a more complicated picture of the Holocaust;
- to reveal succession of historical events, attempting, at the same time, to interpret the causes and preconditions of the Holocaust; to lay down the foundations of the comparative analysis of various aspects of the Holocaust and other genocides with references to the theory and history of nationalism and, in particular, to the place and role the “Jewish question” played in cultural and historical European processes that preceded the Holocaust and followed after.

A special attention will be given to the debates on the phenomenon of the Holocaust as a comparative case in the context of other genocides known to human civilization; discussions about uniqueness or universality of the Holocaust and moral lessons to be drawn from it by modern civilization are also to be elucidated on the journal's pages.

The journal includes the following sections:

1. *Articles*. Research articles exploring in detail topic declared by the author and examining various aspects of the Holocaust. Researches containing statement of problem and the analysis of ways of its development.

2. *Documental sources*. Archival sources not published before and other primary sources (testimonies, memoirs etc.).

3. *Book reviews*. Reviews of recently published books on the subject of the journal.

4. *Bibliography*. List of the works (monographs, collective researches, articles etc.) published recently in Ukraine and abroad on the subject of the journal.

5. *Events*. Reports on recent Holocaust-related academic events (conferences etc.) in Ukraine and abroad.

Copies of the journal will be distributed through the network of educational and research institutions and public libraries. Its electronic version in PDF-format will also be freely downloadable from the web-site of "Tkuma" Center located at: <http://tkuma.dp.ua>

Дослідження

Articles

Каспарс Зеллис
Дмитрий Олехнович

Роль антисемитской карикатуры в пропаганде в оккупированной нацистами Латвии (газета “Tēvija”¹, 1941–1945 гг.)

События Второй мировой войны не только привлекают внимание профессиональных историков, но и являются примером одного из наиболее действенных способов манипуляции массовым сознанием со стороны политиков и средств массовой информации. На постсоветском пространстве происходит бурное мифотворчество с целью замены советской картины мира. В основе этого процесса лежат сугубо политические мотивы. Одной из наиболее ангажированных проблем в латвийской историографии последних лет является проблема пропаганды, осуществлявшейся в средствах массовой информации оккупированной нацистами Латвии (1941–1945 гг.).

Периодическую печать этого периода нельзя рассматривать как источник исторических фактов, так как объем достоверных сведений, содержащихся, например, в газетах, в силу различных причин незначителен. Информация, помещенная на страницах периодики, подвергалась внешней, а зачастую и внутренней цензуре, и использование ее в качестве документального источника для реконструкции прошлого не всегда возможно². Одним из наименее разработанных вопросов в историографии Восточной Европы является источниковедческий анализ карикатур, в разное время публиковавшихся на страницах периодических изданий. Частично восполнить этот пробел поможет изучение карикатур, опубликованных в периодической печати, выходившей на территории Латвии в период нацистской оккупации.

Проведение исследования представляется обоснованным не только из-за нечастого использования этого метода историками Латвии, но и в целях расширения представления о роли политической карикатуры в системе пропаганды. Решение этой задачи создаст предпосылки для выработки комплексного представления об особенностях нацистской

пропаганды в периодической печати Латвии, а также выявит методы манипуляции массовым сознанием.

С первых дней нацистского “нового порядка” в Латвии для оккупационных властей стратегически важным было воспользоваться отрицательным отношением большей части населения Латвии³ к советской власти⁴, обусловленным не только репрессиями в отношении всех слоев населения, но и общим снижением уровня жизни и ухудшением социально-экономической ситуации, а также несоответствием между декларируемыми советскими пропагандистами принципами и моделями их реализации, апогеем чему послужили массовые репрессии 13–14 июня 1941 г. Использование нацистскими пропагандистами антисоветских настроений способствовало бы созданию благоприятного для оккупантов внутривнутриполитического климата, уменьшило протестные настроения и сопротивление в тылу немецкой армии. Это и стало одной из основных задач для периодических изданий, являвшихся одним из наиболее влиятельных источников информации.

В политической пропаганде на оккупированных территориях применялись уже ранее апробированные в Третьем рейхе методы, подвергнутые коррекции сообразно местным условиям. В полном соответствии с установками “искусства военного времени”⁵ пропагандисты стремились взять под контроль не только политическую, но и частную жизнь индивида, в соответствии с провозглашенным приоритетом нации над личностью. Особая роль в пропаганде отводилась “настоящему немецкому позитивному юмору”⁶, в котором солдат Третьего рейха, ведомый А. Гитлером, являлся символом борьбы против “темных сил”. В этой борьбе каждому была отведена своя роль: немецкий солдат с оружием в руках борется за Новую Европу, а население оккупированных территорий, за исключением “евреев, плутократов и коммунистов”, всеми силами ему в этом помогает. В целом, задачей пропаганды было не только показать превосходство и истинность социально-политических теорий идеологов национал-социализма, но и убедить в этом местное население.

В оккупированной нацистами Латвии основным приемом политической пропаганды было создание и эксплуатация образа врага. Описание “Страшного года”⁷ и тенденциозная интерпретация фактов истории Латвии, при особом акценте на темах коммунистического кровавого террора и заговора против латышского народа, стало ключевым моментом в системе пропаганды⁸. Издаваемые на территории Латвии газеты неустанно рисовали картины темного прошлого и ожидаемого

светлого будущего, которое станет возможным благодаря мудрому руководству фюрера.

Неотъемлемой частью нацистской идеологии являлся антисемитизм. План “Barbarossa”, расценивавшийся как высшая миссия нацизма, преследовал своей целью “освобождение мира от еврейства и его порождения – большевизма”⁹. “Жидобольшевик” являлся антиподом пропагандируемым нацистами “ценностям европейской культуры” и всему тому, за что боролся национал-социализм. Расистская антисемитская доктрина нацистов носила универсальный характер, охватывая все сферы жизни человека, отвечая на все вопросы и разъясняя каждую проблему – локальную или универсальную.

Следовавшие за передовыми частями вермахта пропагандистские роты развернули интенсивную работу, главной целью которой являлось связать события года советской оккупации – деятельность репрессивных органов и массовые преследования, национализацию и т. д. – с евреями, тем самым возложив всю полноту ответственности за преступления сталинского режима на них. Думается, вряд ли обоснованным будет мнение, что целью массированной антисемитской пропаганды являлось только привлечение как можно большего количества латышей для соучастия в геноциде еврейского народа или непотивление ему¹⁰. Мы полагаем, что массированный поток антисемитских публикаций имел целью заставить латышское население понять, что необходимо найти свое место в “этой великой освободительной борьбе человечества против нечеловеческого жидо-большевистского ига”, ибо судьба латышского народа зависит только от его решимости¹¹. Справедливо предположение латышского исследователя Л. Дрибина, что “нацисты уничтожили бы латвийских евреев, даже если бы не было всплеска антиеврейских настроений. Однако именно они (антиеврейские настроения. – К.З., Д.О.) помогли нацистам распространять лживое представление о том, что латыши сами требовали ликвидации латвийских евреев. Была прямая поддержка прессы коварному плану нацистов возложить вину за Холокост на местных националистов”¹². Так, специальный корреспондент газеты “*Litzmannstadter Zeitung*” в Риге, обосновывая создание гетто, отмечал: “Отношение латышей к евреям крайне враждебное. Вследствие этого, оккупационные власти изолировали евреев и сконцентрировали их в отдельных районах. Из них под охраной евреев доставляют на работу и обратно”¹³. Нацистские пропагандисты, манипулируя фактами, пытались доказать, что “латыш – злейший и безжалостнейший ненавистник и истребитель”¹⁴.

В издаваемой на латышском языке периодике особое место занимала газета “Tēvija”, которая стала символом новой власти и на протяжении всего периода оккупации выполняла функции центрального печатного органа¹⁵. Она выходила на латышском языке и имела самую большую читательскую аудиторию. Первый номер газеты “Tēvija” вышел в свет 1 июля 1941 г. – в день, когда передовые части вермахта вошли в Ригу. Ставшей негласным официозом оккупационных властей газете удалось сохранить данный статус практически до окончания войны – последний номер газеты вышел 29 апреля 1945 г. В начале газета выходила в Риге, а с 17 октября 1944 г., в связи отступлением немецких оккупационных войск, продолжала выходить в Лиенае. При этом ее название изменилось на “Tēvija un Kurzemes Vārds”¹⁶. Периодичность издания – 6 раз в неделю с единственным перерывом с 11 по 16 октября 1944 г., когда редакция была эвакуирована в Лиенау. Всего вышло в свет 1168 номеров газеты.

Формально издателем газеты являлся Эрнестс Крейшманис [*E. Kreišmanis*]¹⁷, хотя фактически “Tēvija” находилась в ведении отдела пропаганды рейхскомиссариата Остланд¹⁸. “Tēvija” являлась единственным периодическим изданием в генеральном округе Латвия, материалы которого в течение всего периода оккупации подвергались цензуре до их опубликования¹⁹. Цензором газеты являлся бывший редактор “Rigasche Rundschau” Эрнест Эдуард фон Мензенкамф²⁰, вернувшийся в Латвию летом 1941 г. в звании зондерфюрера пропагандистской роты [*Propagandastaffel*]. Помимо непосредственного осуществления цензуры, Отдел пропаганды регулярно разрабатывал и рассылал инструкции [*Anweisungen*] и наставления [*Vertrauliche Presseinformation*] по использованию терминологии, тематике материалов, а также предоставлял материалы для перепечатки²¹. Следовательно, именно данный печатный орган можно считать рупором оккупационного режима на латышском языке, а множество контролирующих органов полностью исключало возможность появления случайных, противоречивых или неугодных режиму материалов.

Первым редактором “Tēvija” стал Артурс Кродерс²², известный своей антинемецкой риторикой в период Первой республики, поэтому уже 25 июля 1941 г. его сменил Андрейс Рудзис²³, проработавший до 23 сентября 1941 г. Следующим редактором на протяжении более трех лет был Паулс Ковалевскис²⁴. С 26 ноября 1944 г. и до 29 апреля 1945 г. редактором газеты был Янис Витолс²⁵.

Объем источника не был постоянным: в начале издания – 4 полосы, впоследствии объем увеличился до 6 полос, при этом номера, выходившие в субботние дни, были более обширными. В исключительных случаях объем издания достигал 16 полос. Со второй половины 1944 г., за редким исключением, количество полос уменьшалось до 2. Одновременно снизилось качество печати, незадолго до этого бывшее образцовым.

В начале издания цена газеты составляла 15 копеек, после денежной реформы – 8 рейхспфеннингов, а с осени 1944 г. – 10 рейхспфеннингов. Стоимость месячной подписки составляла 1,85 рейхсмарки, что было сравнительно небольшой суммой²⁶.

Как уже отмечалось, “Tēvija” была самым массовым изданием на латышском языке – ее тираж достигал 280 000 экземпляров. Даже у последних номеров газеты тираж был значительным и составлял 25 000 экземпляров²⁷. Несмотря на то, что в конце 1941 г. на территории Латвии издавалось более 30 официальных периодических изданий на латышском языке²⁸, которые являлись серьезными конкурентами для “Tēvija”, и несмотря на трудности в доставке газеты к читателям²⁹, жители различных районов Латвии проявляли интерес именно к этой газете.

Издатели позиционировали газету как общественно-политический орган. Информация с фронта и сообщения о положении в мире, официальные распоряжения и экскурсии в историю, практические советы и литературные зарисовки чередовались с фотографиями и карикатурами. Значительная роль в системе нацистской пропаганды принадлежала карикатуре. Интересно, что и в самой периодической печати Латвии того времени имеются свидетельства о важности карикатуры в системе политической пропаганды: “Как удивительно это ни звучит, карикатура... этот незначительный, напечатанный на журнальной или газетной полосе, издательский, зачастую с трагической усмешкой издательский рисунок, является очень важным оружием политической и социальной борьбы... карикатура идеально выполняет... задачу – она воспитывает, разъясняет, агитирует, раскрывает и обвиняет”³⁰.

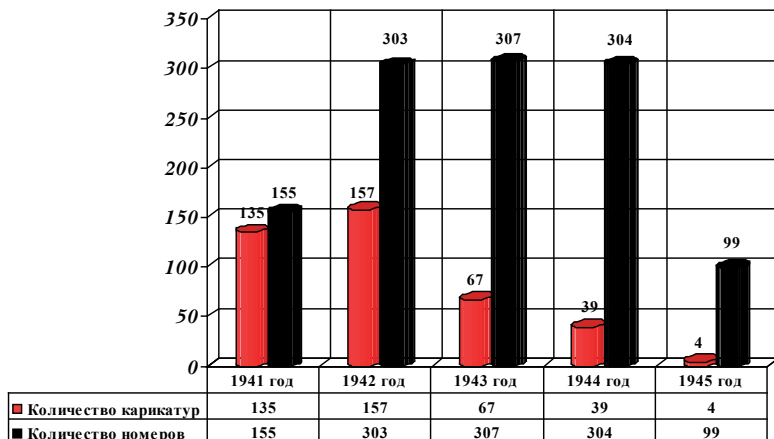
Реалии военного времени требовали от пропагандистов не только следовать указаниям вышестоящих (или контролирующих) органов, но и проявлять гибкость в выборе тематики и объекта карикатур, способа его отображения. Значительное количество карикатур было посвящено “еврейскому вопросу”.

В процессе источниковедческой критики данного исторического источника под “антисемитской карикатурой” авторы подразумевают сатирический рисунок на общественную, политическую или бытовую тематику, в котором прямо или косвенно используется архетипическая символизация³¹, с помощью которой визуализируется роль евреев в изображаемых внутри- и внешнеполитических процессах. Карикатура, в отличие от карикатурной иллюстрации, выполняющей второстепенные (иллюстративные) функции, является самостоятельной информационной единицей и однозначно воспринимается аудиторией с сопровождающим ее текстом (легендой) или без таковой. Поэтому авторы из анализа исключили иллюстрации к фельетонам³², стилизованные заголовки статей, графические рекламные объявления и т. д. По мнению авторов, задачей карикатуры было не столько иллюстрирование газетной информации (данную функцию выполняли фотографии, создававшие впечатление объективности и достоверности материалов), сколько привлечение внимания аудитории к конкретной статье или к полосе в целом, либо к определенной проблеме.

Общее количество карикатур, опубликованное на страницах источника, – 402³³, т. е. в среднем 1 карикатура на 2,92 номера. Наиболее часто карикатуры появлялись в 1941-42 годах, затем их количество стабильно уменьшалось (см. рис. 1).

Рис. 1

СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕГО КОЛИЧЕСТВА НОМЕРОВ ГАЗЕТЫ “ТЁВИЈА” И ОПУБЛИКОВАННЫХ КАРИКАТУР

На начальном этапе немецкой оккупации пропагандистам требовалось не только заставить аудиторию газеты принять новую идеологию, но и привлечь внимание читателей к самому изданию, что в условиях военного времени было трудновыполнимой задачей. Однако высокая частота появления карикатур на страницах “Tēvija” не может быть объяснена лишь желанием привлечь внимание читателя к газете. Апелляция к эмоциональной сфере увеличивала эффективность воздействия пропаганды в целом, акцентировала главные особенности, создавала некий inferнальный образ врага, четко отпечатывавшийся в сознании обывателя. Несмотря на наметившееся с 1943 г. снижение количества карикатур, этот образ, созданный карикатуристами, поддерживался и в дальнейшем. Лишь во второй половине 1944 г. наблюдается резкое уменьшение числа карикатур.

Интересно, что количество публикуемых карикатур напрямую не зависело от значимости событий, происходивших на театре военных действий³⁴.

В процессе атрибуции источника была сделана попытка установить авторов карикатур. В итоге карикатуры были распределены по трем категориям:

1. Работы местных авторов.
2. Перепечатки из изданий Третьего рейха.
3. Неатрибутированные карикатуры³⁵ (подробнее см. табл. 1).

Таблица 1

АВТОРСТВО КАРИКАТУР В ГАЗЕТЕ “Tēvija”

	Произведения местных авторов	Перепечатки из изданий Третьего рейха	Авторство карикатуры не установлено
1941 г.	86 %	13 %	1 %
1942 г.	65 %	32 %	3 %
1943 г.	84 %	11 %	4 %
1944 г.	85 %	12 %	3 %
1945 г.	100 %	0 %	0 %

Итак, у подавляющего большинства опубликованных в источнике карикатур были латышские авторы (84 %).

В периодической печати оккупированной Латвии свои произведения помещали многие латышские карикатуристы³⁶, однако в газете “Tēvija” карикатуры публиковали в основном два художника – Эрнестс Рирданс

(Рирданцис) [*Ernests Rirdāns (Rirdancis)*]³⁷ и Рейнис Бирзгалис [*Reinis Birzgalis*]³⁸.

На данной стадии исследования авторы не располагают полной информацией о гонорах карикатуристов в разные периоды оккупации. Тем не менее известно, что 5 мая 1944 г. была принята новая ставка оплаты, согласно которой гонорар за одну карикатуру составил от 15 до 50 рейхсмарок³⁹. При этом гонорар Э. Рирданса за январь 1943 г. составил 280 рейхсмарок⁴⁰, в феврале – 110 рейхсмарок⁴¹, а гонорар за май 1944 г. увеличился до 342 рейхсмарок⁴². Несмотря на солидные выплаты авторам карикатур, они все же были на порядок ниже гонораров авторов передовиц, составлявших примерно 100 рейхсмарок за статью⁴³.

В отличие от карикатур немецких авторов, работам местных художников был присущ особый символический ряд и, частично, оригинальная проблематика – только в них появляются сюжеты, отображающие ситуацию в Латвии.

Количество карикатур, перепечатанных из изданий Третьего рейха (главным образом из “*Die Lüstige Blätter*”, “*Der Orbis*”⁴⁴, “*Interpress*”), не было пропорционально связано с общим числом карикатур в газете “*Tēvija*”. По всей видимости, пропорция перепечаток и оригинальных карикатур централизованно не регулировалась. Увеличение количества заимствований и перепечаток в 1942 г. связано с увеличением числа сатирических рисунков на бытовую тему.

Авторскую принадлежность незначительного количества карикатур не удалось установить (2,2 % от общего числа), что вызвано отсутствием собственной атрибуции (подписи) и, частично, оригинальностью композиционного решения – карикатуры латышских авторов (главным образом Э. Рирданса и Р. Бирзгалиса) отличались от произведений немецких авторов.

Большинство исследователей вплоть до настоящего времени делали вывод о преобладании антисемитских сюжетов в общем массиве изобразительных материалов⁴⁵. Подобные выводы не были основаны на критике источника с использованием статистических методов исследования. Вероятно, они были обусловлены скорее общим эмоциональным настроем публикаций, в которых антисемитская идеология, бесспорно, занимала значительное место. Полученные в результате количественного анализа газеты “*Tēvija*” данные свидетельствуют о том, что выводы о преобладании антисемитских изобразительных материалов в общем объеме публикаций в оккупационной прессе необоснованны (см. табл. 2).

ЧАСТОТНОСТЬ ВСТРЕЧАЕМОСТИ КАРИКАТУР
АНТИСЕМИТСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В ГАЗЕТЕ “Tēvija”
ПО МЕСЯЦАМ⁴⁶

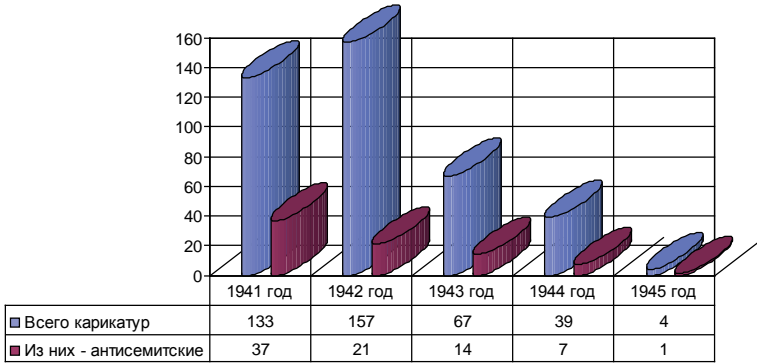
Год	Внутриполитические			Внешнесполитические			Всего
	“Страшный год”	Актуальные события	Быговые	Великобритания и США	СССР	Страны анти-гитлеровской коалиции	
1941	17	2	0	3	10	5	37
1942	0	0	0	6	9	6	21
1943	0	0	0	8	2	4	14
1944	0	0	0	2	4	1	7
1945	0	1	0	0	0	0	1
Всего в ис- точ- нике	17	3	0	19	25	16	
	20			60			
	80						

В пропорциональном отношении количество антисемитских карикатур в источнике составляет около 20 % от общего числа опубликованных карикатур: в 1941 г. их удельный вес был 27,8 %, в 1942 г. – 13,3 %, в 1943 г. – 20,8 %, в 1944 г. – 17,9 %, а в 1945 г. – 25 % (подробнее см. рис. 2).

Из рассмотрения комплекса карикатур в источнике видно, что, несмотря на общий ксенофобский фон газеты “Tēvija”, антисемитский элемент в изобразительных материалах не являлся доминирующим. Авторам не удалось выявить прямую зависимость удельного веса карикатур антисемитского содержания от изменений внутриполитических реалий или событий на фронтах.

Как видим, наибольшее количество карикатур было опубликовано в 1941 г., и они затрагивали события “Страшного года”. В серии карикатур Р. Бирзгайлеса “Краткий курс истории”⁴⁷ евреи появляются в ипостасях, обозначенных нацистскими идеологами: встречали части Красной Армии летом 1940 г., учреждали советскую власть в Латвии, получили наибольшие блага от коммунистического режима, тогда как

КОЛИЧЕСТВО КАРИКАТУР АНТИСЕМИТСКОГО СОДЕРЖАНИЯ
ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЩЕМУ КОЛИЧЕСТВУ КАРИКАТУР
(в абсолютных цифрах)

латыши прозябали под гнетом оккупационных властей и являлись лишь марионетками в руках евреев и т. д.:

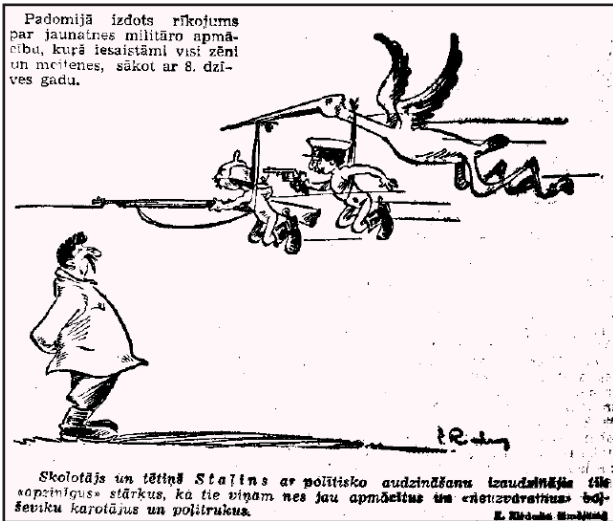

30 ноября и 12 декабря 1941 г. стали поворотными пунктами в истории еврейской общины Латвии: в местечке Румбула, недалеко от Риги, прошли две акции по уничтожению еврейского населения, в результате которых было убито около 24 000 человек⁴⁹. Это в некоторой степени уменьшило вакханалию антисемитской пропаганды – теперь евреи на территории Латвии были либо уничтожены, либо (незначительная часть) изолированы от нееврейского населения. Однако антисемитская пропаганда, тем не менее, продолжала проводиться – при том, что наибольшее внимание теперь стало уделяться внешнеполитическим событиям⁵⁰. Не стоит забывать, что в нацистской пропаганде Вторая мировая война определялась также и как война с мировым еврейством. Теперь необходимо было сформировать у потенциальной аудитории представление о том, что только “стремление жидизма к мировому господству” объединяет Великобританию, США и СССР, так как в вышеозначенных государствах у власти находятся евреи, и отличий между “жидом-комиссаром” и “жидом-плутократом” нет, у них одна цель – мировое господство⁵¹. Начиная с 1942 г. в карикатурах сатирически рассматривались отношения между странами антигитлеровской коалиции, и для пропагандистов было важно связать сталинский режим с США и Великобританией для дискредитации в глазах аудитории последних как традиционных союзников Независимой Латвии.

Данная тенденция сохранилась и в 1943-44 гг.; одновременно увеличилось количество карикатур, отображавших сталинский режим:

Использование иудейской символики в антисемитской пропаганде в подавляющем большинстве случаев было характерно для работ немецких авторов, и только с 1943 г. появляется в работах латышских авторов. Думается, это было вызвано частичной унификацией пропагандистской модели на оккупированных территориях и снижением количества ори-

гинальных сюжетов. Динамика использования символических компонентов представлена в табл. 3.

Таблица 3

Год	Общее количество использованных символов		
	Из них – иудейская символика	Из них – архетипические представления о евреях	Всего
1941	4	32	36
1942	4	19	23
1943	5	17	22
1944	2	7	9
1945	-	1	1

В процессе анализа карикатур в газете “Tēviņa” были выявлены карикатуры, в которых антисемитский компонент не проявлялся явно. Тем не менее, авторы считают, что и эти карикатуры необходимо отнести к числу антисемитских.

Итак, в общем количестве карикатур в газете “Tēvija” антиеврейские карикатуры не преобладали. Однако авторы предостерегают от поспешных выводов о том, что антисемитизм в изобразительных материалах оккупационной прессы Латвии был незначителен. В других газетах, издаваемых на оккупированной территории Латвии (например, “Laikmets”⁵⁶ или “Humorists”⁵⁷) антисемитский компонент присутствовал в значительно большей степени. В периодической печати, издаваемой на русском языке, антиеврейская проблематика также была выражена более ярко (причем нередко для усиления эмоционального воздействия на аудиторию лидеры стран антигитлеровской коалиции снабжались иудейской символикой)⁵⁸. Объективные выводы станут возможны только после количественного анализа всех сохранившихся периодических изданий, выходивших в Латвии в оккупационный период⁵⁹.

Представленные результаты не являются окончательными и не могут в полной степени ответить на вопросы, поднимаемые в современной историографии. Вопреки распространенному ранее мнению, на основе статистического анализа авторы делают вывод, что в газете “Tēvija” антисемитский компонент в карикатурах не являлся доминирующим; в наиболее агрессивном виде антисемитский элемент присутствует здесь не в принадлежащих местным авторам, а в заимствованных (перепечатанных из других источников) карикатурах.

Статистические данные также свидетельствуют о том, что именно на начальном этапе нацистской оккупации Латвии карикатуре была отведена значительная роль, при этом беремся предположить, что с возложенными на нее задачами она прекрасно справилась. Последующее снижение количества карикатур антисемитского содержания было следствием влияния нескольких факторов: сформированный карикатурами на начальном этапе оккупации эмоциональный настрой затем поддерживался и культивировался иными пропагандистскими методами, в частности – художественными текстами, воззваниями, прокламациями и т. д., а изменение положения на театре военных действий требовало смещения парадигм пропаганды. Несмотря на снижение количества карикатур антисемитского содержания, они публиковались вплоть до последних дней оккупации.

¹ Отчизна (лат.).

² Однако необходимо отметить, что информация, зафиксированная в периодической печати, интересна также и представителям других гуманитарных дисциплин: например, истории литературы.

³ Dūra D., Gundare I. Okupācijas vara un Latvijas cilvēks: izmaiņas sabiedrības psiholoģiskajā noskaņojumā (1940–1941) // Okupācijas režīmi Latvijā 1940–1959 gadā. Latvijas Vēsturnieku komisijas 2002. gada pētījumi. Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. –10. sēj.– Rīga: LVIA, 2004. – 129–130. lpp.

⁴ Примером тому может служить обилие статей, в которых выражалась благодарность оккупационным войскам за освобождение от советской оккупации. См., например, Atbrīvotās Latvijas organizācijas centrā [В центре организации освобожденной Латвии. – здесь и далее авторы приводят перевод ключевых названий статей] // Tēvija. – 1941. – 01. jūl.; Vēsturiskais rīts Rīgā. [Историческое утро в Риге] // Tēvija. – 1941. – 01. jūl.; Ed. Doreika. Lielajā vēsturiskajā pagriezienā [На великом повороте истории] // Tēvija. – 1941. – 02. jūl.; Kvālis A. Gaviles pār Sirmo Rīgu 1. jūlija gītā [Радость за Седую Ригу 1 июля] // Tēvija. – 1941. – 02. jūl.; Lielā atpestīšana [В великом искуплении] // Tēvija. – 1941. – 07. jūl. Аналогичные тексты помещались и в других изданиях, например, Grieze V. Latviešu tauta ir atkal brīva [Латышский народ снова свободен] // Nacionālā Zemgale. – 1941. – 30. jūn.; Andrejs Burtņieks. Atbrīvotā Jelgava. [Освобожденная Елгава] // Nacionālā Zemgale. – там же, и др. [Здесь и далее сохранена орфография оригинала].

⁵ Benjamin W. Gesammelte Schriften. – Frankfurt am Main. – Bd. III. – S. 482–495. [Цит. по: Longerich P. Nationalsozialistische Propaganda. Deutschland 1933–1945 // Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. – 1993. – Band 314. – S. 296]. См. также: Clark T. Art and Propaganda in the Twentieth Century. [The Political Image in Age of Mass Culture]. – London, 1997. – P. 103.

⁶ Remak J., ed. The Nazi Years. A Documentary History. – Illinois, 1990. – P. 89.

⁷ Лат. – “Baigais gads”. Данное обозначение периода советской оккупации 1940–1941 гг. появилось впервые в августе 1941 г. и впоследствии активно эксплуатировалось для усиления эмоционального воздействия на аудиторию. Примечательно, что это словосочетание употребляется и в современной политической и научной литературе.

⁸ Аналогичная ситуация наблюдалась и в периодической печати Третьего рейха. См.: Frei N. Nationalsozialistische Presse und Propaganda. Das Dritte Reich: Herrschaftsstruktur und Geschichte. – München, 1983. – S. 173.

⁹ Jacobsen H.A. Krieg in Weltanschauung und Praxis des Nationalsozialismus (1919–1945) // Nationalsozialistische Diktatur 1933–1945. Eine Bilanz. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1986. – S. 430.

¹⁰ Dribins L. Antisemitisms un tā izpausmes Latvijā. Vēstures atskats // Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. 4. sēj.– Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2001. – 114. lpp.

¹¹ Augusts Brocis. Būsim gatavi. [Будем готовы] // Nacionālā Zemgale. – 1941. – 19. jūlijs.

¹² Dribins L. Antisemītiskās ideoloģijas histērija vācu nacistu okupētajā Latvijā 1941.–1942.gadā // Holokausta izpētes problēmas Latvijā. Starptautiskās konferences referāti un pētījumi par holokaustu Latvijā. 2000.gada 16. – 17. oktobris, Rīga, LVIA, 2001. – 125.lpp.

¹³ Цит. по: Velns cilvēka izskatā. [Черт в человеческом облики] // Daugavas Vēstnesis. –1941. – 7.oktobris.

¹⁴ Vītols J. Latvieši cīņā ar žīdiem! [Латыши в борьбе с жидами!] // Daugavas Vēstnesis. –1941. – 23.oktobris.

¹⁵ Официальным печатным органом на латышском языке было издание “Rīkojumu Vēstnesis” [“Вестник распоряжений”].

¹⁶ “Отчизна и Курземское слово”. Под этим названием газета выходила до 29 октября 1944 г., впоследствии изданию было возвращено прежнее название – “Tēvija”.

¹⁷ Э. Крейшманис (1890–1965), полковник Латвийской армии, в начале июля 1941 г. – руководитель центра Латвийской Организации.

¹⁸ Отметим, что до 1 декабря 1941 г. данный печатный орган подвергался цензуре руководителем группы пропагандистов в Риге зондерфюрером Густавом Дресслером [Dressler]. Данная группа работала в подчинении отдела (в некоторых источниках – сектора) пропаганды Балтии и Белоруссии (в оригинале – Baltrutēnija) вермахта. Г. Дресслер впоследствии стал руководителем отдела пропаганды. Отдел пропаганды, в свою очередь, находился в подчинении Отдела прессы и образования Министерства восточных оккупированных территорий [Abteilung Presse und Aufklärung im Reichministerium für besetzten Ostgebiete].

¹⁹ Отметим, что некоторые провинциальные издания, например “Kurzemes Vārds”, на начальном этапе оккупации и в 1944–1945 гг., при приближении линии фронта, также подвергались цензуре до выхода в свет. В остальных случаях издание региональных печатных органов контролировалось местными цензорами и окружными комиссарами, а цензура материалов проводилась после их опубликования. Параллельно надзором за периодической печатью занимались цензоры вермахта и службы безопасности [Sicherheitspolizei und SD].

²⁰ Э. Э. фон Мензенкамф [Mensenkampff] (1895–1945), редактор крупнейшей немецкоязычной газеты Первой республики “Rigaesche Rundschau” с 1933 по 1939 гг.

²¹ См.: Latvijas Valsts vēstures arhīvs [Государственный исторический архив Латвии; далее – LVVA], P-74 f. (Laikraksta “Tēvija” redakcija), 1.apr., 2., 3., 4 l. (Rīgas ģenerālkomisāra konfidencialie norādījumi preseī informāciju lietās) [Конфиденциальные указания прессе генерального комиссара Рига по подаче информации].

²² Артурс Кродерс [Arturs Krodērs] (1892–1973) – публицист, редактор газет “Tēvijas Sargs” [“Защитник Отечества”] (1919–1920; 1934–1937) и “Pirmdienā” [“Понедельник”] (1925–1927; 1930), соредактор журнала “Vārds” [“Слово”] (1937–1939), обоснованно считается одним из идеологов режима К. Улманиса. С 1944 г. проживал в Швеции.

²³ Андрейс Рудзис [Andrejs Rudzīis] (1905–1984) – капитан Латвийской армии, редактор газет “Latvijas Kareivja” [“Солдат Латвии”] (1940) и “Sarkanā Kareivja” [“Красный солдат”] (август – октябрь 1940 г.). После войны проживал в США.

²⁴ Паулс Ковалевскис [Pauls Kovaļevskis] (1912–1979), псевдоним Pāvils Klāns – писатель и журналист. С 1944 г. – в Германии. После войны жил в ФРГ и Дании.

²⁵ Янис Витолс [Jānis Vītols] (1911–1990) – редактор официоза “Rīkojumu Vēstnesis” (1942–1944), член издательского совета “Tēvija”.

²⁶ Минимальная оплата труда составляла 60 рейхсмарок в месяц, а почасовая оплата рабочего, в зависимости от квалификации, составляла от 27 до 50 рейхспфеннингов в час. Стоимость подписки газеты на месяц была практически эквивалентна стоимости 1 кг масла. Более подробно см.: Tēvija. – 1941. – 15.sept. Стоимость же других изданий была соизмеримой с ценой “Tēvija”.

²⁷ Flīgere Ē., sast. Latviešu periodika: 1940–1945. – Rīga, 1995. – 126.lpp.

²⁸ Там же, 145 – 147.lpp.

²⁹ Так, например, жители Тукумса, находящегося сравнительно недалеко от Риги, получали номер только на следующий день после его выхода, что волновало редактора местного издания “Tukuma Ziņas” [“Новости Тукума”], так как туда одновременно доставлялся бюллетень “Deutsche Nachrichtenbüro”, информация из которого перепечатывалась в “Tukuma Ziņas” и уже была опубликована в “Tēvija”. См.: LVVA, P-73. f. (Laikraksta “Tukuma Ziņas”redakcija), 1.apr., 1.l. (Sarakste ar ziņu biroju “Ostland” par informācijas piegādi) [Переписка с информационным бюро “Ostland” о доставке информации].

³⁰ Erlahs I. Karikatūra kā raža ierocis. // Daugavas Vēstnesis.- 1941.- 18.nov.

³¹ Т. е. исторически сложившиеся стереотипные представления, вызывающие однозначные ассоциации с еврейским народом, например, шаблонные представления о внешнем виде или традициях евреев, иудейская символика и т. д. Более подробно: Schäfer J. Das anti-jüdische Stereotyp. Über die Tradition des visuellen “Judenbildes” in der deutschsprachigen Propaganda. – http://www.shoa.de/antisemitische_stereotypen.html

³² Например, сатирические произведения, фельетоны и т. д., в которых карикатуры лишь дополняют текстовую информацию.

³³ К удивлению авторов, в источнике, несмотря на близость сюжетов карикатур, нет ни одного прямого копирования.

³⁴ Хотя, бесспорно, была прямая сюжетная зависимость.

³⁵ Карикатуры, авторскую принадлежность которых установить невозможно.

³⁶ Например, J. Dreslers, Bo-Ga, A. Zands.

³⁷ Э. Рирданс (1901–1954), карикатурист. После войны жил в Великобритании. Более подробно см.: Sils H. Mūsu tēlotājas mākslas darbinieku īsbiogrāfijas. Archīvs. V: Raksti par trimdas problēmām un tēlotāju mākslu. – Melburna, 1965. – 149.lpp.

³⁸ Р. Бирзгалис (1907 - ?), карикатурист, режиссер, актер. После войны проживал в США.

³⁹ LVVA, P-74.f., 1.apr., 1.l., 28.lp. Отметим также, что гонорары выплачивались и за перепечатанные материалы, предоставленные информационными агентствами. Такие “гонорары” являлись одновременно и абонентной платой за услуги информационных агентств.

⁴⁰ Всего опубликовано 7 карикатур и 3 иллюстрации к фельетонам Aèuk'a.

⁴¹ Опубликована 1 карикатура и 2 иллюстрации к фельетонам Aèuk'a.

⁴² Опубликованы 3 карикатуры и 3 иллюстрации к фельетонам Aèuk'a. – LVVA, P-74.f., 1.apr., 1.l., 10. – 29.lp.

⁴³ Так, например, в январе 1943 г. гонорар В. Балткаиса [V. Baltkājis] за переводы составил 770 рейхсмарок, П. Ковалевского – 776 рейхсмарок. Подробнее см.: LVVA, P-74.f., 1.apr., 1.l., 10., 27.lp.

⁴⁴ Возможно, что среди матриц и клише фотоматериалов, получаемых из редакций “Orbis-Photo” и “Ostraum-Bilderdienst”, могли быть также и карикатуры.

⁴⁵ Например, украинский исследователь Семен Авербух считает, что 99% опубликованных карикатур были антисемитскими (Авербух С. Гитлеровская пропаганда юдофобии в прокламациях и карикатурах. – Киев, 2002). Данного мнения придерживались также и некоторые латвийские исследователи (Oļehnoviē D. “Karikatūra kā kara ierocis”: daļas tendences nacionālsociālistiskajā propagandā // Starptautiskās konferences “Latvija nacistiskās Vācijas okupācijas varā 1941–1945” materiāli. – Rīga, 2004. – 30-40.lpp.).

⁴⁶ В процессе исследования авторами была проведена классификация карикатур на основе сюжетного анализа. Подробнее см.: Oļehnoviē D., Zellis K. Laikraksta “Tēvija” karikatūras kā nacistiskās okupācijas režīma propagandas līdzeklis (1941–1945) // Latvijas Vēsture. Jaunie un Jaunākie laiki / Red. vad. Ī. Zīle. – 2005. – 1 (57). – 47. – 66.lpp.

⁴⁷ Tēvija. – 10.11.1941. – 5.12.1941.

⁴⁸ Tēvija. – 1941. – 15.okt. Автор Р. Бирзгайлис. Легенда: “Жанис Спуре – граммофон партии”.

⁴⁹ Ezergailis A. Holokausts vācu okupētajā Latvijā. – Rīga: 1999–298.lpp.

⁵⁰ Предполагаем, что данное пропагандистское смещение было вызвано изменением в общей доктрине пропаганды. Этот тезис не является аксиомальным и требует более детальной разработки, так как определение Латвии как “judenfrei” кардинально не уменьшило количество антисемитских нападок в печати.

⁵¹ Bauers J. Augstākā īla. [Высший залог] // Daugavas Vēstnesis. – 1941. – 21.okt.

⁵² Tēvija. – 1942. – 03.janv. Автор Р. Рирданс, название “Черчилль гостит в Канаде”; легенда: “О прибытии Черчилля в Канаду нью-йоркские информаторы говорят... во рту у него была сигара, а на лице знакомая черчилльская улыбка”, внизу – “Смейся, Паяццо...”

⁵³ Tēvija. – 1942. – 03.febr. Автор Р. Рирданс; название – “Цивилизация”; легенда: “В начале войны Сталин обещал стереть с лица земли финский народ. Сейчас «цивилизованный мир» – Англия и Америка – призывают смягчить наказание и выслать финнов в Сибирь, где они постепенно вымрут сами. «Цивилизованный мир» – Иосиф, не нужно сразу, нужно «кошерно» – чик, немного подождать и снова – чик”.

⁵⁴ Tēvija. – 1942. – 12.nov. Автор Р. Рирданс, легенда: “В Советах издано распоряжение о призыве молодежи на военное обучение, куда призываются все мальчики и девочки начиная с 8 лет. Учитель и отец Сталин благодаря политическому воспитанию приручил аистов, которые приносят ему обученных большевистских солдат и политруков”.

⁵⁵ Tēvija. – 1944. – 29.aug. Автор Р. Рирданс, название “Сталин в ванне”; легенда: “О, черт! Так он же совсем не грузин”.

⁵⁶ Эпоха (лат.).

⁵⁷ Юморист (лат.).

⁵⁸ См., например: Олехнович Д. “Сталин – еврей”: антисемитские карикатуры в газете “Двинский Вестник” // Евреи в меняющемся мире. Материалы 4-ой международной конференции. – Рига, 2002. – С. 212–217. В этой газете таких карикатур две (27.07.1941 и 26.10.1942); их авторами были художники Третьего рейха.

⁵⁹ На настоящий момент авторами данной статьи проводится исследование всего комплекса периодических изданий, издававшихся на территории Латвии в период нацистской оккупации. Результаты исследования будут представлены в 2006 г.

**“Schießt ihn Tot”:
роль штаба Екельна и подчиненных
ему подразделений в истреблении евреев
Украины летом и осенью 1941 г.**

Введение

Имя Фридриха Екельна часто встречается в монографиях и статьях о Холокосте, особенно о Холокосте на временно оккупированной территории бывшего СССР. Он оставил кровавый след в Украине, Прибалтике, Белоруссии, России. Особенно часто Екельн упоминается в связи с ликвидацией гетто в Риге в конце 1941 г., но мало кому известно, что по его приказу были уничтожены и гетто в Пскове (Россия) в феврале 1942 г., и гетто в Барановичах (Белоруссия) в конце сентября 1942 г. Практически ничего не написано (как отечественными, так и зарубежными историками) о деятельности Екельна в Украине. Имеется лишь статья немецкого историка К.-М. Mallmann о роли Екельна в истреблении евреев в Каменец-Подольском в конце августа 1941 г.¹

В данной работе на основании как опубликованных, так и неопубликованных документов и материалов предпринимается попытка этот пробел устранить: раскрыть роль Екельна в организации массового геноцида еврейского населения в Украине летом и осенью 1941 г., показать степень участия в этом истреблении подчиненных ему подразделений СС и полиции и результаты их деятельности.

**Формирование штаба Екельна, его состав
и подчиненные штабу части СС и полиции**

В ходе подготовки к нападению на СССР наряду с оперативными группами и командами полиции безопасности и СД согласно договоренности между Главным командованием сухопутных сил (ОКХ) и Гиммлером было также предусмотрено использовать в тылу немецких войск подразделения охранной полиции и войска СС, подчиняющиеся “высшему фюреру СС и полиции” (Höhere SS-und Polizeiführer). Назначение “высших фюреров СС и полиции” Гиммлер в приказе от 21 мая 1941 г. обосновывал необходимостью безусловного выполнения “специального приказа фюрера в области политического управле-

ния”. Под “специальным приказом фюрера” имелись в виду указания Гитлера о “немедленном обезвреживании всех большевистских главарей и комиссаров” и ликвидации “еврейско-большевистской интеллигенции”, которые он дал на совещании руководства немецкой армии 3 марта 1941 г.² Эти указания Гитлера нашли отражение в “Инструкции об особых областях к директиве № 21 (план “Барбаросса”)” от 13 марта 1941 г., подписанной начальником штаба Главного командования вермахта (ОКВ) Кейтелем. В инструкции, в частности, отмечалось, что “для подготовки политического управления в оперативном районе сухопутных сил на рейхсфюрера СС по поручению фюрера возлагаются специальные задачи, которые вытекают из окончательно ставшего неизбежным столкновения двух противоположных политических систем. В рамках этих задач рейхсфюрер СС действует самостоятельно и на свою ответственность...”³ Обеспечить выполнение этих задач всеми назначенными в тыл немецких войск частями СС и полиции путем координации их деятельности как раз и должны были “высшие фюреры СС и полиции”. Их статус и полномочия были определены Гиммлером следующим образом:

1. Высший фюрер СС и полиции со штабом в отношении передвижения, размещения и снабжения подчиняется начальнику соответствующего тылового района сухопутных сил. Высшему фюреру СС и полиции для выполнения возложенных на него непосредственно мною задач подчиняются части СС и полиции. Высший фюрер СС и полиции информирует начальника соответствующего тылового района сухопутных сил о возложенных на него мною задачах.

Начальник тылового района сухопутных сил имеет право давать высшему фюреру СС и полиции указания, которые необходимы для того, чтобы избежать нарушений операций и задач сухопутных сил. Они являются более важными, чем все прочие указания.

2. Назначенные части СС и полиции в отношении передвижения, снабжения и размещения подчиняются начальнику тылового района сухопутных сил...

3. Задачи действующих под руководством высшего фюрера СС и полиции частей СС и полиции в тыловом районе сухопутных сил –

а) относительно полиции безопасности (СД):

задачи оперативных групп и оперативных команд полиции безопасности (СД) определены уже в письме ОКХ от 26.3.1941;

б) относительно полиции порядка:

назначенные части полиции порядка, за исключением подчиненных командирам охранных дивизий в тактическом отношении 9 моторизованных полицейских батальонов, исполняют свои задачи по моим принципиальным указаниям.

Если выполнение этих задач позволяет, начальник тылового района сухопутных сил может по согласованию с высшим фюрером СС и полиции привлечь части полиции порядка к выполнению военных задач.

4. На части войск СС в общем возлагаются такие же задачи, как и на части полиции порядка, и специальные задачи, которые они получают от меня по мере надобности.

5. В случае срочного боевого использования в распоряжение начальника тылового района сухопутных сил поступают все части СС и полиции⁴.

Были предусмотрены три “высших фюрера СС и полиции”, а именно: Россия-Север – для тыла группы армий “Север”, Россия-Центр – для тыла группы армий “Центр”, и Россия-Юг – для тыла группы армий “Юг”. Соответственно группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Ганс-Адольф Прютцман, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Эрих фон дем Бах и обергруппенфюрер СС и генерал полиции Фридрих Екельн (Friedrich Jeckeln). Рабочие штабы для них были сформированы полицией порядка (Ordnungspolizei). В частности, приказом шефа полиции порядка генерала полиции Курта Далюге от 11 июня 1941 г. для штаба Екельна были выделены 11 полицейских чиновников, в том числе майор полиции Бальке (Balke) в качестве начальника оперативного отдела, гауптман полиции Шауфлер (Schaufler) в качестве адъютанта, лейтенант полиции Грэбер (Gräber) в качестве офицера для поручений, оберштабсарцт полиции д-р Реннер (Renner) в качестве врача, инспектор полиции Надлингер (Nadlinger) в качестве административного чиновника, а также три писаря, рисовальщик, санитар и помощник административного чиновника; еще штаб получил одну легковую машину и три штабных спецмашины⁵. Герман Бальке на первых порах, 3-4 недели, одновременно исполнял обязанности начальника штаба Екельна, затем должность начальника штаба занял оберштурмбаннфюрер СС Карл Георг Вандер (Wander), а сам Бальке в конце августа 1941 г. был сменен подполковником полиции Мартином Вальтином (Valtin)⁶.

Ключевыми фигурами в штабе Екельна были также оберштурмбаннфюрер СС Август Мейер (Meier) и оберштурмфюрер СС Герберт Дегенхардт (Degenhardt). Мейер примерно с середины июля до конца сентября 1941 г. занимал должность офицера связи с полицией безо-

пасности и СД (оперативная группа “С”) и как таковой по поручению Екельна руководил несколькими “еврейскими акциями”⁷. Дегенхардт с 1 сентября до 4 ноября 1941 г. был “особым уполномоченным по борьбе с бандами и евреями” и также организовывал и руководил акциями против евреев⁸.

В начале августа 1941 г. штабу Екельна в качества караульного взвода был придан 3-й взвод (около 35 человек) 1-й роты 45-го резервного полицейского батальона. Командовал взводом лейтенант полиции Фриц Вольф (Wolf). Этот взвод, кроме чисто охранных функций, также постоянно назначался Екельном для расстрела евреев⁹. Наконец, к расстрелам евреев Екельн регулярно привлекал служивших в его штабе в качестве шоферов и телохранителей Рудольфа Энделя (Endel), Германа Крюгера (Krüger), Йоганнеса Люшена (Lüschen), Вилли Ведекинда (Wedekind) и Генриха Кунце (Cunze)¹⁰. Этих последних вместе с караульным взводом Екельн в своих донесениях еще называл “штабной ротой”.

Из частей СС и полиции в распоряжении Екельна сначала находился только полицейский полк “Юг” в составе трех полицейских батальонов (45-го, 303-го и 314-го) общей численностью около 1700 человек. До конца августа 1941 г. командиром полка был полковник полиции и штандартенфюрер СС Герман Франц (Franz), а затем подполковник полиции Рене Розенбауэр (Rosenbauer). Батальонами командовали майор полиции и штурмбаннфюрер СС Мартин Бессер (Besser), майор полиции и штурмбаннфюрер СС Генрих Ганнибал (Hannibal) и подполковник полиции Вилли Дресслер (Dressler) (с сентября 1941 г. – майор полиции Отто Зеверт (Severt)). Этот полицейский полк, и особенно 45-й и 314-й полицейские батальоны, летом и осенью 1941 г. по приказу Екельна произвели массовые расстрелы евреев во многих населенных пунктах Украины.

22 июля 1941 г. к этому полку добавилась 1-я мотопехотная бригада СС в составе двух мотополков СС (8-го и 10-го)¹¹; наличная численность бригады в середине сентября 1941 г. составляла 6071 человек¹². Бригаду возглавлял бригадефюрер СС Рихард Херрман (Herrmann), а полками командовали штандартенфюрер СС Ганс-Вильгельм Закс (Sacks) и оберштурмбаннфюрер СС Карл Заттлер (Sattler). После гибели Закса 19.08.1941 г. в бою 8-м полком временно командовал оберштурмбаннфюрер СС Роберт Кистлер (Kistler), а с 13.09.1941 г. – штандартенфюрер СС Хейнно Хиртес (Hiertes). Бригада подчинялась Екельну в тактическом отношении до 11 октября 1941 г., а после этой даты – “высшему фюреру СС и полиции” в тылу группы армий “Центр” группенфюреру СС

Эриху фон дем Баху. Как и полицейский полк, подразделения бригады также активно привлекались Екельном к “еврейским акциям”.

19 августа 1941 г. в распоряжение Екельна поступили еще два полицейских батальона (304-й и 320-й)¹³ общей численностью свыше 1000 человек. Командирами батальонов были майор полиции штурмбанн-фюрер СС Карл Декерт (Deckert) и майор полиции Далл (Dall). Почти сразу же и эти батальоны оказались втянутыми в процесс истребления еврейского населения.

Наконец, в августе 1941 г. в распоряжение Екельна был предоставлен еще и полицейский конный эскадрон (около 150 человек).

В общей сложности в подчинении Екельна находились около 9 тыс. полицейских и эсэсовцев.

Преступления

Убийства евреев в июле–августе 1941 г.

Первый массовый расстрел евреев подчиненными Екельну полицейскими частями был произведен уже в начале июля 1941 г. Начальник оперативного отдела в штабе Екельна майор полиции Бальке 2 июля подписал приказ полицейскому полку “Юг” о переводе штаба полка с полковыми частями и 314-м полицейским батальоном во Владимир-Волынский¹⁴. 5 июля в этом городе были расстреляны 150 евреев¹⁵. Их расстрел, совершенный, вероятней всего, подразделением именно этого полка, и был первым массовым убийством евреев, которое подчиненные Екельна по его приказу произвели на территории Украины.

С 14 июля 314-й полицейский батальон дислоцировался в Ковеле (штаб и 3-я рота), Любомле (два взвода 1-й роты), Мацееве (два взвода 1-й роты) и Голобах (2-я рота) с задачей охраны железнодорожной линии Любомль–Ковель–Луцк. Фактически эта охрана сводилась к массовым расстрелам евреев в районах дислокации подразделений батальона, причем эти расстрелы часто производились совместно с находившимися в Ковеле и Луцке оперативными отрядами СД из оперативной группы особого назначения. Так, уже 22 июля 1-я рота батальона расстреляла 215 евреев в Любомле. Примерно тогда же эта же рота по приказу командира оперативного отряда СД из Ковеля расстреляла минимум 100 евреев в Мацееве (Луков)¹⁶. В последующие дни полицейские из 314-го батальона предприняли расстрелы евреев и в других населенных пунктах – в Мельнице (Ковельский район), в самом Ковеле, в Рожищах. В частности, в Мельнице 16 июля были расстреляны 280 евреев¹⁷. В об-

щей сложности в течение июля 1941 г. 314-й полицейский батальон расстрелял в Волынской области свыше 1000 евреев.

В конце июля 1941 г. Екельн по просьбе командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала фон Рейхенау организовал крупную акцию по чистке в лесных районах севернее Шепетовки, где находились остатки разбитой советской 124-й стрелковой дивизии. 25 июля он подписал “оперативный приказ об акции по чистке в лесах южнее дороги Ровно–Звягель”, наиболее важная часть которого гласила:

Новые факты показывают, что части этой советской дивизии все еще находятся в лесах и окрестных населенных пунктах. Они, по-видимому, спрятали гимнастерки и оружие и днем, если не скрываются, находятся на этой территории, маскируясь под рабочих (опознать можно по короткой стрижке и форменным штанам). Учитывая известную тактику Красной Армии, следует ожидать, что перед этими разрозненными частями поставлена задача совершать акты саботажа. Кроме того, эти части уже совершили нападения на небольшие группы вермахта, так что они представляют постоянную опасность для тыла армии и группы армий.

Далее в приказе отмечалось, что в живых должны быть “временно” оставлены только украинцы в форме; их следовало как военнопленных отправлять в лагерь. Что касается других схваченных солдат и некоторых групп штатских, то, указывая Екельн, “пленных комиссаров следует после краткого допроса доставлять мне для обстоятельного допроса фюрером СД моего штаба. С агентами-женщинами или евреями, которые предоставили себя в распоряжение Советов, следует обращаться соответствующим образом”¹⁸.

Для проведения акции была назначена специально для этой цели подчиненная Екельну 1-я мотобригада СС. Рано утром 28 июля она приступила к акции и вечером 30 июля завершила ее. Только 28-29 июля подразделения бригады “за поддержку большевистской системы и большевистских партизан расстреляли приблизительно 800 евреев и евреек в возрасте 16–60 лет”¹⁹. Об окончательном итоге акции Екельн сообщил в радиোগрамме, направленной в штаб 6-й армии 31 июля:

Расстреляны: 73 русских солдата, которые действовали как партизаны. 165 функционеров и прочих лиц, которые оказывали больш[евистской] системе существенную поддержку (среди них 4 женщины). 1658 евреев, в том числе 59 женщин, которые оказывали больш[евистской] системе существ-

венную поддержку и выдавали украинское население больш[евистским] властям²⁰.

Что касается этих результатов, то следует иметь в виду, что в число расстрелянных евреев Екельн наверняка включил свыше 800 евреев, которые были расстреляны в Шепетовке 28 июля 2-й ротой 45-го резервного полицейского батальона (командир роты – обер-лейтенант полиции и оберштурмфюрер СС Энгельберт Кройцер)²¹. Из остальных 800 евреев несколько сот были, возможно, расстреляны в Звягеле (Новоград-Волынский), где 27–28 июля находились штаб и штабные подразделения 8-го полка СС²², примерно 100 жертв были из Барановки (Житомирская область)²³, остальные, вероятно, из Киликиева, Аннополя, Старого Кривина (Славутский район Хмельницкой области), Рогачова, Дубровки (Житомирская область) и других сел. О том, как именно происходила чистка, дают представление воспоминания жителя Славутского района Н. Лотюка:

Во второй половине июля в село Прикордонную Улашановку прибыл отряд карателей [речь идет о подразделении 10-го полка СС. – *А.К.*]. По доносу одного из жителей Гошанского района фашисты арестовали агронома-садовника колхоза, двоюродного брата моей матери Ивана Бабийчука. Его привели на улицу, которая теперь называется Заречной, и поставили под тыном, велел положить руки на затылок и в таком положении стоять. Тем временем несколько гитлеровцев поехали в село Головли и схватили четырех человек еврейской национальности. Их также поставили под тыном со сложенными на затылке руками. Фашисты расположились на окраине дороги недалеко от своих жертв и стали обедать. Пили ром, заедали бутербродами, и время от времени то один, то другой садист подходили к обреченным и били их резиновыми дубинками по голове. Другие удовлетворенно смеялись, палачам нравилось такое “развлечение”. Со своего двора я мог рассмотреть арестованных. В одном из них я узнал приветливого к школьникам дедушку Лейбиша, вместе стояли два красивых парня, похожих друг на друга. Возможно, это были братья. Их лица были мне знакомы. Это были ученики 8-9 классов Головлинской средней школы. Одного из них, если не ошибаюсь, звали Ароном. Пожилая женщина, которую также поставили под тыном, не была мне знакома [...] После того как фашисты расстреляли Ивана Бабийчука, арестованным приказали залезть в кузов грузовой автомашины. Дед Лейбиш, который был пенсионного возраста, постоянно присматривал за колхозными телятами. Рассказывали, что палачи его схватили,

когда он гнал телят на пастбище. Трудно ему было лезть в машину, трудно было также и этой пожилой женщине. Каждый раз, когда с бортов кузова срывались их ноги, их снова били палками. Казалось, что это не действительность, а страшный сон. Их повезли в направлении сел Садки, Сеянцы (ныне Острожского района). Тогда, да и теперь ходили слухи, что их казнили в урочище Сеянешина. Некоторые утверждали, что они погибли вместе с другими людьми в селе Миятин, которое находится в 10-12 км от села Прикордонная Улашановка²⁴.

Расстрелянные в конце июля в селе Должки семь активистов (в том числе один еврей)²⁵ также были, вероятно, жертвами эсэсовцев из 10-го полка.

После завершения акции подразделения бригады 31 июля передислоцировались в район Староконстантинова, в котором со 2 августа находились штаб начальника тыла группы армий “Юг” генерала Карла фон Рока (von Roques) и штаб Екельна (до этого штаб Екельна примерно с 10 июля находился во Львове). По приказу начальника тыла группы армий “Юг” от 29.07.1941 г. Екельн после завершения акции должен был собрать свои силы в районе Староконстантинов–Любар–Полонное–Шепетовка с задачей охранять “ось связи ОКХ западнее линии Староконстантинов–Шепетовка”²⁶. “Охрана” опять-таки фактически свелась к убийствам евреев на этой территории. Так, 8-й полк СС уже 3 августа проводит акцию в Староконстантинове, в ходе которой были схвачены 1404 еврея, из которых 489 (302 мужчины и 187 женщин) были расстреляны²⁷. Поводом для проведения акции был будто бы саботаж со стороны евреев. Этот “саботаж” в “Донесении о событиях в СССР” № 59 от 21.08.1941 г. описан следующим образом:

В Староконстантинове, нынешней резиденции высшего фюрера СС и полиции и начальника тыловой войсковой области, после вступления немецких войск евреи были привлечены к чистке казарм. Так как в последнее время евреи больше на работу не выходили, военные ведомства были вынуждены уже в начале дня ловить для себя еврейскую рабочую силу. Во время работы евреи вели себя нагло и даже отказывались работать. Из около 1000 привлеченных к полевым работам евреев на следующий день явилось только 70. Кроме того, были установлены акты саботажа в отношении уборочных машин. Еврейский совет старейшин даже распустил слух о наступлении русских, что евреи немедленно использовали как повод для того, чтобы публично угрожать и поносить украинцев. Наконец, было установлено, что евреи бойко торгуют похищенным скотом и товарами.

10-й полк 4 августа расстреливает 957 евреев (732 мужчины и 225 женщин) в Остроге, 268 в Грицеве и 159 в Кунев/Радогоще²⁸. Спустя 25 лет тогдашний командир 1-го батальона 10-го полка Роберт Кистлер вспоминал об акции в Грицеве:

Я полагаю, что акция была проведена в понедельник. Понедельник сохранился в моей памяти потому, что мы днем раньше, в воскресенье, в рамках штаба батальона во второй половине дня сидели в хорошей компании, возможно, отмечали какое-то событие (день рождения?). Вечером из полка пришел приказ, согласно которому батальон на следующий день должен произвести чистку села и принять меры против гражданских лиц. При поступлении приказа мне было известно, что это должно означать. Дословно приказ я, конечно, уже не помню. Возможно, в нем речь шла о “ликвидации” [...] На следующий день со своим адъютантом Шварцбахом я обсудил акцию против жителей села [...] Военнослужащие моего батальона – какая рота или какие роты участвовали, я уже не помню – собрали жителей села и доставили их в одно здание, которое, по моему мнению, было школой. Я еще говорил со Шварцбахом о том, что сбор русских, по возможности, должен занять много времени, чтобы выиграть время. Была вероятность, что в то же время может поступить приказ о выступлении батальона, и я не смогу осуществить акцию. Однако поскольку такой приказ не поступил, люди на грузовике батальона были отвезены к оврагу в 1-2 км от села [...] Расстрелы начались вскоре после полудня; они могли быть закончены между 15 и 16 часами. Это происходило так: один грузовик вновь и вновь привозил людей из школы на место расстрела. Стрелки стояли в нескольких метрах от жертв. Они стреляли из карабинов. Жертвы стояли спиной к стрелкам, за вырытым рвом. Когда в них попадали, они падали вперед в ров [...] Возраст жертв я точно указать не могу. В общем, я считаю, что их средний возраст колебался между 30 и 50 годами. Среди расстрелянных были также женщины. Насколько я помню, расстреляно было больше мужчин, чем женщин, возможно, в соотношении 2/3:1/3. Я еще помню, что были расстреляны лица в возрасте 12-14 лет, причем я не могу сказать, были ли среди них также девочки. По моему убеждению, расстрелянные были евреями [...] Были расстреляны не все жители села. Я еще помню, что производился отбор, но как именно он происходил, уже не знаю [...] Количество расстрелянных я сегодня точно назвать не могу. Думаю, что их было 200-300 [...] Люди, которые были расстреляны, вели себя спокойно. Попыток к бегству я не помню. Я также не помню, чтобы кто-нибудь из стрелков отказался стрелять [...] Был только один ров для расстрела. Его длину я сегодня оцениваю метров в 15.

В нескольких случаях люди не были сразу убиты. Кажется, унтер-фюреры их добивали [...]»²⁹

Относительно акции в Остроге, которую провел 3-й батальон 10-го полка (командир батальона – оберштурмбаннфюрер СС Эмиль Затор), следует заметить, что число жертв было бы гораздо больше, если бы не вмешательство военного коменданта города, который приказал прекратить расстрелы, благодаря чему около 1000 человек были освобождены. Перед расстрелом командир 1-й роты батальона оберштурмфюрер СС Шторх выстроил свою роту и приказал выйти тем, кто не в состоянии расстреливать; вышли 10-15 человек, их поступок для них серьезных последствий не имел³⁰.

5 августа по приказу 6-й армии бригада была передислоцирована в Житомирскую область. 8-й полк был назначен на фронт в районе Емильчино, в то время как 10-й полк “совместно с украинской милицией” должен был произвести “чистку” района Черняхов–Фасова от “вражеских банд (регулярные войска)”³¹. В ходе этой чистки 7–9 августа подразделения полка расстреляли 339 евреев: 7 августа – 232 в Черняхове и 9 в Мал. Горошках и 9 августа 98 в Володарск-Вольнском районе³².

В общей сложности 3–9 августа подразделения бригады расстреляли 2212 евреев. По сравнению с количеством расстрелянных действовавшей в Южной Белоруссии кавалерийской бригадой СС (“10 844 расстрелянных грабителей и солдат в штатском” 1–10 августа) эта цифра была в четыре с половиной раза меньше, что вызвало недовольство Гимmlера. 11 августа его военный адъютант гауптштурмфюрер СС Гротман послал через Екельна радиogramму командиру бригады Херрману, в которой говорилось:

РФ СС [рейхсфюрер СС. – А.К.] очень недоволен неудовлетворительным поступлением оперативных донесений. Поскольку назначенные в Припятские болота кав[алерийские] полки ежедневно докладывают о положении и деятельности, РФ СС считает это возможным также для 1-й бригады СС. РФ СС ожидает немедленный обстоятельный отчет, а также точные сведения о выполненных до сих пор и запланированных на следующий день заданиях³³.

12 августа через начальника своего штаба командования бригадефюрера СС Кноблауха Гимmlер срочно затребовал от Екельна “сводный отчет о 1-й бригаде СС”³⁴. В этот же день Екельн был с докладом

у Гимmlера³⁵, который, вероятно, потребовал от него значительно активизироваться и действовать в отношении евреев так же, как действуют кавалерийские полки СС (к этому времени количество расстрелянных этими полками “грабителей” уже составило 13 788). 13 августа на совещании с Кноблаухом Гимmlер потребовал, чтобы бригады СС ежедневно отчитывались о своей деятельности, а 14 августа он приказал трем “высшим фюрерам СС и полиции” ежедневно непосредственно ему и для сведения шефу полиции порядка (Далюге), шефу полиции безопасности и СД (Гейдриху) и шефу штаба командования (Кноблауху) посылать радио- или телеграммы с отчетами о деятельности за прошедший день, что уже практиковал “высший фюрер СС и полиции Россия-Центр” фон дем Бах³⁶.

Тем временем 10-й полк СС 10–15 августа проводил акцию по чистке юго-западнее Коростеня (район Ушомира), в ходе которой в боях с оказавшимися в окружении советскими частями он понес первые серьезные потери – 41 человек убитыми и 49 ранеными. “Потери противника – 862 пленных, 200 убитых и 72 расстрелянных”³⁷. Расстрелянными были в основном евреи из Ушомира³⁸.

Полицейский полк “Юг” (без 314-го батальона в Ковеле) в начале августа действовал в районе Любара (Житомирская область). В самом Любаре находились штаб полка с полковыми частями, в то время как 45-й батальон размещался в Нов. Чартории, а 303-й батальон – в Мирополе³⁹. В Любаре 9 августа были расстреляны около 300 евреев-мужчин⁴⁰. Скорее всего, именно полковые части этого полка и совершили расстрел этих евреев. Через несколько дней штаб полка с полковыми частями передислоцировался в Полонное, а 45-й батальон – в Шепетовку⁴¹. Расстрелы 7 августа 47 евреев в с. Красноставе тогдашнего Берездовского района, 10 августа 152 евреев в самом Берездове и 14 августа 80 евреев в Лабуні (Новолабуни)⁴² были, вероятнее всего, также делом рук полицейских из этого полка. Наверняка в первой половине августа новые расстрелы евреев произвел и действовавший в Волынской области 314-й батальон.

В общей сложности количество жертв Екельна в первой половине августа можно оценить в 3–4 тысячи человек.

Во второй половине августа количество казней возросло на порядок: Екельн правильно воспринял критику со стороны Гимmlера. Сохранившиеся ежедневные донесения Екельна за вторую половину этого месяца⁴³ (содержащаяся в них информация приводится ниже в

виде таблицы) дают представление о масштабах истребительной деятельности подчиненных ему частей СС и полиции:

Дата	Расстреляно евреев	Населенный пункт	Подразделение, проводившее расстрел
16 августа	-		
17 августа	25	Волынская область	314-й полиц. бат.
18 августа	322	Славута	45-й полиц. бат.
19 августа	514 38* 1* всего 553	Старая Синява и Пилява Емильчино Соколов	“штабная рота” 1-я бригада СС 10-й полк СС
20 августа	471 66 3* всего 540	Судилков и неизвестный населенный пункт район Белокоровичи	45-й полиц. бат. 8-й полк СС
21 августа	донесение за этот день не сохранилось		
21 августа	53**	Любомль	314-й полиц. бат.
22 августа	367	Волынская область	314-й полиц. бат.
23 августа	65 294 61 113 всего 533	район Лугины район Ковеля Корец, Шепетовка Полонное	10-й полк СС 314-й полиц. бат. 45-й полиц. бат. полиц. эскадрон
24 августа	283 1342 всего 1625	Лугины Барановка, Дубровка, Изяслав	10-й полк СС полиц. полк “Юг”
25 августа	82 546 69 546 всего 1243	район Лугины Дзержинск? Волынская область Бердичев?	10-й полк СС полиц. полк “Юг” 314-й полиц. бат. “штабная рота”
26 августа	16 914 4200 всего 5130	северо-восточнее Белокоровичи Житомирская область Каменец-Подольский	1-я бригада СС полиц. полк “Юг” “штабная рота”, 320-й полиц. бат.

27 августа	11 000 369 12 всего 11381	Каменец-Подольский северо-восточнее Белокоровичей	“штабная рота”, 320-й полиц. бат. полиц. полк “Юг” 1-я бригада СС
28 августа	7000 77 всего 7077	Каменец-Подольский северо-восточнее Белокоровичей	“штабная рота”, 320-й полиц. бат. 1-я бригада СС
29 августа	1400 65	Каменец-Подольский Славута?	“штабная рота”, 320-й полиц. бат. полиц. полк “Юг”
30 августа	2200 911 33* всего 3144	Минковцы Славута северо-восточнее Белокоровичей	320-й полиц. бат. 45-й полиц. бат. 8-й полк СС
31 августа	380 88 66 всего 534	Жванчик и Соколец Ковель северо-восточнее Белокоровичей	320-й полиц. бат. 314-й полиц. бат. 1-я бригада СС
16–31 августа	всего 33 992: 5963 – полицейский полк “Юг” 676 – 1-я бригада СС 2580 – 320-й полицейский батальон 24660 – “штабная рота” 113 – полицейский эскадрон		

* Эти казни в донесениях Екельна не упоминаются; сведения о них взяты из ежедневных донесений 1-й мотобригады СС (оригиналы донесений хранятся в Центральном военном архиве в Праге).

** См. приговор 5-й палаты по уголовным делам земельного суда Траунштейн (Германия) от 26 мая 1982 г. по делу бывших членов 314-го полицейского батальона (архив прокуратуры Траунштейн).

Самой крупной акцией этого периода был расстрел 23 600 евреев в конце августа в Каменец-Подольском⁴⁴. Тогдашний обершарфюрер СС Герман Крюгер, который в качестве “стрелка” участвовал в акции, после войны вспоминал:

...Я участвовал в большой акции в конце августа 1941 г. в Каменец-Подольском. Насколько я помню, там было расстреляно очень много евреев.

Евреи были расстреляны в нескольких ямах, которые имели воронкообразную форму. Возможно, это были воронки от бомб. Яма, в которой я действовал, имела диаметр примерно 20-30 метров и глубину примерно 5-6 метров. Уже по дороге к месту казни Екельн сказал Люшену, Ведекинду и мне, чтобы мы были наготове. Мы знали, что мы едем на казнь. Когда мы прибыли, казнь еще не началась. Были образованы несколько экзекуционных команд, каждая из которых состояла из 4 человек. В одну экзекуционную команду входили Люшен, Ведекинд, я и еще один неизвестный мне полицейский. Мы были вооружены автоматами, которые, кажется, были чешского производства. Место казни было оцеплено полицейским подразделением. Экзекуционные команды состояли из членов полиции и СС. Подошла длинная колонна евреев. Мне, Люшену, Ведекинду и неизвестному полицейскому Екельн приказал сойти в яму. К нам постоянно направляли евреев. Частично они должны были лечь, частично их убивали выстрелом в затылок в стоячем положении. Это были мужчины, женщины и дети, однако я расстреливал только мужчин. Никаких задержек не было. Я часто вылезал из ямы, так как мои нервы больше не выдерживали, и пытался уклониться. Однако мне все вновь приказывали возвращаться в яму. В общей сложности я там стрелял один или два часа. Затем мы были сменены полицейской командой. Если меня спросят, сколько евреев я застрелил за это время, я не смогу точно сказать. Возможно, 50 или 100. Я не знаю. Врача, который бы устанавливал смерть жертв, не было. Я еще помню, как одного еврея только подстрелили и вследствие этого он потерял сознание. Когда он очнулся, он крикнул, чтобы его застрелили. После этого он получил “выстрел пощады”. Я еще помню, что молодая девушка в возрасте примерно 20 лет и мальчик в возрасте примерно 12 лет сказали присутствовавшему штурмбаннфюреру Мейеру, что они не евреи, он должен их пощадить. Мейер переговорил с Екельном и оба были освобождены. Я еще хорошо помню, как мальчик вне себя от радости высоко подпрыгнул, так как ему была сохранена жизнь. Девушка тоже очень радовалась. В первый день казнь длилась с 10 часов утра до 16 часов полудни. Вечером я и мои товарищи были полностью разбиты и с совершенно расстроенными нервами. Особенно Ведекинд был настолько возбужден, что устроил в комнате беспорядочную стрельбу из пистолета. Мы также были очень возбуждены и бросали друг другу в голову сапоги. На следующий день казнь вновь началась в 10 часов. В этот день также имел место инцидент с юношей и девушкой. Я вновь был с моими товарищами у той же самой ямы. Трупы тем временем были присыпаны землей. Я вновь стрелял в евреев, сколько, не знаю. Вскоре после обеда я больше не мог. Я был совершенно разбит. Особенно меня доконал инцидент с юношей и девушкой. Я пошел к своей машине и больше в акции не участвовал...⁴⁵

Сам Екельн все три дня акции находился на месте казни, пускал по кругу бутылки с водкой и при каждом удобном случае науськивал “стрелков” на евреев. Например, показывая на хорошо одетого мужчину, говорил: “Это – типичный еврей, который должен быть уничтожен, чтобы мы, немцы, могли жить”. В ходе казни применялся метод, который Екельн открыл незадолго до этого и который он цинично называл “укладкой сардин”: жертвы должны были слой за слоем ложиться в яму лицом вниз, после чего их убивали выстрелом в затылок; когда дно заполнялось, последующие жертвы должны были ложиться на тела тех, кто был убит перед ними⁴⁶.

После акции в Каменец-Подольском Екельн обогнал фон дем Баха по количеству жертв – только за август месяц подчиненные ему подразделения (вероятно, в том числе и команды оперативной группы “С”) расстреляли “44 125 человек, в основном евреев”⁴⁷.

Убийства евреев полицейским полком “Юг” в сентябре 1941 г.

В сентябре бригада СС и полицейские батальоны активно продолжали истребительную деятельность. В первой декаде месяца, согласно ежедневным донесениям Екельна, эта деятельность принесла следующие результаты:

Дата	Расстреляно евреев	Населенный пункт	Подразделение, проводившее расстрел
1 сентября	45 15	Шепетовка Овручский р-н	полиц. полк “Юг” 1-я бригада СС
2 сентября	4144 26	Острог, Полонное Овручский р-н	полиц. полк “Юг” 8-й полк СС
3 сентября	37	Овручский р-н	8-й полк СС
4 сентября	1303 686*	Бердичев Лельчицы	“штабная рота” 10-й полк СС
5 сентября	144 1*	?	полиц. полк “Юг” 8-й полк СС
6 сентября	1*		8-й полк СС
7 сентября	19*	Овруч (18)	1-я бригада СС
8 сентября	2		10-й полк СС
9 сентября	донесение за этот день не сохранилось		
9 сентября	1*	Овруч	1-я бригада СС

10 сентября	1548	?	полиц. полк “Юг”
11 сентября	1255	?	полиц. полк “Юг”
1–11 сентября	всего 9227: 7136 – полиц. полк “Юг” 788 – 1-я бригада СС 1303 – “штабная рота”		

* Эти казни в донесениях Екельна не упоминаются; сведения о них взяты из ежедневных донесений 1-й мотобригады СС (оригиналы донесений хранятся в Центральном военном архиве в Праге).

В конце первой декады, 9 сентября, 800-900 евреев были расстреляны в Чуднове (Житомирская область)⁴⁸. Здесь с 5 сентября находился 303-й полицейский батальон⁴⁹, который, вероятно, совместно с украинской полицией и произвел эту казнь. Штаб полицейского полка “Юг” с полковыми частями с 5 сентября находился в Махновке (Комсомольское, Винницкая область), 45-й батальон – в Бердичеве и 314-й батальон – в Виннице⁵⁰. В Бердичеве с 25 августа находился и штаб Екельна⁵¹, который 4 сентября произвел в городе расстрел еврейской молодежи. “В Бердичеве, – читаем мы в «Донесении о событиях в СССР» № 83 от 19.09.1941 г., – 1 и 2.9.41 евреями были распространены листовки и сделаны подстрекательские надписи. Так как преступники не могли быть разысканы, то команда высшего фюрера СС и полиции казнила 1303 еврея, в том числе 876 евреек старше 12 лет”.

10 сентября расстрелы евреев имели место в Ружине (750 жертв)⁵² и в Махновке (835 жертв)⁵³. Расстрел в Махновке наверняка был совершен полковыми частями полицейского полка “Юг”, которые в то время дислоцировались в этом населенном пункте, в то время как акция в Ружине (Житомирская область) была, скорее всего, проведена 45-м батальоном. Этот батальон был особенно активным в течение сентября. 13 сентября он провел “еврейскую акцию” в Любаре⁵⁴ (около 1400 жертв)⁵⁵, а 15 сентября – “гросс-акцию” в Бердичеве (около 12 тысяч жертв)⁵⁶. В расстреле в Бердичеве наверняка участвовала и “штабная рота” Екельна, которая вслед за этим уже самостоятельно 20 сентября провела акцию в Новоград-Волынском (3200 жертв)⁵⁷ и, возможно, в Лугинах.

19 сентября батальон провел новую “гросс-акцию” в Виннице (10 тысяч жертв)⁵⁸, где, как и в Бердичеве, предварительно, 13 сентября, была расстреляна еврейская молодежь (около 1000 жертв)⁵⁹. Расстрел молодежи был произведен, по всей видимости, находившимся в то время в Виннице 314-м батальоном.

Подробности “гросс-акций” в Бердичеве и Виннице и роли в этих акциях Екельна мы узнаем из обвинительного заключения прокуратуры Регенсбург от 2.02. 1970 г. по делу Розенбауэра, Бессера и Кройцера. В этом заключении, в частности, происшедшие в Бердичеве и Виннице события излагаются следующим образом:

Во время дислокации 45-го батальона в Бердичеве [...] Екельн сообщил обвиняемому Розенбауэру, что он с одним батальоном должен принять участие в крупной истребительной акции в Бердичеве. После этого Розенбауэр вызвал обвиняемого Бессера и отправился с ним к высшему фюреру СС и полиции на устроенное для большого круга лиц совещание, в котором участвовали несколько офицеров СС. На нем Екельн объявил, что в ближайшие дни под его руководством состоится крупная акция. Еврейское население города посредством плакатов будет призвано обратиться в определенных местах. В качестве места расстрела избрано большое открытое место за городом. Спустя пару дней обвиняемый Бессер получил от обвиняемого Розенбауэра приказ об использовании его батальона при запланированном уничтожении евреев Бердичева. Бессер сообщил об этом приказе своим командирам рот [...] и осмотрел с ними место казни. Это был бывший аэродром, во всяком случае, большая открытая ровная территория, которая находилась за Бердичевым в нескольких сотнях метрах от большой дороги и на которой было вырыто большое количество ям.

Начавшаяся утром 12.9.1941 г. акция продолжалась целый день. Назначенные команды оцепляли соответствующие улицы и площади и с помощью местной милиции вытаскивали из домов еврейских жителей, мужчин, женщин и детей, в том числе грудных детей и больных, охраняли их на сборных пунктах и отправляли пешком или на грузовиках на место казни [...] На месте казни жертв расстреливали у ям или в ямах с участием экзекуционных команд трёх рот. После окончания этой резни, жертвами которой пали самое меньшее 1000, если не 3000 человек, члены милиции засыпали ямы.

В начале казни обвиняемый Бессер сделал доклад Екельну, который стоял в непосредственной близости. Он получил от него задание послать в город роту или часть роты, забрать там психбольных из больницы и доставить их на место казни, что и было сделано.

Обвиняемый Кройцер [...] на месте назначил стрелков и в самом начале спрыгнул с ними в яму. Первым жертвам он приказал лечь лицом к земле и указал стрелкам, как они должны действовать. Он это сам продемонстрировал, застрелив из своего пистолета первые жертвы, которыми были самое меньшее 5 мужчин и женщин. Лишь после этого стрелки начали стрелять. Когда дно ямы покрылось трупами, обвиняемый Кройцер приказал, чтобы

теперь жертвы ложились на трупы. Когда одна молодая женщина подошла к Кройцеру, она сказала что-то вроде “Йегова” и плюнула перед ним. Плевок попал на его сапог. Обвиняемый немедленно схватил эту молодую еврейку, уложил её на землю лицом вниз и сказал при этом: “Я её сам застрелю”. Затем он отошел назад, вытащил пистолет и застрелил свою жертву с расстояния примерно 2 метра. В остальном он контролировал деятельность своих людей. Установив, что жертва ещё жива, он добивал её [...] Во время этой или, может быть, одной из прежних акций он застрелил грудного ребёнка, который был ещё жив [...] Согласно показаниям свидетеля Л. число жертв в Бердичеве значительно превышает 1000, по Б. убито было несколько тысяч человек. Г. говорит о 2000, а Ф. даже о 3000 жертв, причём этот свидетель указывает на то, что только 3-я рота использовала 2500-3000 патронов [...]

Винница

[...] 45-й батальон в период с 5.9. до 21.9.1941 г. находился в Бердичеве [...] В это время обвиняемый Розенбауэр получил от Екельна приказ с одним своим батальоном убить еврейских жителей расположенного на Буге украинского города Винница. Розенбауэр сначала передал этот приказ 303-му батальону. Командир этого батальона, тогдашний майор Ганнибал, отказался выполнить подобный приказ. Тогда по указанию Екельна Розенбауэр поручил выполнение этого задания обвиняемому Бессеру [...]

Местом казни был находящийся вне Винницы парковый комплекс, в котором, очевидно, имелось водозаборное сооружение. Там также находились несколько больших резервуаров для воды (цистерны) или колодцев [...] На этой территории также имелся большой барак или сарай и были вырыты несколько ям различной величины.

Отдельные роты действовали следующим образом:

а) 1-я рота:

Вся рота рано утром выехала из Бердичева в Винницу. Там были проведены обыски домов и застигнутые в них евреи, целые семьи, направлялись на сборные пункты, где у них отбирали деньги и ценности. Затем на грузовиках их отвозили на место казни и частично помещали в деревянный сарай [...] Оттуда они группами направлялись к ямам и цистернам, в каждой яме находился один стрелок и один человек, который заполнял магазины, подавал их стрелку и давал указания жертвам. У каждой цистерны стояли один-два полицейских. Люди, стоя на ногах или коленях, перегибались через край цистерны и стрелки убивали их выстрелом в затылок из пистолета, причём жертвы падали в цистерны [...] 1-я рота действовала до вечера. По мнению свидетеля Х. число жертв было минимум 500 и максимум 1000. Свидетель

М. говорил о нескольких сотнях – тысяче, свидетель Г. считает, что их было минимум 1000 [...]

б) 2-я рота:

2-я рота под руководством обвиняемого Кройцера для участия в этой акции ещё ночью или рано утром выехала на грузовиках из Бердичева в Винницу. Большая часть роты была использована для оцепления города на предписанном участке. Заранее назначенная экзекуционная команда выехала на место казни [...] во время длившегося до середины дня оцепления вместе с местными добровольными помощниками были произведены обыски домов. Были ли застигнутые в домах евреями, определяли по документам. В сомнительных случаях давали справку местные жители. Принадлежность к евреям мужчин устанавливалась также по тому, были ли они обрезаны. Схваченные выгонялись на улицу и другими командами направлялись на сборный пункт в городе. Дальнейшие события происходили как обычно. На месте казни 2-й роты расстрелы также производились у цистерн. Прибывшие жертвы должны были, стоя на ногах или коленях лицом к цистерне, слегка перегнуться через её край. Затем их убивали выстрелом из пистолета или автомата, причём они падали в цистерну вниз головой. Если это не происходило, стрелки сталкивали их ногой или следующий на очереди сбрасывал вниз труп своего предшественника. Использовались также длинные шесты, чтобы в глубоких цистернах освободить больше места. Матери с детьми на руках становились на коленях перед цистернами. Стрелки забирали у них детей, расстреливали сначала их, а затем матерей [...] Казнь длилась примерно три часа. В районе 2-й роты также было убито несколько сот человек, минимум 150 мужчин, женщин и детей [...]

в) 3-я рота:

[...] была использована также 3-я рота под командованием гауптмана Берентсена (умер 12.9.1966 г.), причём не выяснено, действовала ли она вместе с 1-й и 2-й ротами или спустя день должна была убить оставшихся евреев Винницы [...] Рота на трёх или четырёх грузовиках заблаговременно выехала из Бердичева в Винницу [...] Согласно ещё там произведенному распределению подразделение, которое прибыло в Винницу в 8.00, под руководством своего командира действовало следующим образом: 1-й взвод взял на себя охрану и оцепление, 2-й взвод под руководством мастера Бруки (погиб 6. 8. 1944 г.) в качестве экзекуционной команды сразу поехал на место казни, 3-й взвод был сначала в резерве, а затем взял на себя охрану дороги, по которой производилась транспортировка, 4-й взвод готовил машины для вывоза жертв. Казнь происходила у ям и цистерн [...] длилась казнь 2-3 часа.

Среди жертв находились мужчины, женщины и дети. Их количество не установлено. Минимум их было 50 человек [...]⁶⁰

18 сентября штаб полицейского полка “Юг” и полковые части передислоцировались в Сквире, а 314-й батальон – в Кировоград⁶¹. Штаб Екельна 20 сентября переместился в Кривой Рог. В Сквире 20 сентября были расстреляны 850 евреев⁶². Этот расстрел, вероятно, был совершен полковыми частями полка. В это время в Сквире также находилась оперативная команда 5, которая, возможно, также приняла участие в акции.

25 сентября полк с полковыми частями, 45-м и 303-м батальонами передислоцировался в Киев, куда в этот же день прибыла и часть штаба Екельна. В Киеве Екельн организовал самую крупную “еврейскую акцию”. Начал ее полицейский полк “Юг” уже 27 сентября⁶³. 29-30 сентября расстрелы достигли своего апогея: за эти два дня были уничтожены около 34 тысяч человек. “В Киеве, – говорится в «Донесении о событиях в СССР» № 101 от 2.10.1941 г., – зондеркоманда 4а в сотрудничестве со штабом группы и двумя командами полицейского полка “Юг” 29 и 30.9.41 казнила 33 771 еврея”. Детальное описание участия в этих расстрелах полицейского полка “Юг” мы находим в уже упоминавшемся обвинительном заключении прокуратуры Регенсбург от 2.02.1970 г. по делу Розенбауэра, Бессера и Кройцера:

За несколько дней до акции у Екельна состоялось совещание, в котором участвовал обвиняемый Розенбауэр; он взял с собой обвиняемого Бессера. На совещании был обсужден ход акции [...] Во исполнение полученного от Екельна задания обвиняемый Розенбауэр отдал обвиняемому Бессеру по меньшей мере устный приказ о сборе, сопровождении, охране и оцеплении места казни и о выделении экзекуционных команд [...]

Рано утром 29.9.1941 г. 45-й батальон начал действовать с того, что оцепил улицы. На возвание откликнулись почти все без исключения еврейские семьи. Появилась необозримая масса людей. Они с багажом и домашними животными, частично с ручными тележками и на конных повозках двигались по улицам города к сборным пунктам [...] Улицы, кварталы и сборные пункты были взяты под охрану членами батальона. Дома обыскивались в поисках евреев. Обнаруженных посылали на улицу, и другие команды направляли их на сборные пункты. Со сборных пунктов в городе люди пешком или на грузовиках эскортировались или отвозились на место казни. Во время

вывоза другие команды проверяли дома в поисках возможно ещё скрывающихся евреев и выгоняли обнаруженных старых или больных людей. Место казни охранялось внешним и внутренним оцеплением, чтобы предотвратить побег и проникновение нежелательных лиц. При прибытии к нему люди ещё на улице должны были сдать багаж, лишь теперь они понимали, что их ждет. Затем они направлялись на сборные пункты, где они сдавали деньги и ценности. Так как обыск занимал слишком много времени, жертвы в дальнейшем должны были раздеваться до нижнего белья или полностью. Это распоряжение отдал на своём участке обвиняемый Кройцер. Затем они направлялись вверх на край рва, причём обвиняемый Бессер велел их при этом считать. В один из двух дней среди жертв было примерно 1400 детей [...] Во рву в нескольких местах производили расстрел эсэковские команды СД и трёх рот. В нем участвовал также обвиняемый Кройцер. Жертвы с удивительным самообладанием и спокойствием сходили в ров. Они должны были ложиться лицом вниз на трупы расстрелянных ранее, в то время как стрелки убивали в затылок целые семьи. Случалось, что матери клали своих детей у ног стрелков и просили их хорошо стрелять (см., напр., показания У.). Акцией руководили отчасти с господствующего холма офицеры зондеркоманды 4а. Там некоторое время находился и высший фюрер СС и полиции Екельн.

Обвиняемый Розенбауэр в первый день акции наблюдал в городе сбор и отправку евреев и принимал сообщения о выполнении своих приказов. На второй день он по распоряжению Екельна пришел на место казни, принял там рапорт Бессера о деятельности 45-го батальона, сделал доклад Екельну и по крайней мере полчаса наблюдал ход расстрела.

Обвиняемый Бессер оба дня контролировал деятельность своего подразделения и находился как в городе, так и на месте казни и давал там указания.

Обвиняемый Кройцер руководил своей ротой в ходе этой операции, распределил задачи, назначил стрелков, контролировал отдельные команды и сам стрелял во рву.

После окончания казни 30.9.1941 г. края рва были взорваны [...] Затем около 100 военнопленных заровняли эту массовую могилу [...]

Спустя 8-14 дней после этих ужасных событий обвиняемые Розенбауэр, Бессер и Кройцер, а также другие члены подразделения приняли участие в товарищеской вечеринке в Киеве, которую устроил Екельн для участников акции и которая преследовала цель настроить участвовавших в акции людей на другие мысли. Екельн по этому поводу произнес речь, в которой

он пытался оправдать массовые убийства и благодарил действующих лиц за содействие [...]»⁶⁴

Поскольку 45-й батальон сформировал три экзекуционные команды, а зондеркоманда 4а одну, хотя ее состав менялся, можно предположить, что 45-й батальон расстрелял около 20 тысяч евреев, а зондеркоманда 4а – около 14 тысяч.

303-й батальон Ганнибала во время расстрелов в Киеве в основном использовался для внутреннего и внешнего оцепления места казни, а также усиленного патрулирования в городе. Вместе с тем имеются указания на то, что и из этого батальона по крайней мере 11 полицейских в качестве добровольцев участвовали в расстрелах⁶⁵.

В общей сложности в сентябре месяце подразделения полицейского полка “Юг” и “штабная рота” истребили около 50 тысяч евреев.

Убийства евреев 1-й бригадой СС осенью 1941 г.

1-я бригада СС в полном составе с 26 августа до 5 сентября производила чистку территории севернее линии Коростень – Белокоровичи (Лугинский и Овручский районы Житомирской области), а 12–14 сентября – охрану дороги Овруч–Чернобыль. Во время охраны были расстреляны 436 евреев: 12 сентября – 7, 13 сентября – 391, 14 сентября – 38, в том числе 12 евреев штабом бригады в Овруче⁶⁶. Расстрел 13 сентября был совершен в селе Хабное (Кагановичи) Киевской области.

15 сентября бригада получила приказ передислоцироваться в район Кировограда, а 18 сентября – приказ о передислокации в район Кривого Рога⁶⁷. Во время дислокации бригады в районе Кировограда (18–20 сентября) вновь, как обычно, были проведены “акции по обычаям военного времени” – так в донесениях Екельна теперь в целях маскировки именовались расстрелы евреев. Так, 18 сентября в Большой Виске 8-й полк СС расстрелял 17 евреев, 20 сентября в Панчево 10-й полк – 2 евреев⁶⁸. 19 сентября состоялся и расстрел евреев-мужчин (около 1000 жертв) в Кировограде⁶⁹, где в это время находился штаб бригады с бригадными подразделениями. Вероятно, именно они и принимали участие в расстреле.

21 сентября бригада отправилась в район Кривого Рога и Никополя с заданием “а) охрана участка Днепра в районе Никополь, б) борьба с находящимися на островах партизанами, в) охрана марганцевых шахт в Шолохово и Марганце, г) охрана дороги Кривой Рог–Никополь”⁷⁰. Задание также предусматривало и “обезьевреивание” (Entjudung) района дислокации бригады.

Уже 25 сентября бригада провела новые “акции по военному обычаю”⁷¹. 27 сентября еще 5 евреев были расстреляны 10-м полком СС, а 3 октября отряд полевой жандармерии бригады по приказу командира бригады расстрелял уже 130 евреев⁷². Всего с 26 сентября по 3 октября бригада расстреляла 152 человека⁷³. 4–10 октября в ходе “акций по военному обычаю” бригадой были расстреляны еще 570 евреев⁷⁴. 10 октября бригада получила приказ срочно передислоцироваться в район Конотопа (сфера “высшего фюрера СС и полиции Россия-Центр”) и, таким образом, вышла из подчинения Екельна.

В общей сложности с конца июля до начала октября 1941 г. бригадные подразделения расстреляли около 7 тысяч евреев.

Еще около 1000 евреев расстрелял в сентябре–ноябре приданный бригаде ремонтный взвод СС под командованием унтерштурмфюрера СС Тэубнера (Täubner). Расстрелы имели место в Звягеле (Новоград-Волынский, Житомирская область), Шолохово (Днепропетровская область) и в Александрии (Кировоградская область). Расстреляны были соответственно 319, 191 и 459 человек⁷⁵. В приговоре Верховного суда СС и полиции в Мюнхене от 24 мая 1943 г. по делу Тэубнера (обвинялся в изготовлении, хранении и распространении фотографий казней, которые попали во “враждебную границу”, а также в ненадлежащем руководстве своим подразделением, подрыве дисциплины, проведении казней без приказа и “большевистскими методами”, то есть с крайней жестокостью) эти убийства описываются следующим образом:

Обвиняемый является фанатичным врагом евреев. В начале своей деятельности на Востоке он для себя решил “прикончить” по возможности 20 000 евреев. В августе 1941 г. со своим ремонтным взводом он был придан 1-й бригаде СС, 8 сентября 1941 г. покинул Арыс, Восточная Пруссия, и 12 сентября прибыл в Звягель. От украинского бургомистра он узнал, что в тюрьме находится свыше 300 евреев, которых бургомистр попросил расстрелять. Обвиняемый слышал, что вермахт выдал еврейкам удостоверения [...] Так как, по его мнению, вермахт был слишком сентиментальным, он решил со своим взводом произвести казнь. За городом украинская милиция вырыла яму, в которой евреи, мужчины, женщины и дети, должны были стать на колени, затем с близкого расстояния они по команде были убиты выстрелами в затылок.

17 октября 1941 г. обвиняемый со своим взводом прибыл в Шолохово. Здесь он услышал, что евреи собираются заразить “коллектив”, что две украинки наехали на мины и были тяжело ранены. Поэтому также здесь обвиня-

емый произвел расстрел евреев. В то время как в Звягеле были расстреляны 319 евреев, здесь – 191. Яма находилась в кустарнике, так что другие лица не могли видеть казнь. Унтершарфюрер СС Мюллер, который не входил в подразделение обвиняемого, но с его разрешения участвовал в расстреле, вырывал у матерей детей, держал их левой рукой, убивал и бросал в яму. Хотя обвиняемый и потребовал у Мюллера объяснений за этот метод, он всё же предоставил ему свободу действий.

В период с 22 октября до 12 ноября 1941 г. обвиняемый со своим взводом находился в Александрии, небольшом городе. Там он узнал, что большинство евреев “переселены”, но в городе всё ещё находятся евреи, которые уклонились от “переселения”. До него также дошел слух, что евреи хотят отравить колодец. Поэтому он решил покончить с евреями в Александрии, тем более что из-за погодных и дорожных условий он здесь застрял, и к тому же работы было мало. Он приказал доставить всех евреев к нему в подразделение. Члены имперской трудовой службы заявили, что они готовы вырыть яму для расстрела. В Александрии были расстреляны 459 евреев.

Но если расстрелы в Звягеле и Шолохово имели до некоторой степени упорядоченные формы, то в Александрии дело дошло до наихудших эксцессов. Евреи, которые должны были пилить дрова во дворе места расквартирования, подвергались избиениям под предлогом, что они плохо работают. При этом их били также лопатами, причем особенно выделялся штурмман СС Акерман. Штурмман СС Вюстхольц заставлял евреев избивать друг друга до смерти, обещая, что выжившие не будут расстреляны. И евреи действительно избивали друг друга, хотя и не до смерти. Обвиняемый лично участвовал в избиениях и плёткой бил евреев по лицу. Во время перерыва он на губной гармошке наигрывал песню “Ты сумасшедшее, моё дитя”. Евреев также избивали перед расстрелом в подвале в месте расквартирования. Двое евреев должны были разбирать деревянную хату. При этом было устроено так, что хата обрушилась на них и они были похоронены под обломками. Правда, евреи вследствие этого были только ранены, а не убиты. Расстрелы были не всегда упорядоченными, напротив, отдельные евреи, после того как они были избиты, на скорую руку были застрелены за домом. Один еврей по желанию обвиняемого был повешен. В то время как в Звягеле и Шолохово члены ремонтного взвода охотно откликнулись на призыв обвиняемого добровольно принять участие в расстрелах, так как они считали их необходимыми по политическим причинам, в Александрии большинство, прежде всего старшего возраста, не одобряли происходившее [...]

Убийства евреев полицейским полком “Юг” и “штабной ротой” в октябре–ноябре 1941 г.

Полицейский полк “Юг” без 314-го батальона до 14 октября находился в Киеве, где он 1, 2, 8 и 11 октября провел еще 4 “акции по военному обычаю”⁷⁶. 11 октября Екельн поручил полку чистку района Яготин–Золотоноша–Градижск–Хорол–Лубны⁷⁷. Чистка предусматривала и ликвидацию евреев на этой территории. Когда полк (штаб и полковые части в Переяславе) приступил к чистке, в Переяславе, Яготине и Лубнах евреи уже были уничтожены зондеркомандой 4а⁷⁸. Оставались евреи еще в Хороле и Золотоноше. В Хороле расстрел евреев (460 жертв) произвел 8 ноября 45-й батальон, который находился в городе с 23 октября до 13 ноября, когда убыл в Полтаву⁷⁹. В Золотоноше евреи (600? жертв)⁸⁰ были расстреляны 1-й ротой 303-го батальона 22 ноября. Возможно, этот батальон также совершил и расстрел евреев в Градижске⁸¹.

Самая крупная акция в октябре была проведена в Днепропетровске, где с 21 сентября находился 314-й батальон. “Из приблизительно 100 000 евреев, живших в Днепропетровске, – читаем мы в «Донесении о событиях в СССР» № 135 от 19.11.1941 г., – примерно 70 000 бежали перед вступлением в город немецких войск. Из оставшихся 30 000 приблизительно 10 000 были расстреляны 13.10.41 командой высшего фюрера СС и полиции”. Подробности этой акции детально изложены в приговоре по делу бывших членов этого батальона:

Во время пребывания батальона в Днепропетровске в период с 12.10. по 15.10.1941 г. состоялась крупная еврейская акция, в ходе которой евреи города Днепропетровск сначала были собраны в большом универмаге, а затем доставлены на место казни и там расстреляны на краю естественного оврага в нескольких километрах от города. При этом речь шла минимум о 1000, но, скорее всего, 5–10 тысячах евреев, и притом мужчин, женщин и детей разных возрастов и обоего пола. 16 или 17.10.1941 г. батальон убыл в Кременчуг.

[...] 12.10.1941 г. командир батальона Зеверт провел совещание, на котором обвиняемый Хе., между прочим, получил устный приказ при предстоящем сборе евреев Днепропетровска с 1-й ротой охранять и оцепить место сбора, а именно большой универмаг и его окрестности (прилегающие улицы). Целью сбора была названа эвакуация евреев. Но обвиняемый Хе. уже тогда считался с расстрелом евреев, как это было в Мацееве, и примирился с этим обстоятельством. Вечером первого дня еврейской акции он уже точно знал, что евреи должны быть расстреляны. Далее он получил приказ с

1-й ротой 14-15.10.1941 г. сопровождать евреев, отправляемых пешком и на машинах из универмага на место казни, оцепить улицы, по которым евреи двигаются к месту казни, а также само место казни, и охранять евреев на месте сбора близ оврага.

В соответствии с приказом обвиняемый Хе. 12 и 13.10.1941 г. использовал 1-ю роту для охраны универмага, а 14-15.10.1941 г. – для других указанных задач, дав командирам взводов соответствующие указания. Сам он находился 12-13.10.1941 г. в универмаге, а 14.10.1945 г. – близ места казни (примерно в 50 м от оврага) и контролировал посты оцепления взвода тяжелых пулеметов 1-й роты.

Обвиняемый Ба., который не присутствовал на совещании у командира батальона Зеверта, о предстоящей акции был информирован командиром роты В., причем вначале о расстреле речь не шла. Одновременно обвиняемый Ба. получил от В. приказ забирать евреев из домов и доставлять в универмаг. Вечером того же дня гауптман В. информировал обвиняемого Ба. о том, что СД запланировала расстрел евреев и 2-я рота должна охранять евреев, а также участвовать в оцеплении и отправке.

После этого обвиняемый Ба. как заместитель командира 2-й роты согласно приказа минимум один день использовал роту для изгнания евреев из домов и сбора в универмаге, для охраны универмага, а также минимум один день для сопровождения евреев из универмага на место казни, доставки на сборный пункт и охраны на сборном пункте, образования оцепления между оцеплением 1-й роты и местом казни, для обыска евреев на сборном пункте в поисках ценностей, а также для охраны ночью на месте казни тех евреев, которые не были расстреляны в первый день [...]

Сначала евреи Днепропетровска, и притом мужчины, женщины и дети разных возрастов и обоего пола, в том числе членами 2-й роты были вытасканы из домов и доставлены в большой универмаг в Днепропетровске; отчасти евреи на основании объявлений сами там собирались. 12-13.10.1941 г. их охраняла 1-я рота (в первый день также члены 2-й роты).

В то время как 314-й пол. бат. на основании письменного приказа высшего фюрера СС и полиции Еккельна первоначально уже 13.10.1941 г. должен был покинуть Днепропетровск и уже приготовился это сделать, появился высший офицер СС или СД, из-за вмешательства которого батальон снова высадился и вернулся на место расквартирования. Это было сделано потому, что батальон должен был еще ликвидировать евреев.

14.10.1941 г. члены 1-й и 2-й рот начали отправлять евреев пешком на место казни. Оно находилось близ города Днепропетровск в овраге шириной 20–50 м и глубиной 10–30 м. Больных и старых евреев члены 1-й и 2-й рот

отвезли на место казни на машинах. При этом члены 1-й и 2-й рот оцепили улицы, по которым евреи двигались к месту казни.

На находящемся в 50–150 м от оврага сборном пункте евреи должны были бросить в находящийся там ящик свои ценности. Несмотря на холод – сначала шел дождь, затем пошел снег – некоторые евреи для обыска с целью обнаружения ценностей должны были частично раздеться. В поисках ценностей наряду с членами СД также участвовали члены 2-й роты. На сборном пункте евреев охраняли члены 1-й и 2-й рот. Далее, 1-я рота составила оцепление территории, где происходила казнь; при этом были также установлены пулеметы взвода тяжелых пулеметов. 2-я рота образовала оцепление между оцеплением 1-й роты и местом казни [...]

После сдачи ценностей на сборном пункте евреи группами – по 5–20 человек – в том числе членами 1-й и 2-й рот направлялись в овраг. Там команда СД численностью примерно 20 человек без предварительной команды расстреливала их из автоматов выстрелами в затылок. По инициативе членов СД из 1-й, 2-й и 3-й рот вызвались добровольцы для участия в расстреле, однако обвиняемые Ба. и Хе. их к этому не побуждали.

Здесь, а также на сборном пункте разыгрывались ужасные сцены. Из-за грязи по колено жертвы едва могли идти. Особенно женщины и дети плакали и кричали. Младенцы, которых несли женщины, были застрелены еще на руках матерей. Другие жертвы нужно было тащить к краю оврага. Некоторые евреи, отчасти женщины с младенцами на руках, бросались в овраг перед выстрелом. Их добивали. Среди горы трупов в овраге можно было наблюдать движение не пораженных насмерть жертв.

Доставленные для расстрела евреи были столь многочисленны, что не все могли быть расстреляны в один день. Поэтому расстрел 14.10.1941 г. с наступлением темноты был прекращен. Оставшиеся евреи должны были провести ночь на месте казни под открытым небом. При этом ступни совершенно незащищенных от холода евреев – мужчин, женщин и детей – ночью буквально вмерзли в землю. Утром крепкие мужчины должны были их вытаскивать. Еще живых людей члены 1-й и 2-й рот отправили в овраг, где они были расстреляны таким же способом, как в предыдущий день.

После того как территория, на которой евреи должны были провести ночь, была от них очищена, было установлено, что в замерзшей земле застыли маленькие дети, которые во время сгона в предыдущий день были брошены на землю и втоптаны вновь прибывавшими. Там также лежали мертвыми в замерзшей грязи и взрослые евреи.

Ночью еще живые евреи предприняли попытку к бегству; однако они были застрелены часовыми (не установлено, были ли это члены СД или служащие 1-й и 2-й рот) [...]»⁸²

Вслед за акцией в Днепропетровске часть батальона и караульный взвод штаба Екельна 15 октября провели акцию в Кривом Роге, расстреляв 2500 местных евреев и 800 евреев-военнопленных⁸³.

Последней акцией в октябре был расстрел караульным взводом штаба Екельна в Кременчуге, где штаб Екельна находился с 18 октября, свыше 3000 евреев⁸⁴. Эту акцию организовал, вероятно, оберштурмфюрер СС Дегенхардт, которого Екельн 23 октября откомандировал в Кременчуг⁸⁵.

В ноябре-декабре 1941 г., а также в январе 1942 г. “оперативный штаб высшего фюрера СС и полиции Россия-Юг” провел в Кременчуге еще по крайней мере 10 “еврейских акций”⁸⁶, расстреляв около 500 евреев. В частности, расстрелы имели место:

Дата казни	Кол-во жертв	Примечание
1.11.	?	
7.11.	124	26 мужчин, 74 женщины, 24 ребенка, акция была в Крюкове
8.11.	148	73 мужчины, 53 женщины, 22 ребенка
11.11.	16	6 мужчин, 7 женщин, 3 детей
15.11.	103	58 мужчин, 38 женщин, 7 детей
19.11.	18	10 мужчин, 3 женщины, 5 детей
27.11.	?	
8.12.	?	
19.12.	9	7 мужчин, 2 женщины
12.01.	?	

В общей сложности в октябре-ноябре 1941 г. батальонами полицейского полка “Юг” и “штабной ротой” было уничтожено около 18 тысяч евреев.

Убийства евреев 304-м и 320-м полицейскими батальонами осенью 1941 г.

Приданный Екельну в августе 304-й полицейский батальон в самом начале сентября расстрелял по меньшей мере 500 евреев в Староконстантинове, 13 сентября – 486 евреев в Ладыжине (Винницкая область), 16 сентября – 1438 евреев в Гайсине (Винницкая область),

30 сентября – 4200 евреев (в том числе 600 евреев-военнопленных) в Кировограде, 5 октября – 305 евреев в Александрии (Кировоградская область), 8 октября – 6000 евреев (в том числе 600 евреев-военнопленных) в Умани, 14 октября – 47 евреев в Знаменке (Кировоградская область). 19 октября батальон прибыл в Киев и уже 21 октября вместе с 80 заложниками-украинцами расстрелял 12 евреев (9 женщин и 3 детей)⁸⁷. В общей сложности этот батальон в сентябре-октябре 1941 г. убил 12,5 тысячи человек.

320-й полицейский батальон после акций на юге Хмельницкой области с 7 сентября находился в Ровенской и Волынской областях. Штаб батальона и 3-я рота разместились в Ровно, 1-я рота – в Сарнах и 2-я рота – в Луцке. По всей видимости, именно 2-я рота батальона (командир роты – гауптман полиции Ганс Вимер) в октябре 1941 г. провела в Волынской области несколько “еврейских акций”: в Йом Киппур (в 1941 г. Йом Киппур приходился на 1 октября) был произведен массовый расстрел евреев во Владимир-Волынском, в конце октября расстреляны 890 евреев в Устилуге и, вероятно, в этом же месяце – 600 евреев в Рожище⁸⁸. Расстрелы евреев производили и другие роты батальона. Так, 1-я рота (командир – гауптман полиции Альфред Вебер) в октябре участвовала в расстреле 1400 евреев в Костополе, а 6-7 ноября весь батальон вместе с другими подразделениями полиции (315-й и 32-й полицейский батальоны, отряд оперативной команды 5) приняли участие в расстреле более 15 тысяч евреев Ровно⁸⁹. В совокупности в течение двух месяцев батальон принял участие в истреблении около 19 тысяч человек.

Наказание

Из около 9 тысяч полицейских и эсэсовцев, которые в составе полицейских подразделений и войск СС летом и осенью 1941 г. принимали участие в уничтожении еврейского населения Украины, наказание понесла ничтожная часть. Сам Екельн 3 февраля 1946 г. был повешен в Риге по приговору советского военного трибунала, однако почти все его подчиненные по 1941-му году никакого наказания за свои преступления не понесли, а те немногие, кто все же предстал перед судом, отделались или легким испугом, или чисто символическим наказанием.

Так, из состава полицейского полка “Юг” перед судом предстали всего 6 человек, из которых только четверо были приговорены к лишению свободы (см. табл.).

Суд, дата приговора	Подразделение	Обвиняемые. Приговор
ЗС* Регенсбург 5.08.1971	45-й рез. полиц. бат.	Энгельберт КРОЙЦЕР 7 лет
ЗС Регенсбург 14.02.1973 ЗС Регенсбург 23.10.1975	45-й рез. полиц. бат.	Фриц Феликс ФОРБЕРГ без наказания
ЗС Кайзерслаутерн 22.12.1976	2-й отряд связи полиц. полка "Юг"	Вольфганг Мария МАРКВАРДТ Виктор АБ... дело прекращено+оправдан
ЗС Траунштейн 26.05.1982	314-й полиц. бат.	Франц Карл Вильгельм БАУ... 5 лет 6 месяцев Ганс ХЕР... 3 года 6 месяцев
ЗС Кайзерслаутерн 25.06.1982	2-й отряд связи полиц. полка "Юг"	Ганс ХЕЙ... 3 года

*ЗС – земельный суд (Landgericht).

Обвинение было предъявлено также бывшему командиру полка Розенбауэру и бывшему командиру 45-го полицейского батальона Бессеру, однако по состоянию здоровья дела против них были закрыты.

Из состава 304-го полицейского батальона в бывшей ГДР (Галле) в 1970–80-х гг. перед судом предстали 8 бывших полицейских, причем приговоры были достаточно суровыми, соответствующими тяжести совершенных преступлений: пять человек были приговорены к пожизненному заключению и три – на срок от 13 до 15 лет.

Из состава 320-го полицейского батальона перед судом не предстал ни один человек, хотя прокуратура Дортмунда в начале 1960-х гг. и вела следствие по факту убийства этим батальоном евреев в Украине в 1941–42 гг. (дело бывшего командира 2-й роты батальона Вимера и других). Следствие закончилось безрезультатно, обоснование его прекращения было стандартным: за недостатком доказательств.

Что касается 1-й мотопехотной бригады СС, то следствие с доведением дела до суда и вынесением приговора завершилось лишь в отношении четырех человек, причем три из них служили собственно не в бригаде, а в ремонтном взводе, который был только придан бригаде, а один (Энцнер) был осужден за преступления, совершенные не в Украине, а в Белоруссии в 1942 г. (см. табл.).

Суд, дата приговора	Подразделение, состав преступления	Подсудимые. Приговор
ЗС Хейльбронн 24.05.1973	Ремонтный взвод Тэубнера. Убийства евреев в Звягеле, Шолохово, Александрии в сентябре–ноябре 1941 г.	Рудольф ВЮСТХОЛЬЦ 2 года
ЗС Траунштейн 13.03.1974	10-й полк. Уничтожение дер. Тупичи и расстрел всех ее жителей 14.09.42	Йоганн ЭНЦНЕР 4 года
ЗС Штуттгарт 15.02.1982	Ремонтный взвод Тэубнера. Убийства евреев в Звягеле, Шолохово, Александрии в сентябре–ноябре 1941 г.	Генрих ХЕССЕ 12 лет Йоганн ХЕРМАН 3 года

В 1960–70-х гг. прокуратуры Мюнхена и Кобурга вели следствие по делу 20 бывших военнослужащих 8-го мотопехотного полка СС (дело бывшего командира роты Пауля Либермана и других), однако оно закончилось безрезультатно опять-таки из-за недостатка доказательств.

Относительно 1-й мотопехотной бригады СС следует иметь в виду, что значительная часть военнослужащих этой бригады, которые летом и осенью 1941 г. принимали участие в убийствах евреев в Украине, погибла в боях в 1941–1945 гг. Так, только с 1 июля до 31 декабря 1941 г. бригада потеряла убитыми 136 человек, ранеными 378 и пропавшими без вести 16. Среди убитых в этот период были командир бригады Херрман и командир 8-го мотопехотного полка Закс. Кроме них, по состоянию на 12.03.1942 г. только из числа офицеров бригады погибли еще 21 человек⁹⁰.

Из состава собственно штаба Екельна прокуратура Киля во второй половине 1960 – начале 1970-х гг. вела следствие в отношении 6 человек – Дегенхардта, двух шоферов-телохранителей (Крюгера и Кунце) и трех бывших членов караульного взвода, однако и это следствие было прекращено из-за недостатка доказательств. Еще два шофера-телохранителя (Люшен и Ведекинд), которым Екельн часто поручал расстрелы евреев, погибли во время войны и один (Эндль) умер в 1966 г. В конце войны также погибли бывший начальник штаба Екельна Вандер, бывший начальник оперативного отдела Вальтин и бывший командир караульного взвода Вольф, в то время как первый начальник оперативного отдела Бальке умер в 1960 г. В этом же году покончил жизнь самоубийством бывший офицер связи с полицией безопасности Мейер.

Заключение

В конце октября 1941 г. Екельн был переведен в Ригу на должность высшего фюрера СС и полиции Россия-Север. Причиной перевода было то, что Екельн не нашел общего языка с рейхскомиссаром Украины гау-лейтером Эрихом Кохом, с которым он конфликтовал еще с 1937 г.

Распоряжение Гимmlера от 31 октября 1941 г. о новом назначении Екельна гласило: “Я освобождаю Вас от должности высшего фюрера СС и полиции Россия-Юг и назначаю высшим фюрером СС и полиции Россия-Север. За Вашу отличную деятельность я выражаю Вам свою сердечную благодарность и свое особое признание”⁹¹.

“Отличная” работа Екельна выразилась в 150 тысячах трупов, которые оставили после себя подчиненные ему подразделения в девяти областях Украины – Волынской, Ровенской, Хмельницкой, Винницкой, Житомирской, Киевской, Кировоградской, Днепропетровской, Полтавской. Если иметь в виду, что в Украине во второй половине 1941 г. были истреблены около полумиллиона евреев, то получается, что на счет подчиненных непосредственно Екельну частей СС и полиции приходится около одной трети этих жертв.

Кроме частей, подчиненных непосредственно Екельну, в тылу группы армий “Юг” действовали команды СД, которые находились в двойном подчинении. С одной стороны, они подчинялись шефу полиции безопасности и СД (Гейдрих), приказы которого имели приоритет, а с другой – Екельну, приказы которого для команд СД были обязательными, если не противоречили приказам Гейдриха. По состоянию на 19.08.1941 г. из состава полиции безопасности и СД в тылу группы армий “Юг” действовали входившие в оперативную группу “С” команды 4а и 4б по 160 человек каждая и команды 5 и 6 по 250 человек каждая, а также команда оперативной группы “D” численностью 250 человек⁹². Команды группы “D” до 31.10.1941 г. включительно расстреляли 51 767 человек⁹³, в основном евреев, а команды группы “С” до 20.10.1941 г. – около 80 тыс. человек, в том числе около 75 тыс. евреев⁹⁴. Среди жертв-евреев этой группы находятся и около 34 тыс. киевских евреев, хотя фактически около 20 тыс. были расстреляны 45-м батальоном, а командой СД – около 14 тыс. С учетом этого обстоятельства команды группы “С” расстреляли свыше 65 тыс. человек, в том числе около 60 тыс. евреев. В течение последней декады октября команды этой группы расстреляли еще свыше 9000 человек⁹⁵. Таким образом, команды групп “С” и “D” к 1 ноября 1941 г., т. е. к моменту оставления Екельном должности высшего фю-

рера СС и полиции Россия-Юг, уничтожили в общей сложности свыше 125 тыс. человек, что увеличивает общее количество жертв Екельна до 275 тыс.

В среднем каждый непосредственный подчиненный Екельна убил 17 человек. Правда, были среди них и такие, кто лично не убил ни одного человека, но были и такие, которые убили по нескольку сот и даже нескольку тысяч человек. Сам Екельн, по-видимому, не убил ни одного человека, однако лично руководил несколькими массовыми убийствами – в Шепетовке, Староконстантинове, Пиляве, Старой Синяве, Каменец-Подольске, Бердичеве, Киеве.

Екельн понес наказание за совершенные им преступления, однако практически все его подчиненные, принимавшие активное участие в убийствах в Украине в 1941 г. (кроме погибших во время войны), никакого наказания не понесли.

Приложение:

краткие биографические сведения о Ф. Екельне⁹⁶

ЕКЕЛЬН (Jeckeln), Фридрих, род. 2 февраля 1895 г. в семье фабриканта. Образование: средняя школа (не закончил), техникум (не закончил). В октябре 1913 г. поступил добровольцем в армию, принимал участие в Первой мировой войне, был награжден железными крестами 1 и 2 классов, демобилизовался в звании лейтенанта. В 1918 г. женился. В 1919–1925 гг. работал в поместье своего тестя-еврея. В июле 1925 г. после очередной ссоры с тестем покинул поместье и жену с тремя детьми. В 1927 г. официально развелся. В 1928 г. женился второй раз. От первого и второго брака имел 8 детей. В 1929 г. вступил в нацистскую партию и СС (№ СС 4367). 15.03.30 произведен в штурмбаннфюреры СС, 22.06.31 – в штандартенфюреры, 20.09.31 – в оберфюреры, 4.02.33 – в группенфюреры и 13.09.36 – в обергруппенфюреры СС. В 1930 г. возглавлял 1-й штурмбанн 12-го штандарта СС в Ганновере, в 1931 г. – 12-й и 17-й штандарты СС в Ганновере. В сентябре 1931 г. назначен фюрером IV абшнитта СС в Брауншвейге. В феврале–июле 1933 г. – фюрер группы СС “Юг” в Мюнхене. С 10.08.33 вновь возглавлял СС в Брауншвейге (группа СС “Северо-Запад”, с 1.04.36 – оберабшнитт СС “Центр”). С 9.07.40 до 1.05.41 – фюрер оберабшнитта СС “Запад” в Дюссельдорфе. С 29.06.41 – “высший фюрер СС и полиции Россия-Юг” и с 1.11.41 до 18.01.45 – высший фюрер СС и полиции в Остланде (Прибалтика) в Риге. 1.07.44 произведен в генералы войск СС. 27.08.44 награжден Рыцарским Крестом. С 17.02.45 – командующий немецкими

войсками в Бреслау (Вроцлав), командир 5-го корпуса СС. 8.03.45 награжден Дубовыми листьями к Рыцарскому Кресту.

На процессе в Риге в январе 1946 г. приговорен к смертной казни. Повешен в Риге 3.02.1946 г.

¹ Mallmann K.-M. Der qualitative Sprung im Vernichtungsprozeß. Das Massaker von Kamenez-Podolsk Ende August 1941 // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. – 2001. – S. 10.

² См. дневник Главного командования вермахта (штаб оперативного руководства вермахта), запись от 3.03.1941 г. // Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab). Bd. 1. Frankfurt/Main, 1965, S. 340–341.

³ Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). – М., 1968. – С. 24.

⁴ См. приказ Гиммлера от 21.05.1941 г. “относительно специального задания фюрера” // Buchheim H., Broszat M., Jacobsen H.-A., Krausnick. Anatomie des SS-Staates. Bd. 2. Olten-Freiburg, 1965. – S. 219–220.

⁵ United States National Archives and Record Administration (hereafter NARA), Record Group RG-242, Microfilm publication T-501, roll 7, frame 78.

⁶ Bundesarchiv, B 162/204 AR-Z 13/60 (Stab Jeckeln), Bd. 4: Vfg. v. 28. Juli 1971.

⁷ Personalakt August Meier: NARA, Microfilm publication A3343, roll SSO-305A.

⁸ Bundesarchiv, B 162/204 AR-Z 13/60 (Stab Jeckeln), Bd. 4: Vfg. v. 28. Juli 1971.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Bundesarchiv, B 162/204 AR-Z 13/60 (Stab Jeckeln), Bd. 3: Abschlußbericht v. 5. März 1965.

¹¹ Приказ № 20 штаба командования рейхсфюрера СС от 22.07.1941 г. // Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 гг. / Сост. А. Круглов. – К.: Институт иудаики, 2002. – С. 228.

¹² См. отчет 1-й мотобригады СС, отд. Па, от 19.09.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования рейхсфюрера СС”.

¹³ Телеграмма № 120 высшего фюрера СС и полиции Россия-Юг от 20.08.1941 г. // Сборник документов и материалов... – С. 240.

¹⁴ NARA, RG-242, Microfilm publication T-501, roll 5, frame 442.

¹⁵ Encyclopaedia Judaica. Vol. 16. Jerusalem 1972, p. 202. По другим данным (Shmuel Spector. The Holocaust of Volhynian Jews, 1941–1944. Jerusalem: Yad Vashem, 1990, p. 73) расстреляно было 350 евреев.

¹⁶ См. приговор 5-й палаты по уголовным делам земельного суда Траунштейн (Германия) от 26 мая 1982 г. по делу бывших членов 314-го полицейского батальона (архив прокуратуры Траунштейн). Согласно материалам

ЧГК (Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 7021, оп. 55, д. 7, л. 155 об., 168 об.), в Любомле 22 июля были расстреляны около 400 евреев. В Мацееве (Луков) были расстреляны 150 человек (Encyclopaedia of Jewish Communities, Poland, Volume V, Volhynia and Polesie. Jerusalem: Yad Vashem, 1990, p. 139).

¹⁷ Shmuel Spector. The Holocaust of Volhynian Jews, p. 73.

¹⁸ Цит. по: Boll B. “Aktionen nach Kriegsbrauch”. Wehrmacht und 1. SS-Infanteriebrigade 1941 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 48. Jahrgang 2000, Heft 9, S. 780–781.

¹⁹ “Unsere Ehre heißt Treue”. Kriegstagebuch des Kommandostabes RF SS, Tätigkeitsberichte der 1. und 2. SS-Inf. Brigade, der 1. SS-Kav. Brigade und von Sonderkommandos der SS. Frankfurt/Main–Wien–Zürich, 1965. – S. 95–96.

²⁰ Boll B. “Aktionen nach Kriegsbrauch”. Wehrmacht und 1. SS-Infanteriebrigade 1941 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 48. Jahrgang 2000, Heft 9, S. 775.

²¹ См. Обвинительное заключение прокуратуры Регенсбург от 2.02.1970 г. по делу Розенбауэра, Бессера и Кройцера (архив прокуратуры Регенсбург); также: Деко О. Кедойшим. Повесть-хроника Шепетівського гетто. – К., 1995. – С. 32.

²² См. также донесение о событиях в СССР № 38 от 30.07.1941 г.: “По сообщению ЕК 4а из Звягеля, там продолжается саботаж. Вермахт сгоняет в одно место штатских и в качестве возмездия проводит казни” / Сборник документов и материалов... – С. 40.

²³ Барановка входила в район (“Звягель, долина р. Случь, Нов. Мирополь, Шепетовка, Заслав, Острог, долина р. Горыни, Гоща”), в котором производилась “чистка”. В конце июля 1941 г. часть евреев Барановки на трёх грузовиках была увезена в сторону Понинки и там расстреляна (см. акт от 10.01.1944 г. // Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып. 13. – Воениздат, 1945. – С. 50).

²⁴ Незагоєна рана / Упорядник Д. Гошкіс. – Славута–Нетішин–Ізяслав, 1996. – С. 58–59.

²⁵ Там же. – С. 48.

²⁶ NARA, RG-242, Microfilm publication T-501, roll 4, frame 170.

²⁷ См. отчет 1-й мотопехотной бригады СС от 3.08.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”.

²⁸ См. отчет 1-й мотопехотной бригады СС о деятельности 3-6-8.1941 г. // “Unsere Ehre heißt Treue”, S. 98.

²⁹ Boll B. “Aktionen nach Kriegsbrauch”. Wehrmacht und 1. SS-Infanteriebrigade 1941 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 48. Jahrgang 2000, Heft 9, S. 782–783.

³⁰ Schlußbericht v. 14.7.1964 aus dem Verfahren 2 AR-Z 1212/60 (1. SS-Brigade) // Bundesarchiv B 162/AR-Z 1212/60, Bd, 40, Bl. 9512-9513.

³¹ См. отчет 1-й мотопехотной бригады СС о деятельности 3-6-8.1941 г. // “Unsere Ehre heißt Treue”, S. 99–100.

³² См. отчет 1-й мотопехотной бригады СС о деятельности 6-10-8.1941 г. // “Unsere Ehre heißt Treue”, S. 3–105.

³³ Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”.

³⁴ Der Dienstkalender Heinrich Himmlers 1941/42. Im Auftrag der Forschungsstelle für Zeitgeschichte in Hamburg bearbeitet, kommentiert und eingeleitet von Peter Witte, Michael Wildt, Martina Voigt, Dieter Pohl, Peter Klein, Christian Gerlach, Christoph Diekmann und Andrej Angrick. Hamburg, 1999. – S. 191.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibidem.

³⁷ См. радиogramма № 36 1-й бригады СС от 16.08.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”.

³⁸ См. “Донесение о событиях в СССР” № 86 от 17.09.1941 г.: “В Ушомире, где 1-я бригада СС расстреляла всех евреев мужского пола, через два часа после ее ухода ворвались бандиты под руководством 4 евреев и сожгли 48 домов...” / Сборник документов и материалов... – С. 72.

³⁹ См. радиogramму Екельна от 5.08.1941 г.: The National Archives, Kew/ United Kingdom, HW 16/32, GPD 311, msg. 8 (SQF de DQH SSD SRJ Nr.5 sent on 5.8.41, 0935h).

⁴⁰ Свидетельство Е. Захарова-Зайденберга // Живыми остались только мы. Свидетельства и документы / Ред.-сост., автор предисловия и комментариев д-р Борис Забарко. – К., 1999. – С. 161.

⁴¹ См. телеграмму Екельна № 93 от 17.08.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”.

⁴² Круглов А.И. Потери евреев Украины в 1941–1944 гг. – Харьков: Тарбут Лаам, 2005. – С. 205.

⁴³ Оригиналы донесений хранятся в Центральном военном архиве в Праге. На русском языке они опубликованы в: Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 гг. / Сост. А. Круглов. – К.: Институт иудаики, 2002. – С. 238–247.

⁴⁴ См. подробно: Braham R.L. The Kamenets Podolsk and Delvidek Massacres. Prelude to the Holocaust in Hungary // Yad Vashem Studies 9 (1973), p. 133–143; Mallmann K.-M. Der qualitative Sprung im Vernichtungsprozeß. Das Massaker von Kamenez-Podolsk Ende August 1941 // Jahrbuch für Antisemitismusforschung 10 (2001); “Еврейская акция” в Каменец-Подольском в конце августа 1941 г. в свете немецких документов // Голокост і сучасність: науковий часопис. – 2005. – № 1. – С. 43–48; Круглов А. “Еврейская акция” в Каменец-Подольске в конце августа 1941 г. в свете немецких документов // Ткума. Вестник Центрального Украинского Фонда истории Холокоста “Ткума”. – 2005. – № 2 (52). – С. 3.

⁴⁵ См. показания Германа Крюгера 22.9.1964 г. // Bundesarchiv, B 162/204 AR-Z 13/60, Bd. 1, Bl. 403–405.

⁴⁶ Mallmann K.-M. Der qualitative Sprung im Vernichtungsprozess. Das Massaker von Kamenez-Podolsk Ende August 1941 // Jahrbuch fuer Antisemitismusforschung 10 (2001), S. 254.

⁴⁷ См. “Донесение о событиях в СССР” № 94 от 25.9.1941 г. // Сборник документов и материалов... – С. 265.

⁴⁸ Свидетельство М. Сандал (Аскес) // Живыми остались только мы... – С. 390.

⁴⁹ Телеграмма № 305 “высшего фюрера СС и полиции Россия-Юг” от 6.09.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Телеграмма № 179 “высшего фюрера СС и полиции Россия-Юг” от 26.08.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”.

⁵² Круглов А. И. Потери евреев Украины в 1941–1944 гг. – С. 66.

⁵³ ГАРФ, ф. 7021, оп. 54, д. 1246, л. 124.

⁵⁴ См. телеграмму № 444 “высшего фюрера СС и полиции Россия-Юг” от 17.09.1941 г. (“Сообщение за 15.9.1941... 45-й бат. пол. полка «Юг» закончил акцию по чистке в Любаре”): Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”.

⁵⁵ Круглов А.И. Потери евреев Украины в 1941–1944 гг. – С. 66.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Государственный архив Российской Федерации, ф. 7021, оп. 60, д. 305, л. 9. Среди расстрелянных были также, вероятно, и евреи из окрестных сел: Барвиновка (13), Старая Романовка (10), Слобода Чернецкая (14), Тесновка (17) (там же, л. 67, 163, 182, 183).

⁵⁸ Круглов А. И. Потери евреев Украины в 1941–1944 гг. – С. 17.

⁵⁹ Там же. – С. 16.

⁶⁰ Обвинительное заключение прокуратуры Регенсбург от 2 февраля 1970 г. по делу РОЗЕНБАУЕРА, БЕССЕРА и КРОЙЦЕРА (Архив прокуратуры Регенсбург).

⁶¹ См. радиограмму № 106/7 “высшего фюрера СС и полиции Россия Юг” от 19.09.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”.

⁶² Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып. 13. – М.: ОГИЗ, 1945. – С. 5–6. Через несколько дней в Сквире было расстреляно ещё свыше 140 человек.

⁶³ См. журнал боевых действий 113-й пехотной дивизии, запись за 27.09.1941 г. (Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA), RH 26-113). См. также ра-

диограмму № 142/143 от 28.09.41, 10.15 “высшего фюрера СС и полиции Россия-Юг”: “Пол. полк Юг: акция по чистке и выставление оцепления в Киеве” (Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования рейхсфюрера СС”). Упоминание о расстрелах евреев в субботу 27.09.1941 г. мы также находим в воспоминаниях очевидцев // См.: Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. / Сост. В. Гроссман, И. Эренбург. – К., 1991. – С. 23.

⁶⁴ Обвинительное заключение прокуратуры Регенсбург от 2 февраля 1970 г. по делу РОЗЕНБАУЕРА, БЕССЕРА и КРОЙЦЕРА (Архив прокуратуры Регенсбург).

⁶⁵ Mallmann K.-M. Vom Fußvolk der „Endlösung“. Ordnungspolizei, Ostkrieg und Judenmord // Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte XXVI/1997, S. 371.

⁶⁶ См. отчеты о деятельности 1-й бригады СС 9-12 и 12-19.9.1941 г.; телеграммы 1-й бригады СС за 12, 13 и 15.09.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”.

⁶⁷ См. отчет о деятельности 1-й бригады СС 12-19.9.1941 г. // “Unsere Ehre heißt Treue”, S. 142–144.

⁶⁸ См. отчет 1-й бригады СС от 26.09.1941 г. о деятельности 19-26.9.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”.

⁶⁹ Круглов А.И. Потери евреев Украины в 1941–1944 гг. – С. 109.

⁷⁰ См. отчет 1-й бригады СС (отдел 1а) от 3.10.1941 г. о деятельности 26.9. – 3.10.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”.

⁷¹ См. телеграмму 1-й бригады СС от 25.9.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”.

⁷² См. отчет 1-й бригады СС (отдел 1ц) от 3.10.1941 г. о деятельности 26.9. – 3.10.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”.

⁷³ См. отчет 1-й бригады СС (отдел 1а) от 3.10.1941 г. о деятельности 26.9. – 3.10.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”.

⁷⁴ См. отчет 1-й бригады СС (отдел 1а) от 10.10.1941 г. о деятельности 3 – 10.10.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”. Расстрел имел место 5.10.1941 г. (см. радиограмму № 168/69 “высшего фюрера СС и полиции Россия Юг” от 6.10.41, 13.00).

⁷⁵ См. подробно: „Schöne Zeiten“. Judenmord aus der Sicht der Täter und Gaffer. Herausgegeben von E. Klee, W. Dreßen, V. Rieß. Frankfurt/Main, 1988. – S. 184ff.; Büchler Y. “Unworthy Behavior”: The Case of SS Officer Max Täubner // Holocaust and Genocide Studies, vol. 17, Number 3, Winter 2003, p. 409–429. Верховный суд

СС и полиции в Мюнхене приговорил Тэубнера к 10 годам лишения свободы. В начале января 1945 г. Гиммлер его помиловал с предоставлением двухнедельного отпуска и последующим направлением на фронт.

⁷⁶ См. радиограммы № 156/57 от 2.10.41, № 160 от 3.10.41, № 179 от 9.10.41 и № 191 от 12.10.41 “высшего фюрера СС и полиции Россия-Юг”: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования рейхсфюрера СС”.

⁷⁷ NARA, RG-242, Microfilm publication T-501, roll 6, frame 115.

⁷⁸ 4.10.1941 г. эта зондеркоманда расстреляла 537 евреев в Переяславе, 8.10.1941 г. – 125 евреев в Яготине (см. “Донесение о событиях в СССР” № 119 от 20.10.1941 г. // Сборник документов и материалов... – С. 91) и 16.10.1941 г. – 1865 евреев, коммунистов и партизан в Лубнах (см. “Донесение о событиях в СССР” № 132 от 12.11.1941 г. // Сборник документов и материалов... – С. 98).

⁷⁹ См. приговор суда присяжных земельного суда Регенсбург от 5.08.1971 г. по делу Э. Кройцера (Архив прокуратуры Регенсбург). Согласно материалам ЧГК в Хороле в середине октября было убито 460 евреев // Полтавщина у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу 1941–1945. Збірник документів і матеріалів. – К., 1977. – С. 84. См. также: Микитенко О. Дорога зла і жалю // Еврейские вести (Киев). – 1997. – № 5–6) (дата расстрела в этой статье приводится иная: 23.10.1941 г.).

⁸⁰ Столько евреев осталось в городе согласно отчёта фельдкомендатуры 197 от 18.12.1941 (NARA, RG-242, Microfilm publication T-501, roll 6, frame 1013). Согласно материалам ЧГК, убито было 3,5 тыс. евреев (Государственный архив Полтавской области, ф. р-4085, оп. 3, д. 2276, л. 2), согласно свидетельству очевидца – свыше 2000 (Неизвестная Чёрная книга: Свидетельства очевидцев о Катастрофе советских евреев (1941–1944) / Сост.: И. Альтман, Ш. Краковский. – Иерусалим–Москва, 1993. – С. 197). Учитывая количество евреев в городе до войны (2087), последние две цифры представляются завышенными.

⁸¹ С 19 ноября 1941 г. штаб батальона с 3-й ротой находились в Кременчуге, 2-я рота – в Градижске: см. радиограмму № 1022 “высшего фюрера СС и полиции Россия Юг” от 20.11.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”. 1-я рота осталась в Золотоноше, где до этого находился весь батальон.

⁸² См. приговор 5-й палаты по уголовным делам земельного суда Траунштейн от 26 мая 1982 г. по делу бывших членов 314-го полицейского батальона (Архив прокуратуры Траунштейн). Согласно справке начальника управления НКВД по Днепропетровской области (ноябрь 1943 г.), расстрелы в враге близ Транспортного института производились с 5 часов утра 14 октября до 17 часов 15 октября 1941 г. (Фаримец А. Геноцид евреев Днепропетровска в годы нацистской оккупации (1941–1944) // Ткума. Вестник научно-просветительского центра (Днепропетровск). – 2000. – № 5. – С. 4).

⁸³ Bundesarchiv, B 162/204 AR-Z 13/60 (Stab Jeckeln), Bd. 4: Vfg. v. 28. Juli 1971.

⁸⁴ Государственный архив Полтавской области, ф. р-4085, оп. 3, д. 2276, л. 2. В Кременчуге имелось около 4 тысяч евреев: см. отчет фельдкомендатуры 239 от 24.10.1941 г. (NARA, RG-242, Microfilm publication T-501, roll 33, frame 390).

⁸⁵ Bundesarchiv, B 162/204 AR-Z 13/60 (Stab Jeckeln), Bd. 4: Vfg. v. 28. Juli 1971.

⁸⁶ См. оперсводки и дополнительные сообщения “высшего фюрера СС и полиции Россия-Юг (оперативный штаб)” за ноябрь–декабрь 1941 г. и январь 1942 г. (Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования рейхсфюрера СС”).

⁸⁷ См. приговор окружного суда в Галле (ГДР) от 26.10.1978 г. по делу бывших членов 304-го полицейского батальона // DDR Justiz und NS Verbrechen, Band 1 (Amsterdam: Amsterdam University Press, 2002), S. 470–473; дневник члена 304-го полицейского батальона Отто Мюллера за сентябрь–октябрь 1941 г. (Der Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehem. DDR, Archiv der Zentralstelle, MfS – HA IX/11, ZUV 78, Bd. 6 (без Александрии). Акция в Александрии: см. донесение “высшего фюрера СС полиции Россия-Юг” от 5.10.1941 г.: Центральный военный архив в Праге, фонд “Штаб командования РФ СС”.

⁸⁸ Круглов А.И. Потери евреев Украины в 1941–1944 гг. – С. 35.

⁸⁹ Там же. – С. 168.

⁹⁰ Подсчитано по: Im Ostfeldzug gefallene Führer der Waffen-SS (Stand vom 12.3.1942) // Dienstaltersliste der Waffen-SS. SS-Obergruppenführer bis SS-Hauptsturmführer. Stand vom 1. Juli 1944. Neu herausgegeben von Brün Meyer. – Osnabrück, 1987.

⁹¹ Personalakte Friedrich Jeckeln // Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde.

⁹² См. военную организацию сил “высшего фюрера СС и полиции Россия-Юг” по состоянию на 19.08.1941 г. (NARA, RG-242, Microfilm publication T-501, roll 5, frame 733).

⁹³ См. “Донесение о событиях в СССР” № 129 от 5.11.1941 г. // Сборник документов и материалов... – С. 97.

⁹⁴ См. “Донесение о событиях в СССР” № 128 от 3.11.1941 г. // Сборник документов и материалов... – С. 94.

⁹⁵ Подсчитано по: “Донесение о событиях в СССР” № 135 от 19.11.1941 г. // Сборник документов и материалов... – С. 100–101.

⁹⁶ Personalakte Friedrich Jeckeln // Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde; Flechtmann F. November 1944: “Und nun erst recht!“. Ein Hornberger lässt schießen // Die Ortenau 76 (1996), S. 471–491; Breitman R. Friedrich Jeckeln. Spezialist für die „Endlösung“ im Osten // Smelser R., Syring E. (Hrsg.) Die SS: Elite unter dem Totenkopf. 30 Lebensläufe. Paderborn, 2000, S. 267–275.

“Мертвые евреи”: заметки о приемлемом прошлом*

В декабре 2004 г. ко мне обратилась редакция журнала “*Ab Imperio*” с просьбой подвести итоги журнальной дискуссии о “приемлемом прошлом”, посвященной одной весьма любопытной теме: каким образом национальные исторические нарративы посткоммунистических стран учитывают исторический и культурный опыт восточноевропейских евреев. Мне уже приходилось высказываться по этой теме в связи с новейшими исследованиями по истории Украины. Но теперь задача была поставлена шире. Редакция “*Ab Imperio*” получила три статьи: немецкого антрополога и социолога Анны Липпхардт¹, исследовательницы польско-еврейских контактов Агнешки Ягодзинской² и специалиста по литовско-еврейским историко-культурным связям Юргиты Щячюнайте-Вербицкене³. Я с любопытством принялся читать присланные мне статьи – разного качества, а может быть, даже разного жанра, – и вдруг обнаружил, что при всех различиях в подходе к избранной теме, при всей их тематической разнице, все три статьи написаны как бы по одному и тому же принципу. Анна Липпхардт рассуждала об истории макетов, изготовленных в Виленском гетто, Агнешка Ягодзинска писала о надгробиях Варшавского еврейского кладбища, а Щячюнайте-Вербицкене посвятила свою статью восприятию Холокоста литовским историческим мышлением. Меня поразило, что из всего разнообразия историко-культурных тем, связанных с исторической памятью и межэтническими контактами, трое молодых ученых – не сговариваясь! – выбрали в качестве темы исследования одну-единственную: а именно, взаимодействие между живой восточно-европейской национальной исторической памятью и мертвой, а точнее – убиенной – еврейской культурой. Более того, мои осторожные замечания на полях одной из трех статей, напрямую связанной с отношениями между, допустим, еврейской и местной национальной интеллигенцией, были восприняты одним из авторов в штыки – мол, никаких таких отношений нет и быть не может. Есть только местная (нееврейская) национальная память и Холокост. Живая национальная культура и мертвые евреи. Предлагаемое читателям эссе

* Статья была впервые опубликована на английском языке под названием “*The Dead Jews: A Reflection On Useable Past*” в журнале “*Ab Imperio*”, 2004, № 4, с. 193–206. Перевод с английского М.И. Тяглого.

появилось в результате чтения и обсуждения статей, опубликованных “*Ab Imperio*”. Хочу сразу оговориться: по прочтении русского варианта этого эссе кому-то может показаться, что я возражаю против изучения Холокоста или против необходимости введения истории Холокоста в учебные или исследовательские программы стран Восточной Европы. Такая мысль может придти в голову либо невнимательному читателю, либо больному человеку. На самом деле я говорю совершенно о другом – я говорю об опасных, и даже очень опасных, последствиях интерпретации восточно-европейской еврейской истории и культуры как истории и культуры раз и навсегда исчезнувшего народа. Я говорю только о том, что евреи несводимы к Холокосту. Есть что-то глубоко безнравственное в попытке свести восточно-европейское межэтническое взаимодействие к вопросу о том, на какую страницу университетского учебника по национальной истории засунуть упоминание о шести миллионах евреев, уничтоженных во время Второй мировой войны. Наконец, я предлагаю перейти от одной модели взаимодействия между разными национальными культурами – к другой, с моей точки зрения более продуктивной.

* * *

Модели исторического видения, о которых пойдет речь, восходят к двум макетам, изготовленным в виленском гетто. Как утверждает в своей статье Анна Липпхардт, в начале 1940-х находящиеся под оккупацией евреи Вильнюса (города, известного в еврейской истории под именем Вильна) сконструировали два макета города: один для себя, а другой – для оккупационных властей. Первый, изготовленный по заказу гебитскоммиссара, представлял Вильну крупным городским центром конца 30 – начала 40-х гг., который включал, кроме всего прочего, и еврейское гетто. В своей статье Анна Липпхардт лишь кратко останавливается на описании этого макета, ныне глубоко запрятанного в подсобках Вильнюсского еврейского государственного музея им. Виленского Гаона. Однако тонкие наблюдения Липпхардт – в сочетании с дополнительными сведениями из других источников – дают более-менее точную картину того, как он выглядел. Скорее всего, в его центре возвышалась церковь Св. Анны и башня Гедимины; чуть далее – старый еврейский квартал и городской центр довоенного Вильнюса; на макете могли быть еврейские школы по изучению иврита и идиш; местные ешивы и кафедральный собор; дом, где в начале XX в. евреи города принимали Теодора Герцля, и местный университет, служивший в свое время центром польского восстания против российских властей; здание института YIVO и

библиотека Страшуна; еврейское кладбище и Старая синагога, которая столетиями подчинялась виленскому кагалу, распущенному Николаем I в 1844 г.; молитвенный дом, где регулярно молился один из величайших раввинистических авторитетов XVIII ст. Элия бен Соломон (1720–1797), прозванный Гаоном; школа, принадлежавшая движению Мусар, где преподавал основатель этического направления в иудаизме Исраэль Салантер (1810–1883); Виленский раввинский институт, созданный царскими властями для подготовки так называемых казенных раввинов, которых правительство пыталось превратить в послушных и преданных престолу еврейских чиновников; школа *Мефицей Хаскала*, основанная на принципах еврейского Просвещения; трикотажная фабрика Блоха, работницы которой провели знаменитую забастовку в 1900 г.; Оперный театр, где виленские студенты устраивали свои политические митинги; Немецкая улица с модными еврейскими магазинами; наконец, макет запечатлел и гетто – последний приют виленских евреев⁴.

Но существовал также и второй макет – в некотором смысле, полная противоположность первому. С ним, как это ни странно, связано послевоенное изучение литовского Холокоста. Этот макет воспроизводил гетто как замкнутый на себе город. Евреи виленского гетто сконструировали этот макет исключительно для внутреннего пользования, преследуя как высокодуховные, так и чисто практические цели. Этот макет, в каком-то смысле, служил символом их последнего пристанища. Кроме того, макет – за неимением карты или планов – помогал контролировать социальную обстановку в гетто. Вполне вероятно, что макет сослужил свою службу, когда евреи гетто готовили вооруженное восстание. На этом, втором, макете были представлены довоенные здания, ставшие общинными приютами. Здесь был юденрат – головная организация гетто, созданная нацистами в бывшей еврейской гимназии; ее возглавлял весьма противоречивый Яков Генс (1905–1943). Здесь была общественная бесплатная столовая в доме № 2 по улице Страшун, где Абба Ковнер обсуждал план восстания с молодежью из партии Ха-Шомер Ха-Цаир. Здесь располагался детский дом культуры; знаменитая библиотека гетто, в которой в период нацистской оккупации хранилось (и выдавалось) около тысячи книг; театральные здания гетто – старое на улице Рудницкой и новое на улице Конской; общественная столовая на улице Свавельской, где Ассоциация писателей и художников проводила публичные лекции для евреев гетто; несколько еврейских молитвенных домов и синагога XVII века, откуда людей увозили на расстрел в виленские леса и овраги. Отсюда узкие улочки Большого гетто вводили в

Малое, обитатели которого были уничтожены в Понарах еще в 1941 г. Пространство макета было ограничено тщательно охраняемыми воротами гетто, наглухо закрытыми на весь период комендантского часа⁵.

Первый макет был заказан евреям нацистскими властями – вероятно, для того, чтобы осуществлять контроль над гетто и его территорией, являющейся частью общего городского пространства Вильнюса. Парадоксально, что созданный по их заказу макет как бы говорил на разных языках и отображал жизнь самых разных этнических групп. Действительно, на макете нашлось место и литовцам, и полякам, и немцам, и евреям. А второй макет, изготовленный для внутриобщинных нужд, имел, в противоположность первому, мало общего с тем городом, который евреи Европы в течение четырех веков называли звучным именем Ерушалаим де-Лита – Литовский Иерусалим. Хотя представленные на этом макете улицы были улицами Вильно (Вильнюса), а его обитатели – говорившими на идиш литовскими евреями, тем не менее размеры макета ограничивались границами гетто, словно вне гетто больше ничего и не существовало. Второй макет отображал взгляд на мир обитателя гетто между 1941 и 1943 годами, ни больше и ни меньше. В то время как первый красноречиво свидетельствовал о пятисотлетней истории еврейского присутствия в Вильно (Вильнюсе), второй начисто стирал следы такового присутствия, сводя его единственно к краткому периоду Второй мировой войны. Первый освещал историю с разных сторон: он являл собой разнообразие местной еврейской культуры с ее еврейской ортодоксией и сектантством, движением ешиботников и еврейским социализмом, хасидизмом и маскилим (проповедниками еврейского Просвещения), сионистскими устремлениями и экономической модернизацией, учреждениями еврейской культурной интеграции и институтами экономического сотрудничества между евреями и неевреями. В противовес ему, второй макет акцентировал скучное единообразие и неумолимое сползание в смерть. Первый макет рассказывал историю еврейской жизни в диаспоре, тогда как второй – оплакивал уничтожение этой диаспоры. Первый отводил евреям место на карте Вильно (Вильнюса) – польско-еврейско-русско-литовского города, а второй отчетливо очерчивал еврейскую “область присутствия”, в которой, казалось, улицы носят польские и литовские названия скорее по какому-то странному совпадению или досадному недоразумению. Первый воплощал дух, который бундовцы называли “дойкайт” (можно перевести как “здешность”): “Мы все еще здесь! Вам не удастся сделать город Judenrein (свободным от евреев)!” Второй, хотя изображал литовский

город, последовательно отстаивал противоположную трактовку: “Мы чужаки, нам здесь не место”. Первый изображал Вильнюс (Вильнюс) со всей его городской средой и с его выразительным еврейским присутствием. Из второго неевреи были полностью удалены; как некогда города Речи Посполитой, находившиеся под юрисдикцией короны, гордились привилегией *De non tolerandi Judaeos* (правом запрещать евреям постоянно проживать в пределах крепостных стен), точно так же модель еврейского гетто представляла мир, получивший, наконец, макабрическую, вымышленную привилегию *De non tolerandi Goyim* (право запрещать неевреям совместное проживание с евреями).

В послевоенной Восточной Европе оба макета стали своего рода прототипами двух основных подходов в освещении еврейской истории. Удобства ради назовем первую модель “интеграционной”, а вторую – “геттообразной”⁶. Как следует из работы Щячюнайте-Вербицкене, в постсоветской Литве “интеграционную” модель сочли малопривлекательной и обрекли на забвение, поскольку она, дескать, оскорбляет жителей и ученых послевоенного, посткоммунистического и тем более национально независимого Вильнюса. Показательно, каким было послевоенное литовское отношение к вопросу о роли евреев, их экономической деятельности и их культуры в истории предвоенной Вильнюс (Вильнюса). Как оказалось, постановка такого вопроса чревата маложелательными последствиями – в первую очередь, она могла спровоцировать общественную дискуссию о влиянии еврейского присутствия на создание и развитие городской инфраструктуры. Кому это нужно? К чему подчеркивать преимущественно нелитовский характер происхождения города, которому, наконец, суждено стать Вильнюсом, столицей независимой Литвы?

Парадоксально, но из работы Щячюнайте-Вербицкене следует, что культурная практика местных властей в отношении евреев во времена Советской Литвы, когда публиковались произведения таких еврейских авторов, как Ицхокас (Ицхак) Мерас и Григорий Канович, в постсоветской Литве стала совершенно невозможной. Если в Литве после 1989 г. даже поднимать вопрос об интеграционном и полиэтничном характере города вдруг стало признаком дурного тона, что уж тогда говорить о проблеме реституции еврейской общинной собственности?! Кто смеет упоминать о роли евреев в истории нашего чисто католического города? И чего ради литовцы должны делиться совершенно литовским городским пространством, приведенным, наконец, в порядок и в соответствие со своим национальным характером, с этими маргинальными и малоза-

метными виленскими евреями? На худой конец можно отдать дом еврейской общине – но упаси господи указывать на городском туристическом плане довоенную еврейскую застройку! Вот гетто – это пожалуй-ста, тем более что его как бы уже и нет. Далее Щячюнайте-Вербицкене утверждает – или, по меньшей мере, предполагает, – что постсоветская историческая память в государствах Восточной Европы сегодня конструируется по одному-единственному принципу, который удобнее всего было бы назвать “государственническим”, по аналогии с концепцией украинского национального прошлого, предложенной М. Грушевским. Исходя из этого принципа, Литовское государство в современном варианте как бы существовало всегда, вот только Россия и Польша временами не давали ему реализоваться как таковому. С этой же точки зрения евреи изначально были чуждым элементом в системе уже вполне сложившегося Литовского государства. Разумеется, при таком подходе ни о каком взаимодействии еврейского элемента с литовским и речи быть не может. Литовский национальный нарратив как будто берет на вооружение “геттообразную” модель собственной истории. Литва всегда была литовской, а те инородцы, кто жил на ее территории, – все эти поляки, русские, евреи – только мешали ей обрести самостоятельность. Поэтому лучше считать, что в истории города их как бы и не было.

Наоборот, “интеграционная” модель представляет евреев активной социальной и культурной составляющей, которая играет значимую роль в формировании литовского исторического нарратива. В этой модели евреи – часть литовского нарратива, они постоянно обновляют свою историю, меняя ее стиль и жанр, они непрерывно взаимодействуют с другими нарративами – например, с российским и польским. Действительно, в исторической ретроспективе литовские евреи были чем угодно, но только не раз и навсегда застывшим текстом. Они постоянно пребывали в процессе становления и взаимодействия и никогда не были чем-то “геттообразным”. Новые национальные нарративы, в особенности те из них, что недавно освободились от влияния коммунистической идеологии, изо всех сил сопротивляются признанию вновь открывшейся формы прошлого – особенно “интеграционному” представлению о собственной истории. “Приемлемое” прошлое, которому посвящена дискуссия в “*Ab Imperio*”, – это прежде всего то, чем можно управлять или манипулировать. Но “приемлемое” может быть также и “управляемым” прошлым. Именно такое прошлое понадобилось для посткоммунистических национальных нарративов. Историки стран Восточной Европы были готовы включить еврейский компонент

в свой национальный нарратив исключительно как нечто такое, чем можно “управлять”, как нечто застывшее и неизменное. Они предпочли обращаться с евреями как с неким раз и навсегда данным каноническим текстом, которым легко манипулировать. Их устраивало такое прошлое, которое соответствовало бы их новым национал-культурным амбициям, но которое не было бы меняющимся. Прошлое, которое они сочли приемлемым, никак не укладывалось в “интеграционную” модель, прежде всего подразумевающую общность национальной памяти, если не национального имущества. В то время как Чехия, Венгрия и, менее охотно, Польша были готовы к возвращению еврейской общинной собственности, постсоветские республики к этому готовы не были. Именно поэтому после падения коммунизма реституция еврейской недвижимости – эта своего рода лакмусовая бумажка, свидетельствующая, насколько постсоветское государство готово к формированию полиэтнического видения собственной истории, – нигде в Европе не шла так медленно, как в Литве, Беларуси и Украине⁷.

Как следует из статьи Анны Липпхардт, “интеграционная” модель Вильно несовместима ни с эгоистическим отношением к национальной памяти, ни с чувством национального превосходства. Отсюда и ее драматическая дальнейшая судьба. “Интеграционная” модель служит напоминанием о тех евреях, которые все еще здесь, в Вильно (Вильнюсе), они все еще живы и активно заявляют о своей доле в национальной памяти. Она отражает неустойчивое настоящее и не менее изменчивое прошлое. Что касается евреев, она демонстрирует их повсеместное присутствие на карте предвоенного Вильно (Вильнюса), она выглядит вызовом – а это слишком самонадеянно, политически некорректно и опасно в посткоммунистическом и национально однородном Вильнюсе. И поэтому музейные работники предпочли спрятать “интеграционный” макет города подальше от взглядов посетителей, как будто бы его и не было. Что ж, это, можно сказать, своеобразный, но не лишенный логики способ конструирования “приемлемого” прошлого!

А вот “геттообразная” модель сыграла несомненно определяющую роль в восточноевропейских исследованиях еврейства (я не имею в виду новейшие западные публикации). Результатом применения этой модели стало появление исторических исследований, каждое из которых отводит одну треть древней, средневековой и новой еврейской истории, а две трети – Холокосту⁸. Причины популярности этой модели легко объяснить. Большинство восточноевропейских ученых не владеет еврейскими языками и не может заниматься ни историей Хаскалы (ев-

рейского Просвещения), ни хасидизма (мистического еврейского движения), ни Бунда (еврейской рабочей партии в Литве, Польше и Украине), ни тем более историей традиционных польско-литовских еврейских общин. Эти темы требуют по крайней мере знания языков идиш и иврит. Незнание этих языков значительно сужает исследовательские возможности. В то же время Холокост с его огромной источниковой базой на русском, польском или литовском языках оказывается удобным способом изучать еврейское прошлое.

И тут мы сталкиваемся с неожиданным парадоксом. Агнешка Ягодзинска, которая владеет древнееврейским, для изучения польско-еврейской культурной интеграции выбрала изучение текстов мацевот (надгробных надписей). Но почему именно надгробий? Живут же сегодня в Варшаве молодые евреи, которые могут быть прекрасным объектом изучения польско-еврейских отношений или еврейского национального самосознания⁹. Существуют же крохотные еврейские общины в таких польских городах, как Краков. В конце концов, неужели вся рецепция многовекового еврейского присутствия евреев на территории Речи Посполитой – это история надгробных плит? Однако польская исследовательница предпочла всем остальным темам, связанным с культурной памятью, историю мертвых евреев с варшавского кладбища.

А вот другой пример. Щяучинайте-Вербицкене живет в городе, где существует говорящая на литовском языке небольшая еврейская община, где находится Еврейский Государственный музей им. Виленского Гаона с сотрудниками, говорящими по-литовски, где в Национальной библиотеке проводится программа каталогизации публикаций по иудаике, где молодые ученые читают курсы по еврейской истории на литовском языке в Вильнюсском национальном университете, не говоря уже о довольно качественных экскурсиях, проводимых местными краеведами по еврейским местам Вильнюса. В современном Вильнюсе “приемлемое прошлое” конструируется не только литовскими учеными, но и местной еврейской интеллигенцией, более того – взаимодействием между местными еврейскими исследователями и их литовскими коллегами. Даже если предположить, что никакого взаимодействия не происходит (что не так) – следовало бы обратить внимание на странное совпадение и задаться вопросом, почему “живые” евреи исключены из научного диалога, а семисотлетнее присутствие евреев в Литве сводится (в интерпретации “приемлемого прошлого” у Щяучинайте-Вербицкене) к трехлетней истории их уничтожения. Тем не менее, по непонятной причине исследовательница из Литвы исключила современных евреев

из своей версии литовского национального нарратива, сведя проблему “приемлемого прошлого” исключительно к тому, каким образом послевоенные литовские историки воспринимают Холокост.

Эти два примера – не исключения, а правило. Местные историки в Польше, Белоруссии, в Литве и, до некоторой степени, в Украине ставят Холокост в центр еврейской истории. Профессор Генри Абрамсон из университета Флорида Атлантик, работая над современной библиографией украинского еврейства в Гарвардской библиотеке, обратил внимание, что подавляющее большинство выявленных им новейших публикаций по истории евреев Украины касаются прежде всего истории Холокоста – и это при том, что евреи живут на Украине тысячу лет! Следует обратить внимание и на то, что Абрамсон, насколько мне известно, работал с источниками и литературой по меньшей мере на семи-восьми языках.

Проблема новых исторических нарративов, возникающих в Восточной Европе после распада СССР, заключается не столько в языковом барьере, сколько в нежелании в поисках приемлемого прошлого рассматривать неудобные вопросы. Что литовским и польским ученым делать с новейшими еврейско-литовскими письменными источниками, которые явно требуют ответа на вопрос об отношении литовцев к евреям после 1945 г.? Как литовцам следует обращаться с русскоговорящими ветеранами еврейского происхождения, которые некогда воевали против бойцов литовского Сопротивления? Что рядовые литовцы думают о тех девяти вильнюсских пожилых евреях, которые в своих письмах в “Джойнт” заявляют, что у них все еще есть миньян (минимальный молельный кворум – десять взрослых мужчин, необходимый для совместной молитвы) и поэтому они нуждаются в зарубежной помощи, не говоря уж о новом здании синагоги, ныне отданной местному театру? Как включать в свой нарратив тех молодых литовских евреев, которые пытаются построить свое самосознание на включении в него, скажем, польских, литовских и еврейских составляющих? И что они думают о все множущихся западных публикациях по разнообразным аспектам города, называвшегося Иерушалаим-де-Лита, Литовский Иерусалим, города с многоязычной русско-польско-литовско-идишской общиной – о Вильно-Вильне-Вильнюсе?

Если я правильно понимаю авторов вышеназванных статей, их ответ прост: книги по еврейской проблематике заслуживают упоминания разве что в сноске, тогда как сами евреи вовсе упоминания не заслуживают. Вероятно, именно поэтому современные восточноевропейские

историки, если им все-таки приходится обращаться к теме “еврейского присутствия” в их исторической памяти, предпочитают Холокост, еврейское кладбище или еврейское гетто – ведь мертвыми евреями можно легко манипулировать, поскольку мертвые евреи – не более чем сноска к национальному нарративу и в качестве краткого “примечания” их можно легко внести в новый текст национальной истории. Мертвые сраму не имут. А “геттообразный” нарратив очень удобен: он позволяет вскользь выразить сочувствие жертвам, продемонстрировать толерантность и одновременно избежать нежелательного включения “живых” евреев в метатекст национальной памяти. Такое “примечание” как бы утверждает: да, евреи жили в Вильно (Вильнюсе). Потом пришли нацисты, заперли их в гетто, издевались над ними и уничтожили их. Все. Евреев больше нет. Литовцам остается разве что оплакивать эту невосполнимую утрату или же рассказывать об этой трагедии, включая ее в свой вариант приемлемого прошлого. Такой нарратив – жутковатый, но хорошо продуманный рассказ со своим началом, кульминацией и концом. Он и выглядит правдоподобно, и, похоже, производит благоприятное впечатление в научной среде, поскольку создает видимость интеграции еврейского исторического нарратива в литовский национальный. К тому же он этически безупречен, научно прозрачен и удобен в обращении. Более того – он не опасен. Главное – рассказать историю. Как только она рассказана – все эти неудобные евреи исчезают. История закончена. Евреи мертвы. Хорошие евреи – мертвые евреи.

Такую еврейскую историю очень легко включить в общий национальный нарратив. В таком виде она не бросает вызов национальной (литовской, польской или украинской) памяти. Конечно, и в таком случае остаются вопросы – например, об участии местного населения в массовом уничтожении евреев во время Второй мировой. Но даже эти взрывоопасные вопросы несравнимы с теми проблемами, с которыми сталкивается исследователь, занимающийся современной восточноевропейской еврейской общиной или проблемой, скажем, еврейско-польских контактов и взаимовлияний. Куда лучше исследовать проблемы коллаборационизма, чем проблемы постсоветского восточноевропейского еврейства или еврейского вклада в местную культуру, экономику или политику. Загоним евреев в историографическое гетто – ведь мертвый еврей лучше живого. И с мертвым легче сладить. Он не мешает. Вообразим себе такую картину: рассказывая историю Холокоста, квалифицированный лектор в каком-нибудь университете часами описывает историю виленского гетто, рассказывает о культурной деятельности ев-

реев в гетто, анализирует формы их сопротивления, цитирует в переводе стихи Аврома Суцкевера, написанные в гетто, показывает снимки, на которых запечатлена депортация из Малого гетто в Понары, знакомит с интернет-ресурсами, посвященными ликвидации гетто. Затем студенты выходят на улицу и едят мороженое. Все остаются довольны: лектор, разъяснивший суть предмета, студенты, выслушавшие еще одну мрачную, хотя и не слишком долгую историю, авторы государственных учебников, которым удалось рассказать эту историю без ущерба для утвержденной государством концепции...

Таким выполнением своей задачи можно гордиться: ведь создана всеохватывающая версия национальной памяти, свободная от ненужных угрызений совести! Не в этом ли причина чрезвычайной популярности в Польше польско-еврейского писателя и художника Бруно Шульца (1892–1942), убитого в своем родном Дрогобыче в годы Холокоста – в то время как практически забыт гений романтической эпохи, один из самых знаменитых польско-еврейских художников Морис Готлиб (1856–1879), чьи произведения, отражающие еврейско-христианский диалог, вызывающе актуальны? Не в этом ли причина чудовищной популярности курсов по истории Холокоста у студентов американских вузов? А почему бы не изучать историю евреев, которые ушли навсегда и не будут угрожать нашей самоидентификации ни сегодня, ни завтра?!

Впрочем, за что критиковать ученых из Литвы, Украины, Польши или России? Они, несомненно, толковые и глубоко порядочные люди: борются с антиеврейскими предрассудками; учатся не обращать внимание на презрительные взгляды своих предубежденных коллег; овладевают сложнейшими иудейскими теологическими концепциями; штудируют еврейскую историю Нового времени. Кто бросит в них камень? Разве они не пытаются вывести за пределы геттообразного мышления собственные национальные нарративы?

Но вернемся к трем статьям молодых исследователей из Германии, Польши и Литвы. Эссе Щячюнайте-Вербицкене, например, – любопытное обозрение способов создания “приемлемого” прошлого в современной литовской культуре. Но, полагаю, читатели бы оценили, если бы Щячюнайте-Вербицкене поделилась с ними своим собственным видением истории евреев Вильно в противовес “геттообразному”, которое она обнаружила в работах литовских ученых. И поскольку размышления над исторической памятью – это одновременно и конструирование памяти, картина освоения еврейского исторического прошлого в литовской историографии, предложенная Щячюнайте-Вербицкене,

была бы более полной, если бы читателей познакомили с теми евреями Вильно (Вильнюса), чья деятельность стала весомым вкладом в создание новейшего литовского и еврейского нарратива. Я имею в виду, например, Иммануэлиса Зингериса, который поддерживал Саудис, был представителем Литвы в Европейской комиссии и стал директором Государственного музея им. Виленского Гаона; историка Ларису Лемпертас, написавшую диссертацию о созданных литваками классических комментариях к Пятикнижию (“Ха-эмек давар” Нафтали Берлина, 1817–1793), или энтузиаста-краеведа Генриха Аграновского, который написал книгу о еврейских зданиях Вильнюса. И еще раз – о “живом” социокультурном контексте. То же самое скажу и о Варшаве. На рубеже XIX–XX столетий варшавские евреи–булочники, мясники, нищие, бандиты, пьяницы и проститутки – герои и антигерои эссе Агнешки Ягодзинской – были хотя и неустойчивым, но глубоко интегрированным в городские социальные структуры элементом. Сомневаюсь, что претенциозные эпитафии на немецком и польском, помещенные на их надгробиях, их опечаленные родственники вычитывали из книг писателей эпохи Хаскалы. Я уверен, что они их почерпнули совсем из других источников, причем тех, которые были им доступны без всякого посредничества маскилим¹⁰. И если мы, следуя за Агнешкой Ягодзинской, зададимся вопросом: “Так откуда же?” – то станет ясно, что читать и исследовать нужно не только надгробные надписи в контексте еврейской литературы маскилим, но и, например, траурные объявления и некрологи польских газет тех времен, которые зачастую отражают городскую уличную жизнь рядового варшавского еврея-обывателя более достоверно, чем высокобоявая *carmina sepulchra* (надгробная песнь) маскилим, написанная на романтически приподнятом древнееврейском. Быть может, и Анне Липпхардт следовало бы не только переосмыслить концепцию еврейского гетто, но и пересмотреть современные геттообразные подходы к исследованию исторического прошлого восточноевропейских евреев.

Размышляя над тремя статьями, опубликованными в “*Ab Imperio*”, читатель должен не упускать из виду, что исследования в области еврейской истории – относительно новый феномен в посткоммунистической науке Восточной Европы. Хотя молодые ученые пока не могут угнаться за своими западными коллегами, но они, бесспорно, достигли заметных результатов в изучении еврейской истории. На постсоветском пространстве возникли целые исследовательские школы и направления, связанные с иудаикой. Краеведы по всему бывшему СССР зани-

маются историей еврейских общин Даугавпилса, Гродно, Хабаровска, Ленинграда, Львова, Москвы, Нижнего Новгорода, Оренбурга, Тбилиси, Запорожья и многих других городов¹¹. В Санкт-Петербурге, где традиция российских еврейских штудий восходит к временам основателя русскоязычной иудаики Авраама Гаркави (1835–1919), интенсивно развивается исследовательская деятельность в области этнографии и фольклора, культуры и искусства живших в XIX столетии в черте оседлости евреев Российской империи¹². В Москве в рамках университетских программ по иудаике студенты изучают библеистику, идиш, еврейскую мистику и филологию семитских языков. Институт иудаики в Киеве выпустил ряд важных публикаций по истории раннесоветского еврейского театра и кинематографа, а также издал полтора десятка номеров альманаха “Егупец” – возможно, самого лучшего в СНГ журнала по истории, литературе и искусству восточноевропейского, преимущественно русскоязычного еврейства¹³. Некоторые ученые из СНГ, такие как выдающийся знаток средневековой еврейской литературы и палеографии Семен Якерсон из Санкт-Петербурга, достигли международного признания¹⁴. Восточноевропейские ученые, а также различные центры по изучению еврейской истории, появившиеся в системе высшего образования СНГ, предлагают видение еврейского прошлого, отвергающее геттообразные исторические нарративы. Дискуссия в “*Ab Imperio*” была бы более плодотворной, а читатель представил бы более точную картину взаимодействия современных национальных нарративов с еврейским историческим прошлым, если бы редакция журнала привлекла к обсуждению кого-нибудь из этих исследователей. В любом случае, не следует забывать, что работы Анны Липпхардт, Юргиты Шяучюнайте-Вербицкене и Агнешки Ягодзинской представляют лишь один из многих существующих в современной историографии подходов, который вряд ли можно считать доминирующим в восточноевропейском изучении еврейской истории.

В конце концов, “геттообразная” история не обязательно является прерогативой одних восточноевропейских ученых, пытающихся выйти за пределы своих узконациональных нарративов. Вспомним, о чем пишет Анна Липпхардт: когда сотрудники музея “Яд Вашем” решили увековечить еврейскую общину Вильнюса, они выбрали не “интеграционную”, “поликультурную”, а именно “геттообразную” модель города. Парадоксально, что выбранная ими модель исторической памяти зачеркнула наиболее важное свойство виленского еврейства – его роль в городской культуре. Вместо того чтобы продемонстрировать глубоко-

кую интеграцию евреев в городское пространство, еврейские историки изолировали своих собратьев, заперев их в воображаемом гетто. Такое впечатление, что и шестьдесят лет после Холокоста мы все еще воспринимаем восточноевропейских евреев исключительно как евреев гетто. Доколе это будет продолжаться? К чести восточноевропейских исследователей необходимо заметить, что их недавние публикации демонстрируют серьезные изменения в подходах к еврейской истории: польские исследователи обратились к изучению франкизма, хасидизма, и особенно к богатому наследию польско-еврейской литературы¹⁵; специалисты в Украине издали ряд фундаментальных исследований, вписывающих евреев в полиэтничный украинский (или, скорее, старопольский) исторический нарратив¹⁶; в Литве вышел внушительный том, интерпретирующий деятельность Виленского Гаона с различных этнических, культурных и интеллектуальных точек зрения¹⁷. Все это – недвусмысленные попытки опровергнуть “геттообразный” подход или, выражаясь метафорически, серьезные намерения интегрировать еврейское “гетто” в городскую территорию Вильно (Вильнюса). Действительно, следует ли прятать “интеграционный” макет еврейского Вильно в запасниках музея только потому, что ее заказал некий нацистский гебитскомиссар? Разумеется, нет. Наоборот, вопреки распространенному подходу, еврейская Вильно (Вильнюс) должна быть представлена поликультурным городским пространством с интенсивными межэтническими связями и взаимодействиями. Реконструируя историю виленского еврейства, мы должны помнить, что далеко не все еврейские купцы, старосты общин, канторы, рабочие, социалисты-революционеры, врачи, лавочники, винокуры, музыканты, раскольники, белошвейки и раввины, жившие в этом городе на протяжении последних пятисот лет, погибли в 1943 году в виленском гетто.

¹ Anna Lipphardt. Post-Holocaust Reconstruction of Vilno, “The Most Yiddish City in the World”, in New York, Israel, and Vilnius // *Ab Imperio*. – 2004. – №4. – P. 167–192.

² Agnieszka Jagodzinska. Between Two Worlds: Jewish cemetery in Warsaw as a Text of Culture (1850–1900) // *Ab Imperio*. – 2004. – №4. – P. 133–154.

³ Jurgita Šiaučiūnaitė-Verbickienė. Our Common Culture: “The Learnt Memory” of Lithuanian Jerusalem // *Ab Imperio*. – 2004. – №4. – P. 155–166.

⁴ Литература об истории еврейской общины Вильно огромна. О наследии евреев Вильно см.: Vidmantė Jasukaitytė. Subačiaus gatvė. Getas. Eilėraščiai. – Vilnius, 2003; Henri Minczeles. Vilna, Wilno, Vilnius. La Jérusalem de Lithuanie.

– Paris, 2000; Israel Cohen. Vilna. – Philadelphia, 1992; Israel Klausner. Toldot ha-kehilah ha-ivrit be-Vilna. 2 vols. – Vilna, 1938; см. также богато иллюстрированную работу Leyzer Ran. Yerusholaim de-Lita. 3 vols. – New York, 1974; о еврейских писателях Вильнюса см.: Musia Landau. Mit shraybers, bikher un mit... Vilne. – Tel-Aviv, 2003; также Susanne Marten-Finnis. Sprachinseln. Jiddische Publizistik in London, Wilna und Berlin, 1880–1930. – Köln, 1999; об Элиягу ха-Гаоне см.: Фундаментальную монографию Immanuel Etkes. The Gaon of Vilna. The Man and His Image. – Berkeley, 2002, а также каталог мемориальной выставки Aderet Eliyahu. Ha-Gaon mi-Vilna. – Tel-Aviv, 1998; о деятельности института YIVO в Вильнюсе см.: Itzik Gottesman. Defining Yiddish Nation. The Jewish Folklorists of Poland. – Detroit, 2003 и Esfir Bramson. YIVO in Wilna. Zur Geschichte des Jüdischen Wissenschaftlichen Instituts. – Leipzig, 1997; обсуждение национально-го самосознания евреев Вильно в Новое время см.: Yulian Rafes. Doctor Tsemakh Shabad. A Great Citizen of the Jewish Diaspora. – Baltimor, 1999; об одной из судеб жителей предвоенного Вильно см.: Hirsz Abramowicz. Profiles of a Lost World. – Detroit, 1999; о еврейском самосознании бывших жителей Вильно см.: Esther Rudomin Hautzig. Remember Who You Are. Stories About Being Jewish. – Philadelphia, 1999; о еврейских памятниках современного Вильнюса см.: Генрих Аграновский. Литовский Иерусалим. Краткий путеводитель по памятным местам. – Вильнюс, 1992; о еврейском городском фольклоре Вильны см.: Joseph Prouser. Noble Soul. The Life and Legend of the Vilna ger Tsedek Count Walentin Potocki. – Piscataway, 2005; Abraham Karpinowitz. Di geshikhte fun Vilner ger tsedek Graf Valentin Pototski. – Tel-Aviv, 1990. Изданы также материалы междисциплинарных конференций, напр.: Mokslinės konferencijos “Lietuvos žydu švietimas ir kultūra iki katastrofos’ medžiaga”. – Vilnius, 1991. Из диссертаций по культуре евреев Вильно см., напр.: Joshua Levisohn. The Early Vilna Haskalah and the Search for a Modern Jewish Identity / Ph.D. diss.; Harvard University, 1999.

⁵ О различных аспектах истории и культуры Виленского гетто см., напр.: Rachilė Kostanian. Spiritual Resistance in the Vilna Ghetto. Vilnius, 2002; Abba Kovner. Igeret la-shomrim ha-partisanim. – Tel-Aviv, 2002; Herman Kruk. The Last Days of the Jerusalem of Lithuania. Chronicles From the Vilna Ghetto and the Camps, 1939–1944. – New Haven, 2002; Maša Rolnikaitė. Ikh muz dertseyln/Ich muss erzählen. – Berlin, 2002, издана также на русском: Маша Рольникайте. И все это правда. – СПб., 2002; Григориус Шурас. Евреи в Вильно. Хроника 1941 – 1944 гг. – СПб., 2000; Dina Abramowicz. Guardians of a Tragic Heritage. Reminiscences and Observations of an Eyewitness. – New York, 1999; Vilna Ghetto Posters. Jewish Spiritual Resistance. – Vilnius, 1999; Noah Shneidman. Jerusalem of Lithuania. The Rise and Fall of Jewish Vilnius. A Personal Perspective. – Oakville, 1998; Yulian Rafes. The Way We Were Before our Destruction. Lives of Jewish

Students From Vilna Who Perished During the Holocaust. – Baltimore, 1997; David Fishman. Embers Plucked From the Fire. The Rescue of Jewish Cultural Treasures in Vilna. – New York, 1996; Irina Guzenberg. Vilniaus getas. Kalinių sąrašai. Vilnius, 1996; Жанна Ран-Чарный. Невероятная правда. – Вильнюс, 1993; Florian Freund, Franz Ruttner (Hg.). Ess firt kejn weg zurik. Geschichte und Lieder des Ghettos von Wilna 1941–1943. – Wien, 1992; Solomonas Atamukas. Yidn in Lite. – Vilne, 1990; Szmركة Kaczerginski. Diario de un guerillero. – Buenos Aires, 1989; Joseph Rudavsky. To Live With Hope, to Die With Dignity. – Lanham, 1987; Chaim Lazar Litai. Destruction and Resistance. – New York, 1985.

⁶ В то время как среди традиционных публикаций по истории литовского еврейства “геттообразный” нарратив с Холокостом, помещенным в центр повествования, играет доминирующую роль, новейшие западные публикации, опирающиеся на “интеграционную” модель, представляют Вильно (Вильнюс) как поликультурный организм. В дополнение к исследованиям по истории Вильно, приведенным в сноске 1, существует целый ряд исследований, рассматривающих еврейство Вильно в широком контексте европейской истории. О реакции евреев Вильно на антиеврейские преследования в период украинского национально-освободительного движения сер. XVII в. см.: Joel Raba. Between Remembrance and Denial. The Fate of the Jews in the Wars of the Polish Commonwealth During the Mid-Seventeenth Century as Shown in Contemporary Writings and Historical Research. – New York, 1995; о еврейских цехах сер. XVII в. в Вильно см.: Mark Wischnitzer. A History of Jewish Crafts and Guilds. – New York, 1965; о карале в Вильно см.: Shmuel Arthur Cygelman. Jewish Autonomy in Poland and Lithuania until 1648. – Jerusalem, 1997; также Eli Lederhendler. The Road to Modern Jewish Politics. – New York, 1989; о Виленском Гаоне и ранних этапах движения “маскилим” в России см.: David Fishman. Russia’s First Modern Jews. The Jews of Shklov. – New York, 1995; о влиянии виленского еврейства на развитие движения ешиботников в XIX в. см.: Shaul Stampfer. Ha-yeshivah ha-litait. – Jerusalem, 1995; о виленском периоде жизни Исаэля Салантера см.: Emmanuel Etkes. Rabbi Israel Salanter and the Mussar Movement. Seeking the Torah of Truth. – Philadelphia, 1993; о виленском периоде жизни одного из выдающихся российских маскилов Йехуды Лейба Гордона см. первые главы работы: Michael Stanislawski. For Whom Do I Toil? Judah Leib Gordon and the Crisis of Russian Jewry. – New York, 1988; о Вильно как центре еврейской культурной деятельности см.: John Klier. Imperial Russia’s Jewish Question, 1855–1881. – New York, 1995; о раввинистическом институте в Вильно как о средоточии еврейских либерально-демократических идей см.: Eric Haberer. Jews and Revolution in Nineteenth-Century Russia. – Cambridge, 1995; о виленском еврействе в межвоенный период см.: Szyja Bronstein. Polish-Jewish Relations as Reflected in Memoirs of the Inter-War Period

// POLIN. – 1994. – No. 8. – P. 66–88; о евреях Вильно в период советизации см.: Dov Levin. *The Jews of Vilna under Soviet Rule, 19 September – 28 October 1939* // POLIN. – 1996. – No. 9. – P. 107–137; о Вильно как месте деятельности еврейских социалистических групп см.: Alina Cala. *Jewish Socialists in the Kingdom of Poland* // POLIN. – 1996. – No. 9. – P. 3–13; Moshe Mishkinsky. *Reshit tenuat ha-poalim be-rusia*. – Tel-Aviv, 1981; Henry Tobias. *The Jewish Bund in Russia From its Origins to 1905*. – Stanford, 1972; Ezra Mendelsohn. *Class Struggle in The Pale. the Formative Years of the Workers' Movement in Tsarist Russia*. – Cambridge, 1970.

⁷ Из бесед с Израэлем Зингером в Нью-Йорке и Нафтали Лави в Иерусалиме (оба – Всемирный Еврейский Конгресс), 1995–1999.

⁸ См., напр., работы по истории евреев в различных регионах Украины и Белоруссии, написанные историками-краеоведами; Холокосту в этих работах уделяется непропорционально большое внимание: Эммануил Иоффе. *Страницы истории евреев Белоруссии*. – Минск, 1996; Яків Рабинович. *На зламі віків. До 1000-річчя проживання євреїв в Україні*. – Київ, 1998.

⁹ См.: Claire Rosenson. *Jewish Identity Construction in Contemporary Poland. Dialogue Between Generations* // *East European Jewish Affairs*. – 1996. – Vol. 26. – No. 2. – P. 67–78; *Polish Jewish Institutions in Transition. Personalities Over Process* // Zvi Gitelman et al (Eds.). *New Jewish Identities*. – Budapest, 2003. – P. 263–289.

¹⁰ В конце своего эссе Агнешка Ягодзинска отмечает, что еврейская Новейшая история с ее интенсивной аккультурацией немислима без Хаскалы (еврейского Просвещения), хотя приведенные у нее примеры свидетельствуют скорее о том, что интеграция евреев в польскую культуру и социум развивалась совершенно независимо от Хаскалы. На самом деле понимание еврейской аккультурации у Агнешки Ягодзинской ближе к британской и ранне-французской моделям, нежели к немецкой. Модель еврейской аккультурации, альтернативная Хаскале и противоречащая “немецкоцентричной” модели, разработанной Яковом Кацем, предложена в кн.: Todd M. Endelman. *The Jews of Georgian England 1714–1830*. – Ann Arbor, 1999. – P. x-xix; Benjamin Nathans. *Beyond the Pale. The Jewish Encounter With Late Imperial Russia*. – Berkeley, 2002. – P. 338; к сходным с Эндельманом выводам приходит на французском материале Джой Берковиц. См. его кн.: Joe Berkovitz. *Rites and Passages. The Beginning of Modern Jewish Culture in France, 1650–1860*. – Philadelphia, 2004. – P. 38–39.

¹¹ См.: Борис Пудалов. *Евреи в Нижнем Новгороде*. – Нижний Новгород, 1998; Семен Орлянский. *Из истории евреев Украины*. – Запорожье, 2002; *Евреи в Москве* / Ред. Ю. Снопов. – Москва, 2003; *Евреи в Гродно. Очерки истории и культуры* / Ред. М. Кемеров, С. Пивоварчик. – Гродно, 2000; В.В. Амелин. *Евреи в Оренбургском крае*. – Оренбург, 1998; И. Кофман. *Некоторые проблемы евреев Сибири в XIX–XX веках*. – Красноярск, 2004; В. Романова. *Евреи на Дальнем*

Востоке. – Хабаровск, 2000; Доля єврейських громад Центральної та Східної Європи в першій половині ХХ століття / Ред. Л. Финберг та ін. – Київ, 2004; Михаил Бейзер. Евреи Ленинграда, 1917–1939. – Москва, 1999; Колись Чернівці були гебрейським містом. – Чернівці, 1998; Борис Волкович. Еврейские организации в Даугавпилсе, 1920–1940. – Даугавпилс, 1998; Eldar Mamistvashvili. Khartvel ebraelta istoria. – Tbilisi, 1995; Владимир Меламед. Евреи во Львове. XVII – первая половина ХХ века. События, общество, люди. – Львов, 1994.

¹² См.: Еврейские народные сказки. Предания, былички, рассказы, анекдоты, собранные Е.С. Райзе / Ред. В. Дымшиц. – СПб., 1999; 100 еврейских местечек Украины. / Ред. В. Хаймович, В. Лукин. – Иерусалим, 1997; Лукин В. и др. История евреев на Украине и в Белоруссии. – СПб., 1994.

¹³ См.: Юрий Морозов, Татьяна Деревянко. Еврейские кинематографисты в Украине. 1910–1945. – Киев, 2004; Моисей Лоев. Украденная муза. – Киев, 2003; Єгупець. Літературно-художній альманах. – Київ, 1995–2005. Анализ работ по украинской иудаике см. в: Yohanan Petrovsky-Shtern. In Search of a Lost People. Jews in Present-day Ukrainian Historiography // East European Jewish Affairs. – 2003. – Vol. 1. – No. 33. – P. 67–82; Idem. The Revival of the Academic Studies of Judaica in independent Ukraine // Zvi Gitelman (Ed.). Jewish Life after the USSR. – Bloomington, 2003. – P. 152–172.

¹⁴ См.: Семен Якерсон. Избранные жемчужины: уникальные памятники еврейской культуры в Санкт-Петербурге. – СПб., 2003; его же: Еврейская средневековая книга. – Москва, 2003; его же: Reshimat sefarim bilti-ieduim mittekufat gerush sefarad // Manuscripta Orientalia. – 1998. – Vol. 1. – No. 4. – P. 17–25; Idem. Hebrew incunabula in the Asiatic Museum of St. Petersburg // Slavic and East European Information Resources. – 2003. – Vol. 4. – No. 2–3. – P. 37–57.

¹⁵ См.: Konrad Zieliński (Ed.). Ortodoksja, Emancypacja, Asymilacja. Studia z dziejów ludności żydowskiej na ziemiach polskich w okresie rozbiorów. – Lublin, 2003; Jan Doktor. Śladami Mesjasza-Apostaty. Żydowskie ruchy mesjańskie w XVII i XVIII wieku a problem konwersji. – Wrocław, 1998; Marcin Wodziński. Oświecenie żydowskie w Królestwie Polskim wobec chasydyzmu. – Warszawa, 2003 and Idem. Groby cadyków w Polsce. – Wrocław, 1998; Eugenia Prokop-Janiec. Polish-Jewish Literature in the Interwar Years. – Syracuse, 2003; Ryszard Löw. Znaki obecności. O polsko-hebrajskich i polsko-żydowskich związkach literackich. – Kraków, 1995; Monika Adamczyk-Grabowska. Polska Isaaca bashevisa Singera. Rozstanie i powrót. – Lublin, 1994.

¹⁶ См., в частности: Мирон Капраль. Національні громади Львова XVI–XVIII ст. Соціально-правові взаємини. – Львів, 2003; Ярослав Грицак. Нарис історії України. – Київ, 1996; його ж: Страсті за націоналізмом. Історичні есеї. – Київ, 2004; Вадим Скуратовский. Проблема авторства “Протоколов сионских

мудрецов”. – Киев, 2001. О еврейских ученых, внесших неоценимый вклад в изучение украинской культуры, см., напр.: Иеремія Айзеншток. Автобіографія. Вибрані листи / Ред. Степан Захаркін. – Київ, 2003. Западная украинская историография нередко обращается к исследованиям тех областей истории и культуры, в которых еврейские сюжеты оказываются органичной частью украинского исторического нарратива. См., напр., разделы, посвященные еврейским сюжетам, в кн.: Зенон Когут. Коріння ідентичності. – Київ, 2004. – С. 244–271; Георгій Грабовіч. До історії української літератури. Дослідження, есеї, полеміка. – Київ, 2003. – С. 218–236.

¹⁷ Izraelis Lempertas. The Gaon of Vilnius and the Annals of Jewish Culture. Materials of the International Scientific Conference. – Vilnius, 1998.

Моральные принципы в повседневной действительности: митрополит Андрей Шептицкий и евреи в период Холокоста и Второй мировой войны*

В данном исследовании предпринимается попытка исследовать взгляды и действия главы Украинской Греко-католической церкви в Галиции митрополита Андрея Шептицкого по отношению к евреям в период Холокоста. Фигура Шептицкого рассматривается не только в контексте неоднозначных и напряженных украинско-еврейских взаимоотношений, но также сквозь призму украинско-польских, советско-украинских и украинско-германских взаимоотношений. Взгляды Шептицкого на евреев формировались под влиянием различных, порой противоречивых обстоятельств. Однако по сравнению с позицией большинства нееврейского населения оккупированной нацистами Европы, Ватикана и других церквей, заявления Шептицкого и его действия по отношению к евреям помещают его в один ряд с теми, кто был «сторожем брату своему».

Для восстановления исторической правды и справедливости фигуру Шептицкого следует рассматривать в нескольких контекстах. Это история украинцев и их отношений с русскими и советской властью; история поляков; история взаимоотношений с немцами и нацистами; в особенности это история украинско-еврейских взаимоотношений. Необходимо также рассмотреть отношение Шептицкого к украинскому национализму и его религиозные взгляды на иудаизм. Шептицкий, несомненно, на протяжении всей своей жизни был противоречивой фигурой; так же неоднозначно трактовалось его наследие после его смерти. Одни считают его святым и спасителем, тогда как другие обвиняют его в сотрудничестве с нацизмом. В нашем исследовании предпринимается попытка восстановить всесторонний облик этой исторической фигуры с учетом разноречивых интересов, которыми он руководствовался, и трагических обстоятельств, в которых ему пришлось жить.

Украинцы и евреи в течение столетий жили в Восточной Европе бок о бок и зачастую служили сторонами своеобразного треугольника, в

* Перевод с английского М.И. Тяглого.

котором роль несущего власть основания играли русские или поляки. Только правильное понимание распределения отношений в этом треугольнике поможет нам понять исторический фон их сосуществования. На протяжении столетий евреи играли роль экономических посредников между польской знатью и украинским крестьянством. Это, конечно, не могло не вызвать враждебности у украинцев по отношению к евреям. Порой украинцам казалось, что евреи держат под контролем даже их церкви, хотя в действительности это было не так. Образ еврея в украинской фольклорной традиции сформировался таковым, что еврей в нем предстал как фигура, контролирующая и материальный, и духовный мир. Некоторое время спустя антисемитизм стал неотъемлемой частью нарождавшегося украинского национализма.

Погромы Хмельницкого в XVII столетии, ставшие прототипом и символом еврейских бедствий, а также зверства гайдамаков в XVIII столетии оказали травматическое воздействие на коллективную память восточноевропейского еврейства. Хмельницкий и его казаки, которые для евреев представляют собой верх жестокости, для украинцев были и поныне являются символом национального героизма. Это диаметрально противоположное восприятие исторических фигур и событий весьма затрудняло взаимопонимание. Погромы 1880-х гг. и начала XX в., проведенные украинцами, как и антиеврейские взрывы времен Гражданской войны, способствовали дальнейшему формированию образа украинцев как убийц и погромщиков. Попытки наладить украинско-еврейские взаимоотношения и сотрудничество в период существования независимого Украинского государства после Первой мировой оказались краткими и безуспешными.

Между двумя мировыми войнами Восточная Европа продолжала оставаться ареной украинско-еврейских взаимоотношений, хотя значительное количество и евреев, и украинцев эмигрировали в Новый свет. Те же, кто остался в Европе, снова оказались в близком соседстве как в независимой Польше, так и в советской России. Казалось, для обеих сторон настало время улучшить отношения. Однако в ходе нескольких попыток парламентского сотрудничества в Польше в 1920-х гг. украинцы стали рассматривать еврейских соседей как естественных союзников находившихся у власти поляков. Обострение национальных проблем в Польше в 1930-х гг. и особенно подавление поляками прав украинского национального меньшинства привело к отрицательным последствиям. Это открыло путь распространению в украинских националистических

кругах фашистских и нацистских идей. Традиционный украинский антисемитизм начал впитывать в себя нацистские расовые теории.

В СССР в 1920-х гг. коммунистический строй предпринимал попытки искоренить антисемитизм, и в Советской Украине у евреев и украинцев возникли некоторые общие национальные интересы. Однако с упрочением сталинского режима в 1930-х гг. дремлющий антагонизм вспыхнул вновь. Растущая роль полицейского аппарата в стране, сталинский террор и, главное, ужасы коллективизации в украинском массовом сознании оказались связанными с образом “жидобольшевизма”. Этот образ стал еще более зримым в течение короткого, но немаловажного периода 1939–41 гг., когда к Советскому Союзу была присоединена Западная Украина. Евреи стали восприниматься местным украинским населением как проводники ненавистного большевистского режима. Все это происходило накануне нацистской оккупации Западной Украины, плотно населенной как украинцами, так и евреями. Такой была обстановка накануне Холокоста. Таким был контекст взаимоотношений Шептицкого с евреями.

Чтобы осветить подробности нашей темы, нам необходимо совершить экскурс в его отношение к евреям и взаимоотношения с ними накануне Второй мировой войны.

Знания о евреях и иудаизме были неотъемлемой частью интеллектуального и практического багажа Шептицкого еще со времен его юности. Известно, что когда будущему митрополиту исполнилось двадцать, он начал изучать иврит, продолжал эти занятия и позже. Вероятно, в это время у него возник интерес к еврейской культуре. Вскоре он уже мог говорить и писать на библейском иврите. В августе 1905 г. Шептицкий посетил Святую землю с группой паломников из Моравии, а в сентябре 1906 г. он снова побывал там с паломниками из Украины численностью около 500 человек и посетил христианские святыни. Вероятно, Шептицкий вынашивал планы основания там центра для паломников Греко-католической церкви.

Общественная и благотворительная деятельность являлась для Шептицкого главным занятием, на которое он тратил время и средства. В начале 1920-х гг. он предпринял поездку по Европе и Северной Америке для сбора средств в пользу жертв Первой мировой войны в Галиции, в первую очередь для детей-сирот. Его благотворительные начинания стали прообразом форм помощи евреям в годы Второй мировой. Еще в первые десятилетия XX века некоторые виды проводимой Шептицким благотворительной деятельности распространялись и на евреев. Так, он

регулярно вносил пожертвования в сбор средств для беднейших евреев накануне Песаха в Восточной Галиции¹. Более того, его главное общественное начинание – учрежденная в 1903 г. во Львове “Народна лічниця”, преобразованная в 1938 г. в полноценную больницу, – было в действительности независимым от религиозных предпочтений заведением, где евреи лечились точно так же, как и украинцы, и поляки².

Наиболее показательным в отношениях Шептицкого с евреями было то, что в ходе его регулярных канонических посещений он устраивал встречи с главами еврейских общин. В отчете об одном из таких визитов значится, что “его приветствовали церковные процессии, духовенство... и раввины с Торой. Он поблагодарил раввинов и еврейскую делегацию на иврите, их языке”³. Связи митрополита с еврейскими религиозными и общинными лидерами в Галиции, очевидно, приветствовались в еврейских кругах. Так, в июле 1935 г. еврейская газета “Хвиля” опубликовала поздравление львовской еврейской общины по случаю семидесятилетия Шептицкого. В тексте говорилось о высоких моральных и нравственных качествах митрополита, а также о дружеских чувствах, которые испытывало к Шептицкому местное еврейское население⁴. По этому же поводу Шептицкого лично поздравил главный раввин Львова доктор Езекииль Левин.

В основе отношения Шептицкого к евреям лежали, несомненно, искренние гуманистические побуждения и живое участие. Однако имели значение и иные факторы. Пастырское послание под названием “Мои выступления на иврите”, распространенное Шептицким среди греко-католического духовенства в начале 1900-х гг., может пролить свет на некоторые религиозные и теологические аспекты его позиции⁵. Шептицкого тогда критиковали за его “особые” взаимоотношения с еврейством. В пастырском послании он сообщал духовенству, что “антисемитский журнал в Вене, узнав о происшедшем (т. е. об ответе Шептицким на иврите приветствовавшим его евреям. – *Ш.П.*), обвинил меня в иудействе”⁶. Среди украинского духовенства, вероятно, также звучали выступления с критикой его поведения. Шептицкий решил ответить на эти обвинения подробным освещением своих встреч с евреями. Поскольку это письмо является весьма важным для понимания его мотивов, мы сочли необходимым привести из него подробную выдержку.

Я считаю, что если человек, которому Христос дал задачу распространять Святое Писание, встречает, пусть даже на миг, иноверцев, он не должен упускать возможность донести до них Божье слово. Когда я вижу с

собравшимися и готовыми меня слушать евреями, я не могу не воспринимать их как ближних своих, обреченных на вечные муки. Поэтому я считаю своим долгом использовать эту возможность, чтобы попытаться донести до них хотя бы одно слово из Божьего откровения. И я делаю это в разговоре с ними. Конечно, я делаю это в их манере и на их языке, ведь такова традиция христианской церкви в течение двадцати столетий. Служители Писания предают себя в руки тем, кому они проповедуют. Это единственный способ донести истину до души слушателя. Если бы такая речь к тем, кто приветствовал меня с Торой, была произнесена на русском или немецком, это выглядело бы скорее не как молитва с Библией, но как светская беседа. В такой ситуации священник должен вызвать интерес у своей аудитории и затронуть те струны души, которые отзовутся религиозным чувством. Этого не добиться, даже если говорить на немецко-еврейском жаргоне (идише), ибо тогда будет похоже на обсуждение финансовых вопросов. Добиться этой цели позволяет лишь иврит. Хотя и не все из слушателей понимали этот разговор полностью, но все они более-менее знакомы со священными текстами из Ветхого Завета. И если есть в их душах искры религиозного рвения, то их можно возжечь словами Священного Писания. Вот почему я обычно начинаю словами из священных текстов.

Часто случалось, что слушатели настолько хорошо знакомы с текстом, что они цитировали его, опережая меня на слово. К таким текстам я добавляю некоторые комментарии христианского толка или другой текст, который ведет к истолкованию первого текста в христианском ключе. Таким образом я, насколько могу, предлагаю им мысли о надежде, любви и ожидании Мессии. Я не жду многого. Я доволен, если хотя бы одна заблудшая душа обретет в моих словах отражение слова Божьего и хотя бы на мгновение задумается над молитвами, которые повторяет ежедневно и, быть может, без особого внимания⁷.

Далее Шептицкий объяснял причины оказания финансовой помощи караимам: “По этой же причине я делаю пожертвования галицким караимам, беднейшим членам их общины, и я готов говорить с ними при первой же возможности. Верю, что любой ручеек христианской любви, что может связать человека религиозного с неверующими, возможен по благословию Господнему и дает ему возможность подвести их ближе к учению Христа”⁸. Это объяснение можно в равной степени применить и к пожертвованиям Шептицкого евреям. Порой Шептицкий думал об организации еврейско-христианских общин по образцу тех, что существовали во времена раннего христианства. Одна такая община, возможно,

даже существовала во Львове, однако результаты таких попыток были незначительны⁹.

В межвоенное время у Шептицкого появились новые трудности. В начале 1920-х, как мы знаем, надежды украинцев на независимость рухнули и в большевистской России, и в националистической Польше. 1930-е годы принесли репрессии и страдания украинскому населению по обеим сторонам границы. Принудительная коллективизация, голод в Советской Украине и кампании по “замирению” в Польше вызвали разочарование среди украинцев, и они стали прибегать к насилию и террору. Будучи близким к украинским политическим деятелям, Шептицкий постоянно выступал с осуждением актов насилия, осуществлявшихся украинскими экстремистами. Позиция, занятая им позднее, во время Второй мировой, была органичным продолжением его негативного отношения к насилию и террору в предвоенные годы.

Отношение Шептицкого к большевистской России становилось все более критическим. Большевики в его глазах выглядели воплощением двойного зла. По его мнению, они совершали преступления как против Бога, так и против украинского народа. Открытая антибольшевистская и антикоммунистическая позиция Шептицкого в межвоенные годы наложила отпечаток на его отношение к тем евреям, которых он отождествлял с ненавистным режимом и идеологией Советского Союза. Так, еще в 1920 г., когда в Галиции была сделана попытка установить советскую республику, Шептицкий выступил ее непримиримым критиком и утверждал, что она организуется “евреем-диктатором”. В одном из близких к Шептицкому церковных изданий писали в 1936 г. о “совместном фронте”, который держат радикалы, социалисты, масоны и евреи¹⁰. Следует также помнить, что если в отношении коммунизма, Советского Союза и его сторонников на Западе в 1930-х гг. Шептицкий постоянно выступал с открытой критикой, то в отношении нацистского тоталитарного государства он критики не предпринимал¹¹.

В 1930-х гг. украинское общественное мнение в Польше стало подвергаться значительному влиянию со стороны националистических организаций правого толка, а также их прессы, изображавших евреев в крайне негативном свете. Главными темами в украинской националистической прессе были следующие: жидобольшевизм, угроза со стороны международного еврейства, евреи как чужеродные паразиты; выражалось восхищение перед фашистской и нацистской общественными моделями. В связи с недолгой, но яркой историей Украинской Закарпатской автономии также появлялись многочисленные антиеврейские спекуля-

ции. Антиеврейские настроения выражались не только в содержании, но и посредством оскорбительной лексики и изобразительных материалов, являвшихся неотъемлемой частью украинского антисемитского фольклора. Несмотря на то, что восприятие и отображение еврейского вопроса было неоднозначным, антисемитские выражения становились все громче. Это подготовило в дальнейшем почву для распространения среди украинцев нацистской антисемитской идеологии и пропаганды¹².

Мы не можем судить с уверенностью о том, какой была на тот момент позиция униатского духовенства по отношению к евреям. Можно предположить, что поскольку многие из деятелей церкви испытывали влияние националистических идей и поскольку радикализация украинского национализма сопровождалась ростом антисемитских настроений, то антиеврейские взгляды распространялись и в этой среде. Однако были и другие голоса. Епископ Иван Бучко, который был близок к Шептицкому и разделял взгляды митрополита на евреев, публично выступал против антисемитизма и осуждал неоязычество Гитлера. Бучко также открыто поддерживал антинацистские взгляды немецких кардиналов Фаульхабера и Инницера¹³.

Аннексия Советским Союзом Восточной Польши в сентябре 1939 г. породила дополнительную напряженность в отношениях между еврейским и украинским населением. Несмотря на то, что это принесло страдания обеим группам – как евреям, так и украинцам, – образ еврея как сторонника нового режима стал преобладать среди нееврейского населения Восточной Галиции. В еврейской среде действительно были распространены просоветские настроения. Для понимания причины этого необходимо вспомнить о резком ухудшении положения евреев в предвоенной Польше, о понимании евреями участи, грозившей им при нацистах, об атмосфере беззакония и насилия, сопровождавшей падение польской государственности и установление нацистского режима, а также об утверждениях советской пропаганды о решении еврейского вопроса в Советском Союзе.

Хотя меры, предпринимавшиеся советской властью против антисемитизма на присоединенной территории, были далеки от совершенства, некоторые украинцы все же понесли наказание за антисемитское поведение, и это определенным образом влияло на украинцев¹⁴. Еще одним фактором, влиявшим на отношение украинцев к евреям, был наплыв еврейских беженцев из оккупированных немцами областей западной и центральной Польши в Восточную Галицию. Становившееся все более заметным их присутствие, в свою очередь, вызывало рост антиеврей-

ских настроений. Эти настроения также выражала и некоторая часть украинского духовенства Галиции. В одном из отчетов церкви об обстановке на занятых Советами землях Польши говорилось, что с евреями там обращаются лучше, чем с остальными группами. Епископ из Перемышля жаловался в своем послании в Рим, что здание епархиального управления передали евреям¹⁵. Сам Шептицкий в письме кардиналу Тиссерану писал о “появлении огромного количества евреев-беженцев”, которые “значительно усложняют жизнь”¹⁶. Говоря о наступивших после советской аннексии лишениях и переменах, митрополит пришел к выводу, что “евреи в непомерных количествах проникли в экономику и придали деятельности [советских] властей характер грязной наживы, свойственной мелким торговцам”. Будучи религиозным лидером украинцев Восточной Галиции, Шептицкий был особенно озабочен и рассержен тем, что новая власть насаждала атеистическое образование и воспитание среди украинской молодежи. В другом письме в Ватикан он докладывал, что “у нас величайшее опасение за школьников, поскольку начальство в этих [советских] школах часто либо евреи, либо атеисты”¹⁷.

Наиболее непримиримое обличение Шептицким советской власти содержится в письме, написанном им спустя несколько недель после захвата Восточной Польши немецкой армией, летом 1941 г.¹⁸ В нем он писал, что почти двухлетний период правления Советов в Восточной Галиции “привел умы в такое состояние, что украинцы этой местности будут приветствовать любую власть, противостоящую Советскому Союзу”¹⁹. Похоже, в глазах многих украинцев и даже фигур такого уровня, как Шептицкий, евреи воспринимались как виновники бед, причиненных украинскому населению советской властью.

Ситуация резко изменилась после 22 июня 1941 г., когда Германия совершила нападение на СССР. Неделю спустя немецкая армия вошла во Львов. Основной вопрос нашего исследования – отношение Шептицкого к евреям во время Холокоста – опирается на более широкие вопросы об отношении украинцев к немцам вообще и реакции Шептицкого на немецкую власть в частности. Не углубляясь в рассмотрение вопроса о распределении сил на украинской политической и национальной арене и их позиции относительно гитлеровской Германии, можно утверждать, что большинство украинского населения рассматривало приход немцев как избавление от большевистского режима и питало надежду на восстановление украинского суверенитета при поддержке Германии. Уступки немцев украинскому населению выражались в открытии церк-

вей, закрытых в предшествовавшие два года советской власти. Все это вкуче с национальными иллюзиями порождало прогерманские настроения среди украинского духовенства.

Оккупация восточной Галиции немецкими войсками повлекла за собой акты мести со стороны украинцев по отношению к тем, кого они считали проводниками советского режима. Более того, разочарование в намерениях немцев привели к провозглашению украинской государственности. Первая реакция Шептицкого на стремительно разворачивающиеся события была положительной и даже сочувственной. В пастырском послании “К украинскому народу” митрополит заявил: “Мы приветствуем победоносную германскую армию как освободителя от врага”²⁰. В написанном в конце августа 1941 г. письме в Ватикан Шептицкий заявлял в аналогичном духе: “Нам следует поддерживать германскую армию, которая несет нам освобождение от большевистского режима”. Он также выразил надежду на то, что победа Германии в этой войне приведет к ликвидации “атеистического воинствующего коммунизма раз и навсегда”²¹. Национальные и религиозные устремления Шептицкого, повлиявшие на его первоначальное отношение к немцам, были высказаны им четко и недвусмысленно. В письме Гитлеру, подписанном Шептицким и другими украинскими деятелями и отправленном в феврале 1942 г., несколько раз выражалась готовность принять участие в украинско-немецком сотрудничестве. Авторы письма высказывали надежду на то, что гитлеровский “новый порядок” в Европе будет способствовать появлению независимой Украины²².

Гитлеровская политика и его намерения по отношению к славянам еще не были тогда столь очевидны, и многие украинцы, в том числе и Шептицкий, полагали, что общая для украинцев и Германии ненависть к Советской России укрепит их антибольшевистский союз и обеспечит поддержку Германией украинских национальных интересов. В то же время, оккупация нацистами западноукраинских земель ознаменовалась все более жестокими антиеврейскими преследованиями и, в конце концов, поголовным уничтожением евреев.

Сразу же по приходу во Львов немецкой армии айнзатцгруппа “С” начала осуществлять акты насилия, включая убийства местных евреев. В этих погромных действиях приняли участие и украинцы. Эти антиеврейские действия мотивировались как традиционной народной юдофобией, так и новой идеологией борьбы с “жидобольшевизмом”. Необходимо помнить, что нацистская антисемитская пропаганда перед войной активно эксплуатировала миф о “жидобольшевизме”. Наиболее

громкое обвинение украинцев в адрес евреев заключалось в том, что последние сотрудничали с советскими органами госбезопасности при арестах и убийствах украинцев перед отступлением Советов из города.

Между 30 июня и 7 июля 1941 г. около 4000 евреев во Львове были убиты немецкими подразделениями при участии украинской вспомогательной полиции. 25–27 июля около 2000 евреев были убиты в ходе погрома, проходившего под названием “Дни Петлюры” и символизировавшего месть украинцев за убийство Симона Петлюры евреем в 1926 г. В общем, численность погибших в ходе погромных акций в первые же недели нацистской оккупации Восточной Польши оценивается в 30 000 евреев. Подразделения украинской милиции во время антиеврейских акций выполняли вспомогательные функции. Украинцев также использовали в рабочих лагерях и лагерях смерти²³. Однако были некоторые умеренно настроенные украинские организации, не принимавшие участия в антиеврейских акциях²⁴; были и отдельные люди, которые оказывали евреям помощь и спасали их во время немецкой оккупации. По одной из оценок, несколько сотен украинцев пытались помогать евреям, и около ста из них были за это казнены нацистами²⁵. Украинское националистическое подполье демонстрировало по отношению к евреям либо безразличие, либо откровенную враждебность. Подобные настроения, возможно, преобладали и в среде духовенства. Таковым был общий контекст, в котором необходимо рассматривать деятельность Шептицкого по отношению к евреям.

Новости о погромных действиях, осуществленных украинцами, а также о нацистских акциях, проведенных при помощи украинской милиции, должны были сразу же достичь ушей Шептицкого. Доктор Езекииль Левин, главный раввин Львова и личный друг Шептицкого, просил его попытаться остановить разбушевавшуюся толпу: “Когда-то Вы говорили мне, что являетесь другом евреев. Прошу Вас в этот час смертельной опасности доказать Вашу дружбу. Прошу Вас спасти тысячи человеческих жизней”²⁶. Молодой украинец примерно в это же время исповедывался митрополиту, что лично “убил семьдесят пять человек во Львове за одну ночь”²⁷. Однако однозначно по поводу участия украинцев в истреблении нацистами еврейского населения Шептицкий высказался лишь в начале 1942 г.

Возможно, в первые несколько месяцев после немецкого вторжения 76-летний больной Шептицкий был ошеломлен неожиданными событиями и все еще верил в установление украинского национального единства под эгидой нацистского режима. Однако с течением времени

ситуация прояснялась. Постоянное насилие со стороны немцев, а также растущее в украинских кругах разочарование в немецкой позиции относительно украинских национальных ожиданий не могло не повлиять на позицию митрополита. Более всего его, очевидно, беспокоило деморализующее и разлагающее влияние нацистов на местное украинское население, особенно на молодежь, которая уже с 1930-х начала становиться на радикальные позиции. Шептицкий выражал свою озабоченность несколько раз. В письме Гимmlеру в феврале 1942 г. митрополит жаловался на обращение немцев с местным населением, особенно с евреями, и протестовал против использования украинских вспомогательных частей в антиеврейских акциях²⁸. Шептицкий возлагал на это письмо большие надежды. Он обсуждал его с раввином Давидом Кахане (одним из евреев, которых спас Шептицкий) и упомянул о нем в своем послании в Ватикан²⁹.

Летом 1942 г. Львов, как и Варшава и другие города, стал свидетелем ужесточения антиеврейской политики. Начались массовые депортации евреев в лагеря смерти. Если прежние немецкие “акции” осуществлялись под различными предлогами (например, “переселение” в трудовых целях), то депортации лета 1942 г. проводились так, что их цель – уничтожение – была для всех очевидна. Массовые депортации евреев из львовского гетто были проведены между 20 и 23 августа 1942 г.; вывезено было около 50 000 человек. События августа 1942 года были наиболее жестокими и шокирующими за все время нацистского правления во Львове. Неудивительно поэтому, что самое суровое осуждение Шептицким нацистского режима появляется в его письме в Ватикан, которое было написано по следам тех событий.

Это письмо выражает все разочарование Шептицкого немецким правлением и его обвинения в адрес новой власти. Он писал: “Освобожденные немецкой армией от большевистского ига, мы почувствовали некоторое облегчение, [однако] постепенно [немецкое] правительство установило режим невероятного террора и коррупции... теперь все согласны, что немецкий режим, возможно, еще более злодейский и дьявольский, чем большевистский. На протяжении более года не прошло и дня без ужасных преступлений. Евреи – их первоочередная цель. Численность евреев, убитых в нашем крае, определенно превышает 200 000”³⁰. Бесчеловечная природа немецкой политики по отношению к евреям становилась все более очевидной. “В определенное время, – писал Шептицкий, – они начали убивать евреев открыто, на улицах, прямо на виду у публики”³¹.

Среди зол “нового порядка” Шептицкий также упоминает “национальный шовинизм”, имея в виду, возможно, не только немецкую сторону. Использование им при описании немецкой власти таких выражений, как “бешеные волки” и “чудовища”, показывает степень морального осуждения Шептицким гитлеровского режима. Больше всего Шептицкого ранило то опустошающее аморальное влияние, которое нацистский стиль мышления оказывал на следовавших за этим режимом украинцев и греко-католиков. В письме кардиналу Тиссерану, написанном в сентябре 1942 г., Шептицкий вновь выражал недовольство фактом вербовки украинцев во вспомогательную полицию и использования их немцами в “извращенных целях”³².

Попытки Шептицкого влиять на украинское население и противостоять аморальным нормам нацистской власти осуществлялись посредством его пастырских посланий. Некоторые из них были напечатаны, другие распространялись устно. Оценить действительную степень влияния этих обращений на украинское население и духовенство практически невозможно. Однако сам факт, что митрополит считал необходимым повторять их снова и снова, говорит о больших трудностях, возникавших на его пути.

До какой степени пастырские послания Шептицкого могли воспрепятствовать бесчеловечным действиям в отношении евреев? В известных нам посланиях евреи никогда не упоминаются открыто. Необходимо помнить, что террор применялся не только по отношению к евреям; этим средством пользовались и различные украинские группировки в политической борьбе; террор применялся и в польско-украинских отношениях. По нашему мнению, осуждение Шептицким преступлений против евреев следует рассматривать именно в таком контексте.

В наиболее известном пастырском послании Шептицкого, появившемся в ноябре 1942 г. под символическим названием “Не убий”, речь идет о любой форме человекоубийства³³. Хотя в качестве примера в нем упомянуто политическое убийство, но совершенно очевидно, что в послании осуждаются все виды убийства. Похоже, Шептицкий был озабочен появлением того, что он назвал “склонностью к убийству”, то есть распространением привычки убивать как общепринятой нормы поведения. То, что Шептицкий показал копию письма скрывавшемуся у него в то время раввину Кахане, показывает, что митрополит считал это важным и по отношению к евреям³⁴. Еще одним примером озабоченности Шептицкого массовыми убийствами евреев является его разговор с посетившим его в сентябре 1943 г. д-ром Фредериком, который являлся

французским специалистом по Восточной Европе и сотрудничал с министерством иностранных дел Рейха. В ходе этого разговора Шептицкий снова выразил мнение, что “Германия хуже, чем большевизм” и обвинил немцев в бесчеловечном отношении к евреям³⁵.

Два наиболее важных свидетельства о попытках Шептицкого спасти евреев во время немецкой оккупации – это свидетельство рабби Давида Кахане, который в 1930-х был раввином во Львове, и Курта Левина, сына рабби доктора Езекииля Левина, главного раввина реформистской еврейской общины во Львове накануне Второй мировой. Когда рабби Левин 2 июля 1941 г. пришел в резиденцию Шептицкого на холме Св. Юра, митрополит убеждал его остаться, однако рабби решил вернуться обратно к своей семье и пастве. В тот же день его схватили и убили вместе с остальными евреями. Наверное, для украинско-еврейских отношений весьма символично, что ведущий украинский религиозный деятель предложил помощь раввину, а другие украинцы участвовали в его убийстве³⁶. После смерти раввина связь между его семьей и Шептицким продолжалась. По рекомендации Шептицкого два сына раввина – Курт (Исаак) и Натан – скрывались в различных греко-католических монастырях и в соборе Св. Юра до прихода Красной армии во Львов летом 1944 г.

Раввина Кахане стали укрывать по распоряжению Шептицкого в мае 1943 г. Перед этим, во время массовых депортаций в августе 1942 г., рабби Кахане обратился к митрополиту с просьбой помочь ему спасти свитки Торы; Шептицкий с готовностью согласился. Большинство евреев, спасенных Шептицким и его помощниками, бежали из львовского гетто и трудового лагеря в период между августом 1942 г. и маем 1943 г. Гетто было ликвидировано в июне 1943-го, а лагерь – в конце того же года.

Что касается организации помощи, похоже, что митрополит действовал с помощью нескольких заслуживавших доверия украинских священников, таких как его брат Клементий, глава ордена Студитов, и игуменья Студитского монастыря Йосефа. Другим главным действующим лицом был преподобный Марко Стек, который, вероятно, был связным между монастырем Св. Юра и другими монастырями во Львове и его окрестностях. Обычно было гораздо легче прятать женщин, чем мужчин, а детей – легче, чем взрослых. Спасенным детям давали фальшивые справки о крещении, украинские имена, а затем распределяли их по мужским и женским монастырям и детским домам. Некоторым детям студитские монахи помогали пересечь румынскую и венгерскую гра-

ницы. Для выполнения такой опасной задачи Шептицкому, очевидно, удалось привлечь наиболее нравственную, заслуживавшую доверия и отважную часть украинского духовенства. Они подвергались не только внешней угрозе со стороны немецких властей, но и критике изнутри³⁷. Нижние слои духовенства были настроены антисемитски, и многие из них, вероятно, были против оказания помощи евреям. Раввин Кахане в своем интервью подтверждал это предположение. Наиболее антисемитским, очевидно, было духовенство Украинской Автокефальной церкви. В свидетельстве одного из выживших в Холокосте приводится отрывок из проповеди священника, призывавшего паству: «Дорогие прихожане... не давайте куска хлеба евреям... кто знает о месте, где прячется еврей, найдите его и скажите немцам»³⁸.

Обсуждение вопроса об отношении Шептицкого к евреям в период Второй мировой не будет полным, если мы не коснемся аспектов христианской теологии и позиции папского престола. Традиционная враждебность христианской церкви по отношению к евреям и антиеврейские догматические положения ответственны, по крайней мере частично, за атмосферу безразличия и враждебности среди нееврейского населения в странах, где господствовали нацисты. По некоторым причинам такие настроения были особенно сильны в странах Восточной Европы. Некоторые христиане истолковали организованные нацистами массовые убийства евреев как неизбежное исполнение христианского призыва к наказанию тех, кто отверг Христа³⁹. Дискуссии о позиции Папы Пия XII, в том числе пьеса «Посланник» Рольфа Хоххута и исследование Джона Ф. Морли о реакции Ватикана на Холокост, указывают на полное моральное фиаско папства в пору тяжких испытаний⁴⁰. Взгляды и дела Шептицкого в это трудное и разрушительное время также необходимо поместить и в этот контекст.

В письме в Рим, написанном в августе 1942 г. и содержащем описание нацистских зверств, Шептицкий заметил: «Единственное утешение, которое у нас есть в эти ужасные времена, – это то, что ничто не происходит помимо воли Отца нашего небесного. Думаю, среди убиенных евреев многие души обратились к Господу, так как никогда еще не попадали они в такое положение, как ныне, сталкиваясь в течение месяцев с угрозой насильственной смерти»⁴¹. Разговор, состоявшийся в сентябре 1943 г. между митрополитом и рабби Кахане (отражен последним в мемуарах), может пролить дополнительный свет на теологию Шептицкого. По Кахане, митрополит говорил ему: ««Когда-либо... спрашивали ли Вы себя, в чем причина ненависти и бесчеловечных пре-

следований, которым еврейский народ подвергается с древних времен и поныне?»... Он просил меня... открыть стих 25 главы 27 Евангелия от Матфея, где сказано: «И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших»⁷⁴². Вскоре после этого разговора Шептицкий принес извинения Кахане: «В этой ужасной ситуации, когда еврейский народ обильно истекает кровью и гибнут тысячи невиновных, я не должен был касаться этой темы. ...Прошу у Вас прощения»⁷⁴³.

Были ли в действительности крещены спасенные еврейские дети? Различные воспоминания дают разные оценки. Раввин Кахане считает, что тенденции к этому просматривались в окружении Шептицкого, особенно со стороны его брата Клементия. Однако Курт Левин и Цви Барнеа (Хамейдес) свидетельствовали, что таких попыток не предпринималось. Последний заявлял: «В 1944-м году, после нашего освобождения, митрополит возвращал еврейских детей остаткам еврейской общины во Львове, как только находились семьи, готовые их воспитывать»⁷⁴⁴.

Далее мы попытаемся ответить на следующие вопросы: 1) почему отношение Шептицкого к евреям было столь неоднозначным; и 2) каким Шептицкий предстает в еврейской исторической памяти?

Пол Р. Магочи в предисловии к сборнику статей о Шептицком писал, что всю жизнь для митрополита был важен вопрос о том, «как сделать христианскую мораль основой повседневной реальности»⁷⁴⁵. Другой исследователь раннего периода карьеры Шептицкого утверждал, что он был «видным сторонником украинского национального движения, но лишь до тех пор, пока оно соответствовало христианским ценностям»⁷⁴⁶. Противоречия между христианским мировоззрением и присущими украинскому национализму чертами наложило отпечаток на деятельность Шептицкого в последующие годы. Уже в предвоенный период, а тем более в годы Холокоста украинский национализм стал на путь радикализации, насилия и антисемитизма. И как глава Униатской церкви, и как символический центр украинских национальных интересов Шептицкий оказался в тупиковой ситуации. Он пытался распространять христианскую мораль, при этом пытаясь не отделяться от националистических идей. Он оказался на перепутье между своими моральными и гуманистическими ценностями и своим сочувствием к преследуемому украинскому национализму.

Джон С. Конвей в своей работе об отношении католиков к евреям в годы нацистского господства справедливо заметил, что не стоит преувеличивать влияние церкви во времена, когда вспыхивают националистические идеи, и указал, что церковь опасалась утраты влияния на массы,

если однозначно выскажется по еврейскому вопросу. Церковные деятели стремились сохранить свое влияние в условиях всеобщего обесценивания ценностей⁴⁷. Деятельность Шептицкого нужно рассматривать и в этом контексте. Его положение было еще более трудным, чем у других религиозных деятелей на оккупированных нацистами землях. Его соотечественники украинцы, особенно молодежь, были настроены более решительно, были более склонны к насилию и антисемитским действиям, чем большинство населения в оккупированной нацистами Восточной Европе. Тем большего уважения, в сравнении с другими деятелями церкви, должны заслуживать действия митрополита по отношению к евреям. Позиция Шептицкого произрастала из нескольких источников: его общего гуманизма, его долгих взаимоотношений с евреями и, вместе с тем, из традиционной христианской идеологии. Взаимоотношения Шептицкого с евреями в период Холокоста нашли отражение в материалах конференции, проведенной в Иерусалиме в 1980-х гг. В них отмечалось, что “создана полная картина различных и порой противоречивых действий”⁴⁸, и указывалось, что “даже в Восточной Европе взаимоотношения между церквями и евреями во время нацистской оккупации были многообразнее, чем казалось до сих пор”⁴⁹. Подобным же образом и в позиции Шептицкого можно найти противоречия, сомнения и конфликты.

Современный исторический образ Шептицкого также изобилует неоднозначными и взаимоисключающими чертами. Еврейская память об этом человеке и его делах серьезно травмирована – и не только фактом поддержки Шептицким украинского национализма и нацистской Германии, но и общим негативным отношением к Украине и украинцам⁵⁰. Определенную роль в этом могло сыграть и чрезвычайно враждебное отношение к митрополиту советской власти. Как уже упоминалось, в отношении Шептицкого к евреям сочетались противоречивые взгляды и действия. Однако по сравнению с церковными кругами и отношением населения в других частях оккупированной Европы, слова и дела Шептицкого по отношению к евреям ставят его в один ряд с теми немногочисленными гуманными и отважными одиночками, которые во времена суровых испытаний ощущали ответственность за ближнего своего.

Ходатайства о присвоении митрополиту Андрею Шептицкому звания Праведника народов мира – награды, присуждаемой в Израиле тому, кто спас хотя бы одного еврея в годы Холокоста, – уже долгие годы рассматриваются в соответствующем комитете института Яд

Вашем (Иерусалим). В одном из изданий Яд Вашема ясно говорится, что “Митрополит Андрей Шептицкий... организовал помощь евреям уже в первые дни нацистской оккупации... привлек священников и монахов своей церкви к спасению евреев, в результате чего с их помощью были спасены до 150 евреев”⁵¹. В Яд Вашем неоднократно приходили свидетельства от тех, кто был спасен митрополитом.

Ответ Яд Вашема о причинах отказа присудить Шептицкому звания Праведника мира состоит из нескольких пунктов⁵². Кратко прокомментируем наиболее важные из них.

1. *Шептицкий поддерживал организацию украинской дивизии СС “Галичина”*. Это факт сам по себе верен, но поддержка Шептицким “Галичины” проистекала не из поддержки им Гитлера и нацистской идеологии. К тому времени, когда была создана эта дивизия (весна и лето 1943 г.), было совершенно ясно, что Германия проигрывает войну и что Советская армия наступает на запад. Шептицкий опасался, что между отступлением немцев и приходом Советов наступит анархия, и надеялся, что украинские вооруженные силы защитят местное украинское население. Он также мог рассматривать украинскую дивизию как военное ядро будущей независимой Украины. Между намерениями Шептицкого и реальными антиеврейскими действиями некоторых солдат дивизии “Галичина” никакой связи нет. Более того, солдаты украинской дивизии СС, как и других этнических воинских подразделений, хотя и носили официально знаки отличия СС, но были далеки от первоначальных элитных, идеологически вышколенных настоящих немецких нацистских частей СС. Джон Коннелли недавно писал: “...в 1943 г. нацистское руководство стало вербовать на военную службу «неполноценных славян», и к концу войны за Германию сражались сотни тысяч таких солдат, в их числе – словацкие, хорватские и украинские части СС”⁵³.
2. *Спасение евреев в период немецкой оккупации являлось для Шептицкого второстепенным занятием*. В принципе, это так. Однако мы не должны забывать, что он был одним из известнейших украинских деятелей и духовным лидером украинского народа. Главным объектом его забот была его паства – украинское население Восточной Галиции. Прекрасно зная об антисемитизме многих украинцев и несмотря на преобладание антиеврейских предрассудков и враждебности к евреям, Шептицкий продолжал помогать десяткам евреев и возвышал глас против убийств. Шептицкому было хорошо

известно об аморальных взглядах и поступках многих украинцев. Но как духовный пастырь народа он не мог оставить их на самих себя. Эти настроения и взгляды он пытался изменить в присущей ему духовной, моральной и религиозной манере. Общеизвестно, что Шептицкий многократно выступал против ненависти и насилия и до, и во время войны.

3. *Шептицкий был главным украинским политическим деятелем в этом регионе, и поэтому именно он должен нести ответственность за аморальное поведение украинского народа.* Это неправильное заявление. Шептицкий не был политической фигурой. Он был, прежде всего, деятелем религиозным и духовным. Хотя он и поддерживал украинские национальные интересы и питал надежды на возникновение независимой Украины, он всегда высказывался против насилия и крайних форм национализма.
4. *Шептицкий никогда не высказывался публично против убийств евреев украинцами.* Это заявление, в принципе, правильное, однако ожидать от Шептицкого публичного выступления об этом – значило бы неправильно оценивать ситуацию и последствия такого шага. В своем известном пастырском послании “Не убий” он в общих словах говорит о недопустимости ненависти и насилия. Иначе он не мог. Таким было его понимание способа выхода из экстремальной ситуации. Он считал, что говоря о грехе убийства вообще, он подразумевает и убийство евреев. Такие выражения, как “массовое убийство” и “склонность к убийству” из пастырского послания прямо относились к евреям, хотя и не были высказаны вслух. Необходимо понимать специфику обстоятельств, в которых оказался Шептицкий, – это нацистская антиеврейская политика и украинские народные антисемитские предрассудки.
5. *Шептицкий питал ненависть к большевикам и Советской России, в то время как Советский Союз спасал евреев.* Это вопиюще несправедливое утверждение, свидетельствующее о глубоком непонимании исторических фактов. Исследования показывают, что никаких попыток спасти евреев советская власть не предпринимала. Уже в 1943 г. начал проявляться сталинский антисемитизм. Евреев спасали лишь по мере наступления Красной армии. Сегодня мы ясно осознаем, что Сталин был не меньшим злом, чем Гитлер. Шептицкий питал отвращение к Советам из-за их воинствующего атеизма и страданий миллионов украинцев под советской властью в 1930-е гг.

На деле Шептицкий был против и Сталина, и Гитлера. Он был за Украину и украинцев.

6. *Шептицкий усвоил антисемитские стереотипы и время от времени выражал антиеврейские взгляды.* Это верно. Однако это упрощение вопроса. Необходимо помнить, что митрополит был выдающимся религиозным деятелем, мыслившим и действовавшим в контексте христианской теологии. И все же, несмотря на богословские антииудейские элементы, когда он столкнулся с жестокими и трагическими реалиями, он ощутил ответственность за своего ближнего. Таким же человеком, кто, несмотря на свои антисемитские взгляды, был зачислен в ряд Праведников благодаря своим поступкам, была польская писательница Софья Коссак.
7. *Шептицкий не препятствовал украинской толпе, которая начала погром во Львове в первые дни немецкой оккупации.* Есть основания считать, что он отправил посланников с целью успокоить толпу, хотя это пока и не доказано. Можно предположить, что драматические события лета 1941 г. во Львове ошеломили Шептицкого. Возможно также, что когда он услышал, как возбужденная толпа бежит по улицам, он понял, что остановить их не сможет ничто. По отношению к этим событиям правильно было бы поставить вопрос не только о том, что сделал и чего не сделал Шептицкий, а и о том, что было в его силах сделать.
8. *Шептицкий был идеологическим союзником Гитлера.* Это совершенно упрощенное и неверное заявление его критиков. Действительно, в первые месяцы немецкой оккупации Шептицкий был сторонником немцев как противовеса Советам. Главной причиной этого было то, что немцы освободили местное население от советско-большевистского ига. Как и многие другие религиозные деятели на протяжении столетий, Шептицкий пытался найти *modus vivendi* с властями на благо своей паствы. Рассматривать Шептицкого как пособника Гитлера в деле установления “нового порядка” в Европе и в “окончательном решении” – значит совершенно не понимать этого человека. Да, были и такие украинские политические, военные и, возможно, религиозные деятели, которые одобряли нацистскую идеологию и действия по отношению к евреям. Шептицкий не был одним из них. Если говорить об официальной связи с нацистами, то известный Праведник мира Оскар Шиндлер был, по крайней мере, номинально членом НСДАП.

9. *Шептицкий не подвергался личной опасности во время укрывания и спасения евреев.* Это еще одно упрощение, при котором во внимание не принимаются ни очень специфические условия того времени, ни личность митрополита. Возможно, что поскольку он являлся очень крупной фигурой среди миллионов украинцев Восточной Галиции, нацисты не рискнули бы подвергнуть его наказанию. Однако следует помнить, что помощь евреям и их спасение Униатской церковью были предприятием, в котором задействовались десятки, если не сотни верных и надежных монахов и монахинь. Эти люди ежедневно сталкивались с опасностью наказания. Правильнее будет предположить, что Шептицкий беспокоился о своих людях, и все же он благословлял их на спасение евреев. Хотя лично Шептицкому, по моему мнению, крайняя опасность не угрожала, нам следует рассматривать митрополита и тех, кто ему доверял и подвергался опасности, как единое целое.

Общественный интерес к высоконравственным действиям митрополита во времена, когда вокруг царили бесчеловечность и насилие, недавно возник вновь. В 2005 г. в израильской прессе появились статьи об усилиях, предпринимавшихся Шептицким для спасения евреев⁵⁴. Профессор Адам Ротфельд, бывший министр иностранных дел Польши, сам был спасен во время Второй мировой в Студитском монастыре в Униве под Львовом. 19 августа 2005 г. он провел церемонию открытия мемориального знака на стене этого монастыря, увековечив благородные деяния митрополита и его брата Клементия. В своем выступлении Ротфельд выразил глубокую веру в то, что “духовное наследие митрополита Андрея и архимандрита Клементия будет служить ориентиром и образцом для молодых поколений украинцев”⁵⁵.

Только сегодня, когда Восточная Европа, включая Польшу и Украину, встала на путь либерализма и демократии, фигура митрополита Шептицкого может наконец занять правильное место в исторической перспективе и памяти общества. Есть надежда, что несмотря на непростые и временами трагические события в украинско-еврейских взаимоотношениях, теперь, после “оранжевой революции” в Украине, пересмотр позиции Яд Вашема по вопросу о деятельности Шептицкого приведет к переоценке места этого человека в еврейской и украинской памяти Холокоста.

-
- ¹ D. Kahana, *Yoman geto Levuv*. – Jerusalem: Yad Vashem, 1978. – P. 157.
- ² A. Slusarchuk Sirka, ‘Sheptyts’kyi in Education and Philanthropy’, in P.R. Magocsi, ed., *Morality and Reality: The Life and Times of Andrei Sheptyts’kyi*. – Edmonton: University of Alberta, 1989. – P. 279, 287.
- ³ *Бережанська земля: історично-мемуарний збірник*. – New York: Berezhanay Regional Committee, 1970. – P. 189–191.
- ⁴ Chwila. – 1935. – 31 July. See also Dilo. – 1935. – 1 August; and Y. Lewin. *Aliti mi-spetsyah* – Tel Aviv: Am Oved, 1946. – P. 85.
- ⁵ Послание пастырске Андрея Шептицкого Митрополита Галицкого, Архиепископа Львовского, Епископа Каменца Подольского до духовенства соединенных епархий. О каноничной визитации. – Жовква: Печатня оо. Василян, 1902. – С. 16–19.
- ⁶ *Poslanie pastyrskie*, op. cit. – P. 16.
- ⁷ *Ibid.* – P. 18.
- ⁸ *Ibid.* – P. 18–19. В другом пастырском послании, написанном двумя годами ранее, Шептицкий выражал религиозную терпимость по отношению ко всем нехристианам, включая евреев, пока они выполняют “небесную волю со всем своим старанием и усердием”. – “Правдива віра”, 1900, переиздано в: *Твори Слугі Божого Митр. Андрея Шептицького*. Ч. 1: “Пастырські листи”. – Торонто, 1965. – С. 70.
- ⁹ E. Prus, *Wladyka Swietojurski: Rzecz o arcybiskupie: Andrzej Szeptyckim (1865–1944)*. – Warsaw: Instytut Wydawniczy Związkow Zawodowych, 1985. – P. 157–158.
- ¹⁰ *Ibid.* – P. 71.
- ¹¹ По вопросу о германо-украинских отношениях в этот период см.: Ryszard Torzecki, *Kwestia ukrańska w polityce III Rzeszy (1933–1945)*. – Warsaw: Książka i Wiedza, 1972.
- ¹² S. Redlich, ‘Jewish Ukrainian Relations in Interwar Poland as Reflected in Some Ukrainian Publications, *Polin – Studies in Polish Jewry*, Vol. 11, 1998. – P. 232–246. Перевод на украинский см. в: *Сучасність*. – Вип. 8. – 1992. – С. 76–88.
- ¹³ Єпископ І. Бучко проти антисемітизму (*Bishop I. Buchko Against Antisemitism*) // Dilo. – 1936. – 18 September.
- ¹⁴ *The Jewish Chronicle* (London). – 1939. – 29 December.
- ¹⁵ J. F. Morley, *Vatican Diplomacy and the Jews During the Holocaust, 1939–1943*. – New York: Ktav. – 1980. – P. 133.
- ¹⁶ Letter dated 26 December 1939, *Actes et Documents du Saint Siege relatifs a la Seconde Guerre Mondiale*, Vol. III: *Le Saint Siege et la situation religieuse en*

Pologne et dans les Pays Baltes 1939–1945. Rome: Libreria Editrice Vaticana, 1967. Doc. 79, pp. 170–171.

¹⁷ С. Korolevskij, Metropolit Andre Szeptyckyj, 1865–1944. Rome: Opera Theologicae Societatis Scientificaе Ukrainorum, 1964. Vol. XVI–XVII, p. 362.

¹⁸ Letter dated 30 August 1941, Actes et Documents, op. cit., doc. 297, pp. 437–442.

¹⁹ J. A. Armstrong, Ukrainian Nationalism, 1939–45. – New York: Columbia University Press, 1955. – P. 27.

²⁰ Цитується по: Кость Панківський. Від держави до комітету. – Нью-Йорк–Торонто: Ключи, 1957. – С. 112.

²¹ Letter dated 30 August 1941, Actes et Documents, op. cit., doc. 297, p. 440.

²² A. llytzykij, Deutschland und die Ukraine, 1939–1945, Vol. 2. – Muenchen: Osteuropa Institut, 1958. – P. 276–279.

²³ Поведение украинцев по отношению к евреям в период Холокоста обсуждается в: P. Friedman. Ukrainian-Jewish Relations During the Occupation / Roads to Extinction: Essays on the Holocaust. – Philadelphia: Jewish Publication Society, 1980. – P. 176–208, и в его же: Their Brothers' Keepers. New York: Holocaust Library, 1978, pp. 130–136. См. также: S. Spector. Shoat Yehudei Volin – 1941–1944 (The Holocaust of Volhynian Jews). – Jerusalem: Yad Vashem, 1986; A. Weiss. Jewish–Ukrainian Relations in Western Ukraine during the Holocaust / P.J. Potichnyi and H. Aster, eds, Ukrainian–Jewish Relations in Historical Perspective. – Edmonton: University of Alberta, 1988. – P. 409–420; также: Ukrainians and Jews: A Symposium. – New York: The Ukrainian Congress Committee of America, 1966. – P. 123–147.

²⁴ См: P. Friedman, op. cit.; Ukrainian-Jewish Relations. – P. 187.

²⁵ Интервью с Арном Вайсом // Hotam, Al-Hamishmar. – 1987. – 4 September. – P. 20.

²⁶ Цит. по: K.A. Lewin, 'Andreas Count Sheptytsky, Archbishop of Lviv, Metropolitan of Halych, and the Jewish Community in Galicia During the Second World War', The Annals of the Ukrainian Academy of Sciences, 7: 1–2 (23–24) (1959), 1660. Шептицкий также просил рабби Кахана рассказать ему о судьбе еврейской общины Львова. См.: Kahana. Yoman geto levuv, op. cit. – P. 154–155.

²⁷ Как значится в "Отчете Фредерика", приведенном в: R. Hilberg. The Destruction of the European Jews. – Chicago: Quadrangle Books, 1967. – P. 330.

²⁸ По меньшей мере три человека свидетельствовали, что видели письмо Шептицкого Гимmlеру, однако ни подлинник, ни копия этого письма до сих пор не обнаружены. Более подробно см.: Кость Панківський. Три роки німецької окупації. – New York–Toronto, 1965. – С. 29–39; Lewin. Andreas Count Sheptytsky, op. cit. – P. 1661; и Kahana. Yoman geto levuv. – P. 155.

²⁹ Kahana. Yoman geto levuv, op. cit. – P. 155. Текст письма в Ватикан от 29-31 августа 1942 г. Опубликовано в: *Actes et Documents*, Vol. III, op. cit., Pt. 2: 1942–1945, doc. 406, p. 628.

³⁰ См. Письмо от 29-31 августа 1942 г., *ibid.*, p. 625.

³¹ *Ibid.*, p. 625.

³² Eugene Tisserant, *L'eglise militante*. – Paris, 1950. – P. 14.

³³ Андрей Шептицкий. Письма-послання мітрополіта Андрея Шептицького з часів німецької окупації. – Бібліотека Логосу. – Т. XXX, част. 2. – Йорктон, 1969. – С. 222–231. Необходимо отметить, что еще 1 июля 1941 г. в пастырском послании, обсуждая возникновение украинского правительства Стецько, Шептицкий обратился к правительству с призывом обеспечить безопасность и благополучие всех независимо от религии, национальности и социального положения. См.: *llyntzkyj. Deutschland und die Ukraine*. Op. cit. – P. 274.

³⁴ Kahana. Yoman geto levuv. Op. cit. – P. 155.

³⁵ См. прим. 27.

³⁶ Более подробно см. в: Y. Lewin. Aliti mi-spetsyah. Op. cit. – P. 27, 59, а также письмо от Курта Левина Роману Бойцу от 6 декабря 1984 г. и его копию автору.

³⁷ Эти сведения о спасении Шептицким евреев основаны на: Kahana. Yoman geto Levuv. Op. cit.; K. Lewin. Aliti mi-spetsyah. Op. cit.; K.I. Lewin. The Metropolitan Andrei Sheptyts'kyi in the years 1942–1944: Recollections of an Eyewitness (доклад, представленный на конференции “Андрей Шептицкий: жизнь и деятельность”, проведенной в университете Торонто 23 ноября 1984 г.); K.I. Lewin. ‘Andreas Count Sheptytsky’ and an interview with Kurt I. Lewin in New York City, 24 December 1984. Свидетельство о спасении Шептицким двух сыновей раввина Калмана Хамейдеса, бывшего раввина Катовице, содержится в письме Цви Барнеа (Хамейдеса) редактору газеты *The Jerusalem Post* (24 January 1986), а также в письме Леона Хамейдеса автору от 22 января 1986 г. Оба письма являлись ответом на мою статью ‘Sheptytsky and the Jews’, опубликованную в *The Jerusalem Post* 13 декабря 1985 г. См. также: J. Schoenfeld. *Holocaust Memoirs: Jews in the Lvov Ghetto, the Janowski Concentration Camp, and as Deportees in Siberia*, Hoboken, N.J. – Ktav, 1985. – P. 46, а также интервью с раввином Давидом Кахане в: *Zahala*, 19 October 1987.

³⁸ See: S. Spector. *The Holocaust of Volhynian Jews*. – P. 192.

³⁹ R. Michael. *Christian Theology and the Holocaust*, *Midstream*, 30: 4 (April 1984), 6–9. Проблема отношения церквей к нацистской Германии и Холокосту обсуждалась в: O.D. Kulka, P.R. Mendes-Flohr, eds, *Judaism and Christianity Under the Impact of National Socialism*. – Jerusalem: Historical Society of Israel, 1987.

⁴⁰ См.: Carlo Falconi. *The Silence of Pius XII*. – Boston and Toronto: Faber, 1970; S. Friedlander. *Pius XII and the Third Reich: A Documentation*. – New York: Knopf, 1966; и John F. Morley. *Vatican Diplomacy and the Jews*. – *Op. cit.* “Ревизионистскую” точку зрения см. в: O. Chadwick. *Britain and the Vatican During the Second World War*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

⁴¹ Письмо от 29-31 августа 1942 г. *Actes et Documents*, *op. cit.*, p. 628.

⁴² Приводится по: Kahana, Yoman geto Levuv, *op. cit.*, p. 157.

⁴³ *Ibid.*, p. 158, а также интервью с рабби Кахане от 19 октября 1987 г.

⁴⁴ Письмо Цви Барнеа (Хамейдеса) в *The Jerusalem Post* (24 января 1986 г.). См. также: Yitshak Lewin. *Aliti mi-spetsyah*, *op. cit.*, p. 175., K. I. Lewin, ‘*Andreas Count Sheptyts’kyi*’, *op. cit.*, p. 1665, а также интервью с раввином Кахане от 19 октября 1987 г.

⁴⁵ P.R. Magocsi, ed., *Morality and Reality*, *op. cit.*, preface. pp. v—ix.

⁴⁶ J.-P. Himka, ‘*Sheptyts’kyi and the Ukrainian National Movement before 1914*’, in *Morality and Reality*, *op. cit.*, pp. 29—48.

⁴⁷ J. S. Conway, ‘*Catholicism and the Jews during the Nazi Period and After*, in O. D. Kulka and P. R. Mendes-Flohr, eds, *Judaism and Christianity under the Impact of National Socialism*, *op. cit.*, pp. 447—448.

⁴⁸ ‘*Introduction*’, *Judaism and Christianity*, *op. cit.*, p. 12.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 16.

⁵⁰ Несмотря на многочисленные обращения в Совет по увековечению памяти жертв музея Яд Вашем, присуждение звания “Праведник среди народов” человеку, который организовал спасение около 150 евреев и выступал против антиеврейской политики нацистского режима, по-прежнему откладывается.

⁵¹ Pinkas Hakehilot. Polin, vol. 2: *Galitsiah hamizrahit, Yad Vashem, Jerusalem*, 1980, p. kaf-heh.

⁵² См. письмо от 11 августа 1998 г. от директора отдела Праведников музея Яд Вашем д-ра Мордехая Палдиеля автору и приложение к письму с перечислением аргументов, выполненное референтом по делу Шептицкого д-ром Элиягу Ионесом (оба документа в архиве автора). См. также: Eliyahu Yones, *Ashan Baholot: Yehudei Lvuv ba-milhama, 1939–1944. Yad Vashem, Jerusalem*, 2001.

⁵³ *London Review of Books*. – 2005. – July 7. – P. 27.

⁵⁴ Alex Doron, “*Holier than the Pope*,” *Maariv*, May 5, 2005; Yossi Melman and Asaf Karmel, “*The Ukrainian Schindler*.” *Haaretz Magazine*, September 9, 2005.

⁵⁵ *Rzeczpospolita*, August 20, 2005; <http://www.msz.gov.pl>.

Русское освободительное движение и “еврейский вопрос” в годы Второй мировой войны

“Еврейский вопрос” является, по целому ряду причин, одним из ключевых для российской политической традиции. Начиная, по крайней мере, со 2-й половины XIX в., ни одна из политических организаций, претендовавших на влияние в российском обществе, не могла оставить без внимания этот вопрос. В предвоенном СССР считалось, что все проблемы, унаследованные от царского режима, были успешно решены коммунистической партией. В том числе утверждалось, что с антисемитизмом покончено раз и навсегда. Однако вступление Советского Союза во Вторую мировую войну показало, что пресловутый “еврейский вопрос” не потерял для его населения своей актуальности. Теперь он был поставлен на повестку дня теми силами, которые декларативно или с оружием в руках выступили в поддержку немцев и за свержение государственного и общественного строя в СССР. Это историческое явление, о котором идет речь, получило в научной литературе (прежде всего западной) название Освободительного движения народов России (ОДНР). Ввиду многонациональности ОДНР, в его рамках отдельно рассматривают Русское освободительное движение (РОД), об отношении представителей которого к “еврейскому вопросу” и пойдет речь в данной работе.

Нельзя сказать, что проблема РОД не нашла своего отражения в историографии, посвященной Второй мировой войне. О ней писали такие советские авторы, как А.В. Тишков, А.Ф. Катусев, В.Г. Оппоков¹, и такие зарубежные исследователи, как Ю. Торвальд, Г. Фишер, С. Стеенберг, Й. Хоффманн, Е. Андреева и др.² И если советским исследователям было присуще принижение значения этого движения, низведение его участников до уровня обычных предателей и отрицание какой-либо идейности в его основе, то западные историки, наоборот, уделяли гораздо большее внимание идеологическим принципам РОД. Однако недостатком значительной части западной историографии (проявившимся в условиях “холодной войны”) было то, что всех участников этого и подобного ему движений они представляли бескомпромиссными борцами с коммунизмом и сталинизмом. А это не всегда являлось правдой.

Другой крайностью западной историографии было то, что некоторые ее представители считали РОД оппозицией не только Сталину, но и Гитлеру, со всеми вытекающими из этого тезиса последствиями. Надо сказать, что этот тезис (о так называемой “третьей силе”) возник не случайно, а был введен в оборот некоторыми участниками РОД и их антинацистски настроенными немецкими покровителями. Например, такую трактовку позиции движения можно встретить в работах К.Г. Кромиади, А.С. Казанцева, В. Штрик-Штрикфельдта, С. Фрелиха и др.³

С 1991 г. ситуация изменилась. Так, прежде всего в российской историографии появились новые авторы, которые работают по данной проблеме: К.М. Александров, С.И. Дробязко, С.Г. Чуев, Б.Н. Ковалев и ряд других⁴. За последние пятнадцать лет ими была проделана значительная работа по осмыслению всех сторон такого общественно-политического явления как РОД, и что самое ценное, это было осуществлено с научной, а не идеологической и пропагандистской точек зрения.

Тем не менее, несмотря на относительную масштабность РОД (в данном случае, в идейном и политическом плане), во всем многообразии литературы, посвященной этой теме, почти не анализируется отношение участников этого движения к “еврейскому вопросу” (как бы подразумеваемая, что в данном случае он был неактуальным). Хотя все факты свидетельствуют о том, что такой интерес имел место, и присутствовал он уже в силу того, что действовать этому движению приходилось под нацистским идеологическим влиянием или в рамках немецкого оккупационного режима.

Целью данной работы является обоснование тезиса о том, что “еврейский вопрос”, в силу целого ряда причин, присутствовал в программе РОД и, в связи с этим, оказал влияние на развитие идеологии движения. Однако чтобы выяснить степень этого влияния, необходимо осветить ряд моментов, которые являются ключевыми для данной проблемы. Это – причины актуальности “еврейского вопроса” для участников РОД, позиция по отношению к евреям в политических программах различных течений РОД и практическое разрешение этого вопроса в военных условиях.

Главным обвинением советской пропаганды времен войны и послевоенной советской историографии, которое они адресовали всем течениям антисталинского протеста, было то, что ни одно из них не выработало своей политической и идейной программы, а в области идеологии находились в полной зависимости от немцев. Сегодня общеизвестно, что это – произвольное или преднамеренное, но заблуждение. Каждое

из национальных течений ОДНР имело свою более или менее оформленную программу, согласно которой его представители планировали действовать в период войны и после нее⁵.

Имела свою программу и та часть ОДНР, которую принято называть “русской”. Определение это весьма условно, а само РОД настолько многогранно и неоднозначно, что все, связанное с его историей и политическим развитием, нуждается в самом тщательном анализе. Как уже было сказано выше, с одной стороны, РОД – русское течение общего антисталинского движения, которое сложилось в условиях Второй мировой войны и немецкой оккупации на этнографической русской территории или из представителей русской национальности. Однако такое определение значительно упрощает это понятие и вводит его в сугубо национальные рамки. С таких позиций можно подходить к другим, “нерусским” течениям ОДНР, основополагающими моментами идеологии которых был прежде всего национализм, а уже потом антикоммунизм. С РОД все намного сложнее. Национализм в программах его участников практически не играл никакой роли. Более существенной идейной опорой был, скорее, антисталинизм, но не антикоммунизм. Исходя из этих посылок, лидеры украинского, белорусского, кавказского и прочих освободительных движений боролись за уничтожение коммунизма в своих республиках и за построение на их территориях независимых от России государств. Большинство лидеров РОД боролись за свержение “сталинской клики”. В национальном же вопросе диапазон их взглядов варьировался от идеи федерализма до восстановления после окончания войны “единой и неделимой России”. Впоследствии это вылилось в стремление русских антисталинистов доминировать в ОДНР.

Нерусские освободительные движения практически не развивались за весь период войны. В 1945 г. их идейный багаж был таким же, как и в 1941 г. Это было еще одним их отличием от РОД, которое с самого начала своего существования было неоднородным и за весь период войны неоднократно претерпевало идеологическую трансформацию.

В целом, в этом движении следует выделить две основные группы, а в развитии его идеологии – два этапа. Участники первой группы идейно и по своему личному составу вышли из среды российской послереволюционной эмиграции. Основным же контингентом второй явились советские граждане, которые тем или иным образом выступили в союзе с Германией против СССР (это, главным образом, или жители оккупированных советских территорий, или военнопленные)⁶.

На первом этапе существования РОД (примерно до декабря 1942 г.) эти его течения и представлявшие их организации сосуществовали параллельно и почти не оказывали друг на друга влияния ни в политическом, ни в идейном плане. В конце 1942 – начале 1943 гг. ситуация изменилась коренным образом. К этому времени относится возникновение и развитие так называемого Власовского движения, которое первоначально рассматривалось другими как одно из ответвлений РОД, а со временем стало претендовать не только на гегемонию в нем, но и на лидерство во всем антисталинском движении народов России. В данном случае Власовское движение интересно нам своей идеологией, в которой его лидеры попытались объединить дореволюционную русскую политическую традицию, идеи Февральской революции 1917 г. и некоторые элементы коммунизма несталинского толка.

Естественно, что все эти идейные особенности РОД не могли не отразиться на отношении его лидеров и участников к “еврейскому вопросу”. В том или ином виде он присутствовал во всех программах всех течений этого движения и на всех его этапах. Разными были только причины, по которым он вошел в ту или иную программу. Назовем наиболее значимые из них.

Во-первых, причины, ведущие свое происхождение от крайне правой российской политической традиции. Они были определяющими, главным образом, в тех течениях РОД, которые находились под влиянием идей дореволюционной эмиграции, однако не сыграли какой-либо существенной роли в развитии идеологии движения.

Во-вторых, причины, обусловленные Октябрьским переворотом 1917 г. и общественно-политическим развитием СССР до июня 1941 г. Они играли значительную роль при формировании программы тех течений РОД, которые возникли на оккупированной советской территории.

И, наконец, в-третьих, причины, возникшие под влиянием нацистской антисемитской доктрины. В принципе, ни одно из течений РОД не избежало ее влияния. Однако следует сказать, что, в отличие от нерусских движений в ОДНР, основные русские организации были подвержены ее воздействию в меньшей степени. Причину следует искать в национальной политике Третьего рейха. Как известно, у немецкого военно-политического руководства не было единого взгляда на оккупационную политику в СССР вообще и национальный вопрос в частности. Из всего многообразия мнений в целом можно выделить две основные точки зрения: “прорусскую” и “национальную”. Носителями первой являлись, как правило, офицеры вермахта среднего и отчасти высшего звена, кото-

рые считали, что для успешного проведения оккупационной политики надо наладить отношения только с русским народом как с самым многочисленным и влиятельным в Советском Союзе. Национальные движения же других народов казались им слабыми и неспособными на серьезную оппозицию большевизму. Здесь следует подчеркнуть, что многие из этих офицеров оказались впоследствии замешаны в заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. Основным недостатком этой группировки было то, что при наличии большого числа сторонников она не имела ярко выраженного лидера.

Главным апологетом второй точки зрения был министр по делам оккупированных восточных областей А. Розенберг. В отличие от своих оппонентов он считал, что в СССР надо опираться прежде всего на нерусские народы и национальные меньшинства. И всю национальную политику здесь надо свести к тому, чтобы как можно глубже разъединить русских и всех остальных. В целом такая ситуация просуществовала до окончания войны и оказала существенное влияние как на развитие РОД, так и на все антисталинское движение народов России⁷.

В данном случае необходимо отметить следующее. Розенберг был не только видным теоретиком нацистской партии, но и одним из идеологов антисемитизма в Третьем рейхе. Поэтому на все, чем занималось его ведомство, так или иначе накладывался отпечаток антисемитской идеологии. И наоборот, вермахт, как один из самых консервативных институтов, был наименее всего заражен антисемитизмом. Поэтому те из офицеров германских вооруженных сил, которые старались поддерживать РОД, вообще не придавали значения “еврейскому вопросу” в его программе. Особенно рельефно такие взгляды нашли свое отражение в теории и практике Власовского движения, лидеры которого не собирались как-то специально акцентировать на нем внимание, а планировали решать его в русле межнациональных отношений “Новой России” наряду с другими подобными вопросами.

Отсутствие единого взгляда на национальную политику в СССР было не единственной особенностью немецкого оккупационного режима. Дело в том, что он только в теории представлял единый институт, управляемый из Берлина. На деле же этот режим состоял из трех практически автономных и взаимопересекающихся (территориально и административно) ветвей власти: гражданской администрации, представленной органами Министерства по делам оккупированных восточных областей, различных военных оккупационных инстанций и аппарата полиции и СС. Каждая из этих ветвей претендовала на свое, единствен-

но правильное и отличное от других, видение “восточной политики”, что приводило в реальности к жесткой конкуренции. Естественно, все это накладывало свой отпечаток и на те организации РОД, которые существовали на территории или под покровительством той или иной оккупационной администрации. И в сфере идеологии это влияние было наиболее значительным⁸.

Создание организаций, которые можно причислить к РОД, началось осенью 1941 г., сразу же после занятия немцами западных областей России. Некоторые из них возникли при непосредственной поддержке различных ветвей оккупационной администрации, некоторые – вполне самостоятельно. Многие из них не просуществовали и нескольких недель (распались сами или были запрещены немцами), другие, в том или ином виде, функционировали до конца оккупации. Разумеется, что в тех условиях большинство из них не могли в полной мере развернуть настоящую работу по партийному строительству и уж тем более выработать какую-нибудь серьезную и стройную идеологию, охватывавшую все направления и проблемы российской политической, общественной и национальной жизни. В принципе, учитывая немецкую политику в русском вопросе, такие организации были вообще исключением.

Народная социалистическая партия России (НСПР) как раз является, по целому ряду причин, таким исключением⁹. Манифест этой партии был опубликован 26 ноября 1941 г. в г. Локоть (Орловская область), который впоследствии стал центром окружного самоуправления, просуществовавшего до поздней осени 1943 г. Автором этого документа был К.П. Воскобойник, преподаватель физики в местном Лесотехническом техникуме, которого немцы назначили бургомистром (затем обер-бургомистром) Локотского района. Программа НСПР предусматривала свержение в СССР коммунистического строя, после чего началось бы его преобразование на основах национального социализма. Следует отметить, что это отграничение коммунизма от социализма прослеживается на протяжении всего манифеста. Так, явно социалистический характер программы бросается в глаза в ее экономической части. Уничтожение колхозного строя, бесплатная передача всей пахотной земли крестьянству, развертывание частной инициативы с сохранением в руках государства основных средств производства и ограничение размеров частного капитала – все это, по мнению Воскобойника и его соратников, как нельзя лучше соответствовало чаяниям широких масс населения. В политической части программы на первом плане стояла национальная идея – возрождение сильного Российского государства¹⁰.

В целом нельзя не отметить, что программа была очень эклектичной и отразила в себе всю сумму взглядов ее автора и его окружения. Антикоммунизм, например, возник, скорее всего, из личного опыта Воскобойника, который познакомился с “прелестями” советской репрессивной машины еще в начале 1930-х гг. На экономическую часть манифеста наложила свою печать либерализация, проходившая в годы НЭПа (1921–1929), а на политическую – все, что автор помнил из истории России. С другой стороны, нельзя не отметить, что программа НСПР составлялась под заметным влиянием нацизма, некоторые из установок которого пропагандировались в оккупированных областях. Наиболее сильно они проявились в экономической и политической частях программы и в таком сочетании, которое виделось лидерам Локотского самоуправления не чем иным, как своим, русским национал-социализмом¹¹.

НСПР декларировалась как русская национальная партия. Однако в ней ни слова не было сказано по национальному вопросу, тогда как вопросу еврейскому был отведен последний, двенадцатый пункт. В манифесте он звучал следующим образом: “Беспощадное уничтожение евреев, бывших комиссарами”. Но одновременно с этим обещалась амнистия “всем комсомольцам, рядовым членам партии, не запятнавшим себя издевательствами над народом, и всем коммунистам, которые с оружием в руках участвовали в свержении сталинского режима”. Разумеется, что среди последних категорий могли быть и евреи. Трудно сказать, чем была вызвана такая двойственность программы. С одной стороны, отсутствие в ней ярко выраженных расистских высказываний в сочетании с указанной избирательностью позволяют сделать вывод, что “еврейский вопрос” не был ключевым для лидеров Локотского самоуправления и возник, скорее всего, под влиянием того же антикоммунизма. С другой стороны, наличие этого пункта – дань нацистской идеологии, действие которой на манифест не было все-таки столь всеобъемлющим, так как покровителями самоуправления были структуры вермахта¹².

В конце 1943 – начале 1944 гг. все руководство Локотского самоуправления было вынуждено эвакуироваться в Лепельский район Белоруссии. Здесь новый обер-бургомистр Б.В. Каминский попытался воссоздать прежнюю политическую организацию, но уже под новым названием – Национал-Социалистическая трудовая партия России (НСТПР). Своей главной целью новая партия провозглашала “беспощадную борьбу с советской властью и установление нового строя в России”. Ее политические и экономические задачи оставались в целом

теми же, что и у предыдущей партии. Однако их основными отличиями были три следующих момента: полное отсутствие влияния идеологии нацизма, значительное внимание национальным отношениям и почти полное отсутствие акцентирования “еврейского вопроса”. В новом манифесте, конечно, есть ссылки на “палачей НКВД, главным образом из еврейства” и “еврейские интернациональные идеи”, однако это общая фразеология, а не конкретное руководство к действию¹³.

История НСТПР закончилась, в принципе, на ее манифесте и не получила дальнейшего развития. И это был не единственный подобный случай. Аналогичная судьба постигла еще одну такую же организацию – Союз борьбы против большевизма (СБПБ).

СБПБ был создан в марте 1944 г. Как говорилось в его манифесте, целью этой организации была “борьба против всех проявлений иудо-большевизма”. Штаб-квартира союза находилась в Бобруйске, здесь же находилась редакция его печатного органа – газеты “Речь”, редактором которой был М. Октан. Местные отделения союза находились на предприятиях Бобруйска, в Осиповичах, Лапичах и Пуховичах (т. е. его деятельность ограничивалась только пределами одной области)¹⁴. Первоначально это была общественно-политическая организация, однако со временем руководство СБПБ планировало создать собственные боевые отряды и постепенно военизировать ее. Прообразом вооруженных сил союза должны были стать “охранные дружины”, о создании которых было объявлено 1 апреля 1944 г. При этом было отмечено, что вступать в дружины могли далеко не все, а только “активные борцы с иудо-большевизмом”.

Надо отдать должное руководителям союза и их немецким покровителям: его деятельность не ограничилась только декларацией о создании. Уже с середины марта 1944 г. началась активная вербовка местного населения в ряды этой организации, которая сопровождалась усиленной печатной и радиоагитацией. В СБПБ призывали вступать всех желающих, однако упор все же делался на привлечение молодежи. Причем если взрослые могли входить в организацию на добровольных началах, то все молодые люди в возрасте от 10 до 18 лет должны были вступать в молодежную секцию союза в обязательном порядке. Немецкие оккупационные власти доносили в Берлин об успехах СБПБ и “массовом желании населения встать в его ряды”, однако его дальнейшее развитие было прервано советским наступлением в июне 1944 г. Руководство союза было эвакуировано в Германию, но здесь он уже воссоздан не был¹⁵.

Схожесть судьбы этих партий закономерна, и этому есть целый ряд причин. Во-первых, в условиях немецкого поражения и освобождения Красной Армией оккупированных территорий желающих вступить в подобные организации было немного. Во-вторых, не пользовавшийся полным доверием Гитлера вермахт к 1944 г. это доверие окончательно потерял. Поэтому все инициативы, которые исходили из армейских кругов, были заранее обречены на провал. В-третьих, все говорило о том, что определенные круги немецкого военно-политического руководства решили сделать ставку на так называемое Власовское движение, которое должно было стать единственной объединяющей организацией РОД – был уже 1944-й год, а не 1941-й, и расплыть силы, противопоставляя одних другим, уже не было смысла.

С Власовским движением связан второй этап в развитии РОД и вообще антисталинского протеста в период Второй мировой войны. С появлением этого движения РОД получило более или менее законченную идеологию, а к окончанию войны – организацию, которая декларировалась как “Временное правительство новой России”. Но вначале немного истории.

Власовское движение получило свое название и было неразрывно связано с именем бывшего генерал-лейтенанта Красной Армии А.А. Власова, который в июле 1942 г. попал в плен к немцам на Волховском фронте. Находясь в лагере военнопленных, Власов изъявил желание сотрудничать с некоторыми представителями германского командования, которые, в противовес убежденным нацистам, выступали за союз с некоммунистической Россией, а также готовили убийство Гитлера и государственный переворот с концептуальным изменением целей войны. В обмен на сотрудничество он просил поддержки в деле “освобождения России от большевиков”. Власов намеревался создать правительство новой независимой России, “свободной от большевиков и капиталистов”, а его вооруженными силами должна была стать антисталинская Русская освободительная армия – РОА.

Одним из первых шагов в этом направлении стала разработка листовки – “Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему Русскому народу и другим народам Советского Союза”. Она была напечатана в Берлине 27 декабря 1942 г. и подписана Власовым (председатель Русского комитета) и другим пленным советским генералом – В.Ф. Малышкиным (секретарь комитета). В этом “Обращении”, которое получило название “Смоленского манифеста” (считалось, что именно там, поближе к России и к тем, кому адресовалось, оно и было

написано), провозглашалось создание нового правительства – Русского комитета (который так и остался на бумаге) и его вооруженных сил – РОА. Главной целью их существования являлось “свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма”¹⁶.

Естественно, что этот документ был одним из многих ходов немецкой стороны в психологической войне против СССР. Вместе с тем, это первый вариант программы Власовского движения. Однако своей популярностью в некоторых слоях населения на оккупированных советских территориях генерал Власов обязан не ему. Широкую известность его имя получило в связи со следующим по времени пропагандистским шагом немцев – появлением открытого письма Власова “Почему я встал на путь борьбы с большевизмом?” (3 марта 1943 г.)¹⁷.

До лета–осени 1944 г. это были два базовых документа, на основе которых и сложилась программа Власовского движения. Здесь следует сказать, что идеология – наиболее запутанная и малоизученная страница в истории этого антисталинского течения. В наследство от советской историографии нам достался тезис (его вольно или невольно повторяют многие современные историки), что Власов и все, кто за ним пошел, вовсе не имели какой-либо идеи. На самом деле это не так. Идеология и программа Власовского движения прошла два этапа развития. Первый из них (зима 1942 – лето 1944 гг.) связан с именем майора М.А. Зыкова, для которого было характерно отрицание практики сталинского правления с опорой на базовые ценности марксизма-ленинизма. В качестве программы на этом этапе выдвигались только самоочевидные требования: уничтожение режима террора и насилия, ликвидация колхозов, предоставление интеллигенции права свободного творчества и т. д. Все это нашло свое отражение в “Смоленской декларации” и “Открытом письме”¹⁸.

Второй этап (лето 1944 – весна 1945 гг.) связан с идейной ориентацией на правую эмигрантскую организацию Национально-трудовой союз (НТС), для которого характерно последовательное отрицание теории и практики большевизма, более четкая и развернутая картина будущего. Главным и основополагающим документом этого этапа, итоговой программой Власовского движения стал так называемый “Пражский манифест” Комитета освобождения народов России (КОНР) от 14 ноября 1944 г. В его четырнадцати пунктах провозглашалось возвращение к свободе, завоеванной народами России в феврале 1917 г., построение правового государства, решение национального вопроса на основе демократического волеизъявления народов и т. п.¹⁹

Такой в целом была программа сторонников генерала Власова, которая к концу 1944 г. позволила им занять лидирующее положение в РОД, а затем и во всем Освободительном движении народов России. Если сравнивать ее с программами других антикоммунистических организаций, речь о которых шла выше, то можно найти много общего. Их составляли, в принципе, одни и те же люди, с одинаковым политическим опытом и в одинаковых военно-политических условиях. В задачи данного исследования не входит анализ причин, по которым движение генерала Власова заняло со временем лидирующее положение. Однако подчеркнем, что ни в одном из официальных документов, вышедших из его среды, нет и намек на “еврейский вопрос” как самостоятельную проблему для будущей послесталинской России или на какие-нибудь меры дискриминационного характера против еврейского народа. В целом эти теоретические установки наложили свой отпечаток и на практику Власовского движения, которая в условиях войны выражалась, прежде всего, в пропагандистском обеспечении некоторых немецких акций и участии в вооруженной борьбе против Красной Армии и коммунистических партизан. Однако и в этом случае степень причастности власовцев к антиеврейской политике нацистов значительно ниже, чем, например, у сторонников упоминавшихся выше НСПР и СБПБ.

Как известно, на оккупированных немцами территориях западной России – в Смоленске, Брянске, Орше, Невеле, Старой Руссе и других городах – проживало значительное еврейское население. После начала оккупации, как и везде, оно было ограничено в правах со всеми вытекающими из этого последствиями, причем во многих случаях инициаторами этих ограничений выступали органы местного самоуправления. Осенью – зимой 1941 г. во многих крупных городах создавались гетто, жители которых были уничтожены в течение 1941–1943 гг. Известно, что почти во всех этих акциях участвовала так называемая “русская полиция”, многие представители которой “прославились” своей жестокостью по отношению к мирному еврейскому населению²⁰. С другой же стороны, ряд исследователей отмечает, что большинство русского населения отрицательно относилось к подобным мероприятиям. В западно-русских областях практически не было еврейских погромов, учиненных местными жителями, как, например, это имело место в Прибалтике и Украине²¹.

Естественно, что вся коллаборационистская печатная продукция, выходившая на этих территориях, должна была в обязательном порядке затрагивать “еврейский вопрос”. Однако такое положение вещей сущес-

твовало на всех оккупированных советских территориях, и ни одна газета не могла оправдать в глазах оккупационных властей своего существования, если в ней не было материалов о “еврейском заговоре”, “еврейских комиссарах” и тому подобных вещах²². Следует подчеркнуть, что все эти выступления носили стандартный характер и не выходили за рамки “обычных” проявлений немецкого оккупационного режима. То есть следствием деятельности какой-либо организации РОД или выполнением пунктов ее программы их назвать нельзя. Если же подобные случаи и имели место, то они не приобретали такие крайние формы, как на других оккупированных немцами территориях (не только в СССР, но и в Западной, и Восточной Европе), где имелось местное самоуправление.

В качестве примера можно привести законодательство уже упоминавшегося Локотского самоуправления. Что касается осуществления прав и свобод граждан, то ему было, конечно, далеко до правового государства. Очевидно, здесь сказалось влияние нацизма, отразившееся как в уставе, так и в программе НСПР. Так, явными признаками антисемитизма отличалось трудовое право округа. В частности, его §9 под названием “Жидовская рабочая сила” гласил: “*Статья 23.* Жиды получают 80 % основной заработной платы, установленной тарифной ставкой. Выплата каких-либо надбавок к заработной плате для жидов запрещается. *Статья 24.* Жиды получают питание из производственных столовых, вычет из него производится на общих основаниях”²³.

Согласно инструкциям заведующего окружным отделом юстиции, запрещались браки между евреями и неевреями. Оформить развод с евреем, даже по одностороннему желанию одного из супругов, можно было в считанные минуты, в то время как разводы на территории Локотского округа были запрещены вообще, за исключением особых, из ряда вон выходящих случаев. Организовывались и еврейские гетто. В своей записке, направленной в январе 1943 г. начальнику штаба Русской освободительной народной армии (вооруженные силы округа) И. Шавыкину, бургомистр Локотского района М. Морозов сообщает об изоляции в таком гетто своего переводчика Абрама Вронского-Блюм и просит выделить на эту должность другого человека. Известна и его дальнейшая судьба. В списке рабочих и служащих канцелярии бургомистра, составленной 1 февраля 1943 г., А. Вронский-Блюм значится выведенным из штата в связи со смертью. Имели место и массовые казни. Согласно послевоенным документам органов советской госбезопасности, особой ненавистью к евреям отличался начальник полиции

Суземского района Прудников, на совести которого сотни расстрелянных. Пропагандистским обеспечением подобных акций в Локотском округе занималась его центральная газета “Голос народа”, почти во всех номерах которой публиковались статьи антисемитского содержания²⁴.

Американские историки М. Геллер и А. Некрич писали по поводу идеологии Власовского движения: “Оно было явлением очень сложным, возникшем в исключительно неблагоприятных исторических обстоятельствах, и это наложило на него неизгладимый отпечаток. Сложность времени нашла свое выражение в документах движения, в выступлениях его руководителей и прочем. Решившись стать союзниками нацистов, они вынуждены были придерживаться определенных правил, платить политическую дань гитлеризму. Но, вероятно, не только этим объясняются антисемитские высказывания ряда видных власовцев...”²⁵

Все это верно и неверно одновременно, особенно в том, что касается отношения генерала Власова и его сторонников к “еврейскому вопросу”. Возникнув позже всех остальных течений РОД, но в конце концов возглавив его, Власовское движение, вольно или невольно, приняло на себя все грехи его остальных участников. Известно, что многие коллаборационистские формирования, которые участвовали в карательных акциях против партизан и мирного населения (и еврейского в том числе), носили названия “частей РОА”. Под этим названием многие эти подразделения и вошли в историю Холокоста. Однако на самом деле здесь не все так просто, как кажется.

Здесь, на наш взгляд, следует сделать отступление и выяснить, что же все-таки представляла собой РОА, разобраться с этим вроде бы хорошо известным и вместе с тем неизвестным термином. Еще А.И. Солженицын в свое время писал, что искать определение этого термина “было для лиц неофициальных – опасно, для официальных – нежелательно”²⁶. Поэтому до сих пор, даже в серьезных исторических исследованиях, посвященных Второй мировой войне, бытует мнение, что “РОА – власовская армия”, возникла она сразу же после провозглашения ее в “Смоленском манифесте” и просуществовала без изменений до конца войны.

Все это не так. Как уже можно понять из истории появления манифеста, РОА связывалась с именем Власова только в пропагандистском отношении. Но даже и РОА как оперативного формирования, подчиненного Власову, никогда не существовало, ее... вообще не существовало. Не началась ее организация и после опубликования “Смоленского манифеста”. Только позднее, весной 1943 г., почти все “восточные доб-

ровольческие формирования” вермахта, укомплектованные русскими добровольцами, стали называться “батальоны РОА”. Ни Власов, ни его окружение не имели никакого отношения к созданию, формированию, боевому использованию и командованию этими батальонами уже по той простой причине, что они начали создаваться в августе-сентябре 1941 г., когда Власов еще защищал Киев. В подтверждение этих слов ныне покойный немецкий историк Й. Хоффманн писал автору, что “все солдаты русской национальности могли считать себя с 1943 г. бойцами РОА – в данном случае... речь, в первую очередь, шла только о пропаганде”²⁷.

Если же следовать фактам, то “Власовской армией” в полном смысле этого слова можно назвать только Вооруженные силы КОНР (ВС КОНР), которые были созданы после провозглашения этой организации (Прага, 14 ноября 1944 г.) и просуществовали до мая-июня 1945 г. До этого момента Власов не имел права приказывать даже рядовому якобы своей армии²⁸. Так что, если где-то написано, что в уничтожении мирного населения принимали участие “формирования РОА”, этому не всегда стоит верить.

Аналогичным образом обстоит дело и с пропагандой. Начиная с марта 1943 г., редакторы многих газет на оккупированных территориях (например, симферопольская газета “Голос Крыма”) объявили себя сторонниками Власовского движения. Они начали аккуратно перепечатывать все его программы, публиковать статьи о нем и т. п. Однако параллельно с этим на страницах этих газет продолжала появляться самая грубая антисемитская пропаганда. Как объяснить этот парадокс? Дело в том, что с согласия своих немецких хозяев эти газеты могли объявлять себя приверженцами кого угодно. Хоть и генерала Власова. К тому же, в середине 1943 – начале 1944 гг. это можно было делать безболезненно, так как даже сами немцы считали генерала всего лишь пешкой в своих пропагандистских акциях. Однако, когда они поняли, что сторонники Власова преследуют свои, национальные цели, и они не всегда совпадают с целями Германии, служба безопасности (СД) стала запрещать публиковать материалы об этом движении и даже распространять его газеты в лагерях “восточных рабочих”. Эта тенденция, например, хорошо прослеживается по отчетам фюрера полиции и СС “Таврия”²⁹.

В прессе же именно Власовского движения первого этапа – в газетах “Заря” и “Доброволец” – вообще не было антисемитских материалов! В конце концов это привело к конфликту и с Министерством пропаганды, и с ведомством Розенберга, и с СД, возмущение которых вызвал тот факт, что эти органы печати вообще “не ведут антисемитской воспита-

тельной работы”. Выход из положения нашел главный редактор газет М. Зыков, который стал помещать в них антиеврейские статьи, но с пометкой “перепечатано из немецкой прессы”. По его мнению, это вполне можно было делать без ущерба для авторитета движения, так как советский человек умел читать между строк и сразу бы понял, что содержание этих материалов не отражает позицию редакции³⁰. Впоследствии такая традиция была продолжена уже в официальном органе КОНР – газете “Воля народа” (1944–1945 гг.). Ни в одном из ее номеров нет и намека на “еврейский вопрос”³¹.

Еще одним обвинением против Власовского движения является то, что в школе пропагандистов “Дабендорф”, созданной под эгидой вермахта и с марта 1943 по лето 1944 гг. являвшейся, по сути, единственной легальной структурой движения, слушатели обучались по программам, в которых “повторялись все зады нацистской антиеврейской пропаганды”. Это действительно так. Программа школы содержала две темы, которые были посвящены “еврейскому вопросу” вообще и истории евреев в России в частности³². Однако и здесь, как и в случае с газетами движения (которые, кстати, выходили, при этой школе), дело заключалось в той “дани гитлеризму”, о которой писали М. Геллер и А. Некрич. Школа действительно подчинялась вермахту, а его представитель – немецкий начальник курсов лейтенант Г. фон дер Ропп – даже заявил слушателям, что “«еврейский вопрос» хоть есть в программе нацизма, но к русским он не имеет отношения”. Однако в школе, как и во всех подобных заведениях, находились представители СД и гестапо. Поэтому надо было соблюдать правила игры³³.

На самом же деле пропагандисты, окончившие эту школу, не выходили оттуда антисемитами. Так, по свидетельству одного из советских военнопленных, власовский пропагандист, выступавший в его лагере, сказал следующее: “Мы не собираемся копировать немцев в «еврейском вопросе». Несколько миллионов еврейского населения в СССР являются такой же этнической группой в общей массе, как и калмыки, украинцы, татары, поляки и т. д. Они полноправные члены многонационального сообщества народов, населяющих СССР, и такими же останутся, когда вместо СССР будет та Россия, за которую мы боремся”³⁴.

Конечно, такие заявления ее выпускников не могли не вызвать разнообразных, иногда полностью фантастических обвинений в адрес руководства школы пропагандистов. Один из немецких сторонников Власовского движения В. Штрик-Штрикфельдт в своих воспоминаниях привел пример такого обвинения. В целом они сводились к следую-

щим моментам: “Дабендорф – коммунистическое гнездо. В Дабендорфе – антигерманские и антинационал-социалистические настроения. В Дабендорфе нет ни одного портрета фюрера. Дабендорф – убежище для жидов и поляков, шпионов и уголовников и т. п.”³⁵

Что же касается личной позиции генерала Власова, то ни один из документов не свидетельствует о том, что он был антисемитом. Более того, по словам эмигранта, бывшего колчаковского офицера профессора Белимовича, “еврейский вопрос” никогда не поднимался ни в интервью Власова, ни в других публикуемых официальных документах. Естественно, бывший советский генерал высказывался по поводу этого вопроса, однако это всегда происходило частным образом. Но даже из этих высказываний видно, что решать его он предполагал в русле обычной национальной политики, ни в коем случае не выделяя евреев из числа других народов России. “У меня вы найдете и старых эмигрантов, и бывших коммунистов... и русских, и армян, и грузин, и татар, вот только недостает мне евреев, но это не по моей вине, – говорил Власов профессору Белимовичу. – Скажу откровенно, я не разделяю антисемитских увлечений. Это немецкая, а не русская позиция. Мы всегда были терпимы ко всем народностям, и в этом наша особенность. Не стоит отрекаться от этого. Сколько раз немцы приставали ко мне, выскажись да и только по “еврейскому вопросу” в духе Геббельса, а я... – наотрез отказался... Разве прилично делать выступления против евреев после проведенного гитлеровцами их физического уничтожения и при предательском отношении к ним советской власти во время войны?”³⁶

В целом таких взглядов придерживались все его соратники. Поэтому ничего удивительного, что в “Пражском манифесте” нет никакого упоминания о евреях: права всех граждан будущей некоммунистической России гарантируются в одинаковой мере без учета их национальной принадлежности. Анализируя манифест, одна из швейцарских газет того времени констатировала, что в нем и в прессе всего движения принципы демократии сформулированы с такой “классической ясностью”, которая не всегда имела место в условиях демократических движений прошлого. Естественно, приятно поразило швейцарского журналиста и то, что в манифесте не было и намек на антисемитизм. Признание более чем существенное, так как в Германии того времени, чтобы не говорить о евреях, недостаточно было не быть антисемитом³⁷.

Что известно об отношении евреев к РОД вообще и к генералу Власову в частности? Этот вопрос не менее важен, чем отношение последних к евреям. Дело в том, что после окончания войны на бывших

власовцев посыпался целый ряд обвинений, суть которых заключалась в следующем: “раз вы воевали на стороне нацистов, значит, вы не могли не быть антисемитами по определению”. Выше уже было приведено достаточно аргументов в пользу того, что антисемитизм не был интегральной частью (да и вообще не был присущ) власовской идеологии³⁸. В связи с этим добавим следующее. По словам одного из священников, занимавшихся духовным окормлением военнослужащих РОА, протоиерея Д. Константинова, во Власовском движении и в его вооруженных силах было и некоторое количество евреев. Так, в армии они служили под видом армян, грузин, персов, арабов. Спасать евреев подобным образом удавалось благодаря поддержке антинацистски настроенных немецких офицеров. По свидетельству же российского историка К. Александра, несколько евреев даже занимали командные должности в ВС КОНР. Так, согласно его утверждениям, их было двое: начальник отделения агентурной разведки штаба ВС КОНР капитан Н.Ф. Лапин и командир комендантской роты при штабе 2-й дивизии ВС КОНР поручик К.Н. Махнорылов. Оба они служили в Красной Армии, попали в плен, вступили в РОА, а после войны были выданы западными союзниками в СССР, где получили срок в сталинских лагерях³⁹.

Но, наверное, самым известным евреем во Власовском движении и, по сути, одним из его главных идеологов, следует считать уже неоднократно упоминавшегося М.А. Зыкова. Так как это его ненастоящая фамилия, о нем известно лишь, что он был ближайшим сотрудником Н.И. Бухарина по газете “Правда” и к генералу Власову примкнул вполне сознательно. Именно он, фактически, был автором и “Смоленского манифеста”, и “Открытого письма” генерала, а до осени 1944 г. – единственным редактором всех власовских газет. Именно на него были нацелены все доносы, в которых писалось, что “Дабендорф стал убежищем для жидов”. В конце концов он бесследно исчез. Ходили слухи, что его выкрало гестапо. О том, что это был действительно незаменимый сотрудник РОД, говорят в своих воспоминаниях все его бывшие участники – и русские, и немецкие. Некоторые это делают с явной неохотой (из антикоммунистических, но не антиеврейских побуждений!), но тем не менее почти все цитируют слова Власова, который как-то сказал (опять касаясь еврейской темы): “Я бы хотел, чтобы у нас было много Зыковых!”⁴⁰

Русское освободительное движение периода Второй мировой войны, как и вообще антисталинский протест народов России, было очень сложным и противоречивым явлением, возникшем в крайне непростых

и неблагоприятных исторических условиях. Все это, естественно, наложило отпечаток на его идеологию, которая складывалась под влиянием многих факторов, имевших корни как в прошлом, так и настоящем. Одним из пунктов этой идеологии, как в капле воды отразившим всю ее эволюцию, стал “еврейский вопрос”. Следует сказать, что, вопреки всей своей актуальности в российской истории, он тем не менее не стал ключевым для лидеров и участников РОД. И это несмотря на то, что идеология движения складывалась в условиях явного доминирования нацистской антисемитской доктрины. В программах тех течений РОД, которые возникли на оккупированных советских территориях, “еврейский вопрос” еще фигурировал как самостоятельный пункт. С началом же доминирования Власовского движения он и вовсе был снят с повестки дня. Его предполагалось решать наряду с другими подобными вопросами в русле межнациональных отношений. Несомненно, в оккупированных областях России имели место антиеврейские эксцессы. Участвовали в них и местные жители, обычно как служащие так называемой “русской полиции”. Однако ни одна из массовых акций по уничтожению еврейского населения не проходила от имени русского национального самоуправления во исполнение какой-либо антисемитской программы. Что касается Власовского движения, программа которого с лета 1944 г. стала доминирующей в РОД, то все обвинения в антисемитизме в его адрес являются фактически голословными. Ни его лидеры, ни рядовые участники в основной своей массе не придерживались таких взглядов.

¹ Тишков А.В. Предатель перед советским судом // Советское государство и право. – 1973. – № 2. – С. 89–98; Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Иуды (Власовцы на службе у фашизма) // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 6. – С. 68–81.

² Thorwald J. Wen sie verderben wollen. Bericht des grossen Verrats. – Stuttgart, 1952; Fischer G. Soviet Opposition to Stalin. – Harvard, 1952; Steenberg S. General Wlasow: der Führer der russische Befreiungsarmee – Verräter oder Patriot. – Rastatt, 1986; Хоффманн Й. История Власовской армии. – Париж, 1990; Андреева Е.Н. Генерал Власов и Русское освободительное движение // Дружба народов. – 1991. – № 5. – С. 170–205.

³ Кромиади К.Г. За землю, за волю... – Сан-Франциско, 1980; Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. – М., 1993; Казанцев А.С. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. – М., 1994; Frölich S. General Wlassow. Russen und Deutsch zwischen Hitler und Stalin. – Köln, 1987.

⁴ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. – СПб, 2001; Его же. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. – СПб., 2003; Дробязко С.И., Ермолов И.Г. Антипартизанская республика. – М., 2001; Дробязко С.И. Под знаменами врага. – М., 2005; Чуев С.Г. Проклятые солдаты. М., 2004; Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. – М., 2004.

⁵ Андреева Е.Н. Указ. соч. – С. 172.

⁶ Хольмстон-Смысловский А. Избранные статьи и речи. – Буэнос-Айрес, 1953. – С. 5. Говоря о первой группе течений РОД, автор не имеет в виду такие эмигрантские организации, как Русский общевоинский союз, Младороссы и т. п. В данном случае речь идет о тех группах освободительного движения, которые только вышли из их среды. Так здесь, в первую очередь, следует назвать Русский корпус в Сербии и 1-ю Русскую национальную армию. В организационном плане это были вполне серьезные структуры. Однако в идейной сфере их влияние на РОД было минимальным.

⁷ Alexiev A. Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941–1945. – Santa Monica, 1982. – P. 3–8; Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945: A Study of occupation policies. – London, 1957. – P. 46–58.

⁸ Более подробно о структуре всех форм немецкой оккупационной администрации на территории СССР см., напр.: Залесский К.А. Вожди и военачальники третьего рейха: Биографический энциклопедический словарь. – М., 2000; Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). – М., 1974; The German Police / Ed. by A. J. Munoz. – New-York, 1997.

⁹ В статье нами рассматриваются только те партии, которые (более или менее самостоятельно) возникли на оккупированной советской территории. Программы партий, которые были созданы по инициативе немецких спецслужб, не представляют, на наш взгляд, интереса для данного исследования.

¹⁰ Ковалев Б.Н. Указ. соч. – С. 322–323.

¹¹ Анализ программы партии произведен по публикации: Кудряшев С. Была и такая партия // Родина. – 1993. – № 11. – С. 52–53.

¹² Дробязко С.И., Ермолов И.Г. Указ. соч. – С. 7 (нумерация страниц дана по рукописи, хранящейся в архиве автора).

¹³ Там же. – С. 35.

¹⁴ Фактически эта партия была создана на территории восточной Белоруссии. Однако ее принадлежность к Русскому освободительному движению не вызывает сомнений.

¹⁵ Чуев С.Г. Указ. соч. – С. 267–271.

¹⁶ Государственный архив Автономной Республики Крым (далее – ГААРК), ф. П-156, оп. 1, д. 25, л. 80.

¹⁷ Полный текст письма см., напр.: Голос Крыма (Орган Симферопольского городского управления). – 1943. – № 33. – 18 марта.

¹⁸ Цурганов Ю. Власовское движение. Известные оценки и малоизвестные альтернативы // Посев. – 2001. – № 6. – С. 3.

¹⁹ Хоффманн Й. Указ. соч. – С. 316–321. Следует сказать, что отношение НТС к еврейскому вопросу было сложным и неоднозначным. Так, в довоенных программах этой организации он вообще не упоминался. С началом войны в них появился пункт о том, что после свержения советской власти “евреи должны быть изгнаны из политической жизни”. За это, кстати, помимо всего прочего, с представителями НТС и отказывался сотрудничать власовский идеолог М. Зыков. Но и они сами понимали всю опасность этого тезиса. Поэтому во всех власовских документах второго периода истории этого движения, когда оно уже идейно ориентировалось на НТС, нет и следа такого антисемитизма. По свидетельству целого ряда фактов, НТС “приложил руку” еще к одной программе РОД – уже упоминавшемуся манифесту НСТПР. Однако, как мы видели, антиеврейские выпады этого документа носили скорее абстрактный характер. После войны члены РОД были вынуждены многократно извиняться за этот тезис. В целом они настаивали на том, что и это был обычный “реверанс” в сторону нацистов.

²⁰ Ковалев Б.Н. Указ. соч. – С. 240–250.

²¹ См., напр.: Солженицын А.И. Двести лет вместе: В 2 ч. – М., 2002. – Ч. 2. – С. 377.

²² Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. – М., 2002. – С. 135–149.

²³ Дробязко С.И., Ермолов И.Г. Указ. соч. – С. 6.

²⁴ Там же. – С. 6.

²⁵ Геллер М.Я., Некрич А.М. История России 1917–1995: В 4 т. – М., 1996. – Т. 1. – С. 479–480.

²⁶ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. – Ч. 1 // Его же. Малое собрание сочинений: В 7 т. – М., 1991. – Т. 5. – С. 160.

²⁷ Архив автора. – Письмо Й. Хоффманна (Эбринген, ФРГ) от 20 июня 2000 г. (на немецком языке). – Л. 2.

²⁸ Архив автора. – Письмо К.М. Александрова (С.-Петербург, Россия) от 29 августа 2000 г. – Л. 1–2.

²⁹ ГААРК, ф. П-156, оп. 1, д. 26, л. 34.

³⁰ Штрик-Штрикфельдт В.К. Указ. соч. – С. 178–179.

³¹ Анализ публикаций власовской прессы проведен на основе коллекции документов В.В. Позднякова, хранящейся в Федеральном военном архиве ФРГ (Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg, Deutschland), MSg 149, Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung).

³² Околоков А.В. Учебные структуры РОА, казачьих частей и ВС КОНР // Материалы по истории Русского Освободительного Движения. – М., 1999. – Вып. 4. – С. 168.

³³ Штрик-Штрикфельдт В.К. Указ. соч. – С. 317.

³⁴ Цит. по: Архив автора. – Люлечник В. Неизвестный генерал Власов (рукопись). – Л. 4.

³⁵ Штрик-Штрикфельдт В.К. Указ. соч. – С. 271–272.

³⁶ Цит. по: Поздняков В.В. Андрей Андреевич Власов. – Сиракузы, США, 1973. – С. 203.

³⁷ Казанцев А.С. Указ. соч. – С. 265.

³⁸ Fischer G. Op. cit. – P. 152.

³⁹ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова... – С. 193–194, 207–208.

⁴⁰ О М.А. Зыкове см., напр.: Штрик-Штрикфельдт В.К. Указ. соч. – С. 131–133, 316.

Процес депортації єврейського населення Північної Буковини 1941–1942 рр. як складова антиєврейської політики румунської окупаційної влади

Голокост на території Північної Буковини в період Другої світової війни досі залишається актуальною й малодослідженою темою в українській історіографії. Незважаючи на те, що в пострадянський період стали доступними для науковців чимало архівних фондів, які проливають світло на дії німецько-румунських окупантів, однак геноцид буковинського єврейства лише побіжно згадується в узагальнюючих дослідженнях з історії України, Буковини періоду Другої світової війни.

Після здобуття Україною незалежності побачили світ ґрунтовні дослідження І. Левітаса¹, С. Єлисаветського², О. Круглова³, але доля буковинського єврейства в роки війни в них розглядається лише побіжно. Треба наголосити, що О. Круглов подає багато задокументованих фактів, детальну статистику про злочини проти буковинських євреїв, часто посилається на матеріали роботи Мататіаса Карпа. Важливою є робота І.А. Альтмана “Холокост и еврейское Сопротивление на оккупированной территории СССР”⁴. У ній у рамках загальної характеристики румунської зони окупації частина матеріалу присвячена геноциду євреїв на Буковині. Матеріали монографій Л. Сушона “Транснистрия: евреи в аду...”⁵, Л. Дусмана “Помни! Не повтори!”⁶, Ю. Фішера “Транснистрия: забытое кладбище”⁷ частково висвітлюють ситуацію довкола буковинських євреїв, яких було депортовано в табори Транснистрії румунською владою в 1941–1942 рр. Так, робота Л. Сушона була написана на основі багатьох раніше не опублікованих документів та спогадів. Автор детально проаналізував усі аспекти перебування буковинських євреїв у Транснистрії. Л. Дусман у своїй роботі більше уваги приділив подіям в окремо взятих таборах і гетто Транснистрії, проаналізував діяльність адміністрації губернаторства. Ю. Фішер особливо ретельно дослідив положення в Транснистрії румунського та румуномовного єврейства з Буковини, а також показав відмінність у становищі радянських і буковинських євреїв.

Незрівнянно більше зроблено досліджень і опубліковано щодо цієї проблеми румунською, англійською, німецькою мовами. Проте, на жаль,

поки що значна частина зарубіжних видань для багатьох залишається недоступною з різних причин (відсутність професійного перекладу, інформаційна ізоляція і т. ін.).

Нами були використані лише основні публікації, що вийшли в Румунії, США. Насамперед треба відзначити роботу Мататіаса Карпа (*Carte neagra. Suferintele evreilor din Romania. 1940–1944*), три томи якої вперше побачили світ у 1946–1948 рр. і перевидавалися в 1994 р. в Будапешті та в 1996 р. в Бухаресті⁸. У третьому томі під назвою “Транснїстрія” детально подано в хронологічній послїдовності процес депортації буковинських євреїв до таборів Транснїстрії, а також вміщено ряд документів.

У монографії доктора історії Раду Іоанїда “*The Holocaust in Romania. The Destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu Regime, 1940–1944*”⁹ значна частина матеріалу присвячена депортаціям єврейського населення з Буковини і подїям у Транснїстрії, глибоко проаналізовані рішення і дії румунської влади в Одесї, Бухаресті та на місцях. Збірка документів за редакцією М. Розен, Л. Бенджамін, С. Станчіу, опублікована в 1993 р. в Бухаресті, містить антисемїтські закони, рішення міністерств, накази диктатора І. Антонеску, циркуляри різних рівнів румунської влади в період з 1938 по 1944 рр., що частково проливають світло на причини, умови, перебіг і наслідки депортації буковинського єврейства до Транснїстрії¹⁰. Заслужують на увагу публікації І. Калафечіану, Л. Бенджамін, О. Веренка та інших на сторінках румунських і англломовних видань¹¹. З доступних нам німецькомовних видань слід відмітити роботу Volk Ekkhard “*Transnistrien und Odessa: 1941–1944*”¹².

Автор статті ставить за мету реконструювати процес депортації євреїв з Північної Буковини до Транснїстрії в 1941–1942 рр., з’ясувати, чому румунська влада прийняла рішення депортувати більшу частину буковинських євреїв у Транснїстрію, хто приймав це рішення і якою була мотивація, проаналізувати, за яким критерієм відбиралися люди для депортації, показати, як організаційно відбулися три хвилі депортацій буковинських євреїв, наскільки ефективними вони були і якою була реакція єврейської громади на депортації та роль юденрату у їх реалізації.

Дослідження ґрунтується на опублікованих на пострадянському просторі та за кордоном документах, на матеріалах, що були видані в 1991–1996 рр. Чернівецьким товариством єврейської культури ім. Е. Штейнбарга та документах Чернівецького обласного державного архіву [ДАЧО] (фонд № 653 “Матеріали Комісії по розслідуванню зло-

чинів з боку німецько-румунських окупантів у 1941–1945 роках на території Чернівецької області”; фонд № 307 “Губернаторство провінції Буковина”).

У першій половині липня 1941 р. паралельно з військовою окупацією Північної Буковини на території краю, а саме в Новоселиці, Сокирянах, Сторожинці, Герці, Чудеї, Садгорі, Лужанах, Вашківцях, Вижниці та в інших населених пунктах румунська влада розпочала концентрацію єврейського населення, що стало початком першої хвилі депортації. Наприклад, у м. Сторожинець вже 10 липня було зігнано приблизно 2500 євреїв з довколишніх сіл Банилів, Буденець, Жадова, Берегомет, Панка¹³.

Про наміри та способи здійснення депортації румунською владою свідчать слова Міхая Антонеску (брата Іона Антонеску), заступника голови Ради міністрів, який на засіданні румунського уряду 8 липня 1941 р. безапеляційно промовив: “...Я наполягаю на примусовій еміграції всього єврейського елементу з Бессарабії та Буковини, який необхідно викинути за межі кордонів... Мені байдуже, якщо історія буде вважати нас варварами... Прошу бути вас неблаганними... Прийшов час, коли ми стали господарями нашої території й потрібно цей момент використати. Якщо потрібно – будете стріляти з автоматів”¹⁴. З другої половини липня 1941 р. окупанти розпочали “очищення” краю від євреїв шляхом їхньої депортації за Дністер.

Проаналізувавши накази Іона Антонеску, рішення Ради міністрів, розпорядження військової та цивільної влади на Буковині¹⁵, можна виокремити такі основні причини депортації буковинського єврейства: це була одна з основних складових плану вирішення “єврейського питання” в Румунії; у документах завжди фігурує теза “для очищення Північної Буковини від єврейсько-комуністичного режиму”, тобто ідеологічно нав’язувалося, що єврейство підтримує ворога – радянську владу; витіснення єврейського населення з економічного життя краю шляхом звичайного грабунку.

У румунських офіційних документах, які стосуються депортації єврейського населення Північної Буковини, завжди вживається слово “евакуація”, коли насправді мова завжди була про примусову депортацію євреїв у табори Трансністрії, що загрожувало їм смертю. Так, у звіті губернатора Буковини генерала Корнелія Калотеску Раді міністрів Румунії від 14.03.1942 р. № 485¹⁶ та в його листі генеральному штабу румунської армії від 11.10.1942 р. № 597313 про здійснення губернаторством депортацій у 1941–1942 рр., у яких загинуло 90 % вигнаних буковинських

євреїв, всюди вживається термін “евакуація”¹⁷. У довідках ув’язнених у таборах і гетто також було написано “евакуйований”¹⁸. Румунська влада свідомо називає депортацію “евакуацією”, хоча по суті це було сплановане знищення безвинних людей.

Проти депортації буковинських євреїв румунською владою виступав і тодішній примар Чернівців Троян Попович. У своїх спогадах у розділі “Депортація” він пише: “Евакуацію євреїв, як вона називається офіційно, я називаю депортацією. Евакуація дозволяє зберегти населення від люті ворога, від розбоїв, це турбота по збереженню його від знищення... Вона продиктована моральними, етичними інтересами суспільства. Евакуація по суті не знає ненависті, а навпаки – любов до ближнього. Евакуація євреїв з Буковини немає жодної ознаки з вище перерахованих. Вона продиктована зненавистю, з єдиною метою, щоб таким шляхом позбутися їх, знищити їх. У такому випадку евакуація має характер депортації”¹⁹.

Безпосередньо депортації розпочалася 13 липня 1941 р. вигнанням євреїв із Сокирянського та Кельменецького районів²⁰. 18 липня румуни намагалися переправити на територію, окуповану Угорщиною, євреїв з Лужан, а коли це їм не вдалося, погнали їх на схід²¹. 20 липня на схід відправили євреїв з Новоселиці, 23–26 липня – зі Сторожинця і Вашківців, 1 серпня – з Хотина²². Євреїв перших двох районів румунам вдалося разом з євреями північних районів Молдавії наприкінці липня переправити через Дністер у Вінницьку область²³. Євреї з інших районів були пригнані до Дністра на початку серпня, коли німецька сторона вже прийняла міри та заборонила їхню переправу. Через це доправити євреїв у Могилів-Подільський виявилось неможливим, що стало причиною вбивства румунськими жандармами частини євреїв. Так, у ніч з 4 на 5 серпня поблизу міста Атаки (Молдавія) були розстріляні 210 євреїв із 300, половина з яких були зі Сторожинецького повіту. 6 серпня жандарми з 23-ої поліцейської роти розстріляли і кинули у Дністер ще 200 євреїв²⁴.

У зв’язку з цим основна частина депортованих євреїв (майже 20 тисяч) була тимчасово розміщена в таборах, утворених у Північній Бессарабії, у Сокирянах та Єдинцях. Про події, що призвели до такої ситуації, дізнаємося із донесення претора Другої румунської армії підполковника Ж. Поїтевіна головному претору генералу І. Топору. Так, 5.08.1941 р. Поїтевін телеграфом доповідав, що “...у ніч з 4 на 5 серпня цього року по шосе Ліпник-Атаки пройшли приблизно 20 тисяч євреїв з Хотина і Сторожинця. Переправити їх у Могилів неможливо, оскільки

німці не дозволяють. Був виданий наказ про їхнє повернення відповідними легіонами. Прошу наказати інспектору в Чернівцях припинити евакуацію євреїв²⁵. У донесенні 06.08.1941 р. претор Другої румунської армії доповідав, що "...5 вересня німці повернули з-за Дністра в Атаки 3000 євреїв із тих 12 000, які були переправлені через Дністер у Могилів. Очікується повернення й інших. Був відданий наказ чинити опір їхньому поверненню²⁶. Відповідно до його ж донесення від 8 серпня 1941 р., у зоні Ліпник-Атаки зібралося близько 25 тисяч євреїв "за походженням із повітів інспектора в Чернівцях, які не є євреями з його території... легіон Сорока не має можливості їх годувати"; у зв'язку з цим Поїтевін запропонував "...наказати інспектору в Чернівцях забрати євреїв із зони Ліпник-Атаки, організувати табір у повіті Хотин, годувати їх за рахунок місцевих євреїв²⁷. У цей же день інспектор жандармерії в Чернівцях, полковник Минекуце, інформував генерала Топора, що "у Сокирянах, у Хотині та в Атаках сконцентровані євреї з таких повітів: Хотин – 3340, Радауци – 4113, Сторожинець – 13852, табір Вижниця – 1820, Чернівці – 15324, всього – 27849. Крім того, з повіту Хотин вже переправлені через Дністер 20 тисяч²⁸. 10 серпня він же доповів, що всі євреї "інтерновані ним у трьох таборах: Сокирянах – майже 17 тисяч, Берново – 3 тисячі, Бербені – 2 тисячі. Інші знаходяться в районі жандармського легіону Сорока в Атаках і приблизно 10 тисяч за Дністром. Більша частина євреїв не мають грошей і приречені на голодну смерть"²⁹.

Наступного дня євреї з Бернова та Бербені були переведені в Сокиряни. Відповідно до донесення Минекуце від 11.08.1941 р. кількість євреїв у Сокирянах внаслідок цього збільшилася до 20 852, у тому числі з Хотина – 13 800, з Новоселиці – 2800, Хотинського повіту – 6625, Сторожинця – 1100, Сторожинецького повіту – 3180, Герци-Дорохое – 1200, повіту Чернівців – 977³⁰. Оскільки прогодувати таку кількість євреїв було неможливо, Минекуце запропонував для частини євреїв утворити табір в іншому місті. Головний претор 15 серпня 1941 р. віддав розпорядження про створення такого табору в Єдинцях (Молдова), куди була переведена майже половина євреїв з Сокирян. На 25.08.1941 р. в Єдинцях знаходилося 11 894 єврея, 300 з яких були взяті на примусові роботи, а в Сокирянах залишалось 12 345³¹. Відповідно до донесення Минекуце від 01.09.1941 р., у Єдинцях нараховувалося 12 248 євреїв, у Сокирянах – 10201, у тому числі 1698 євреїв із Липкан, які евакуйовувалися з росіянами за Дністер і яких німці повернули в Бессарабію³².

За даними О. Круглова, декілька тисяч буковинських євреїв знаходилися також у таборі Вертужани на березі Дністра, який був утворений

румунами для тих євреїв, яких німецька сторона повернула з України в Бессарабію в серпні 1941 р.³³ У М. Карпа знаходимо відомості, що 7 вересня німецькі війська вперше спробували переправити в Атаки приблизно 4500 євреїв, з яких вдалося повернути лише 570, всіх інших через спротив румунської влади було повернуто, можливо до Ямполу³⁴. Табір-гетто у Вертюжанах став найжахливішим для євреїв у Північній Бессарабії, тут кривавими “господарями” стали полковник Агапі та капітани Бурадеску і Радулеску. Станом на 31.08.1941 р. у Вертюжанах знаходилося 22 969 євреїв, які були розміщені на території, де в мирний час проживало в 10 разів менше населення³⁵. У будинках не було дверей, вони були зняті за особистим розпорядженням полковника Агапі. Люди були виснажені, їх вже другий місяць намагалися депортувати, більшість голодували, тому що все, що мали з собою, вже розпродали чи обміняли на їжу, гостро не вистачало питної води. Любов Креймерман згадує, що найсміливіші чоловіки вночі спускалися до берега Дністра й набирали воду, ховаючись у кущах тютюну, які росли на схилах річки³⁶. Через злиденність євреї платили охоронцям (румунські жандарми) по 2 леї за кожну людину, яку випускали з табору, щоб вона роздобула щось їстівне³⁷. Капітани Бурадеску і Радулеску, за спогадами тих, що вижили, часто гвалтували єврейських дівчат і жінок³⁸. У таборі була велика смертність через важкі примусові роботи та постійні знущання, побиття з боку охоронців, керівництва табору. Наприкінці вересня 1941 р. тут залишилася приблизно половина тих, хто прибув у липні³⁹.

Не кращою була ситуація в Єдинцях, де понад 12 тисяч осіб були розміщені на 5 вулицях, оточених колючим дротом, з яких 2,5 тисячі перебували в 26 селянських невеликих хатах. У перші тижні перебування в таборі основна частина євреїв розпродала своє майно, особисті речі, щоб прогодуватись. У вересні 1941 р. почався голод, хвороби, постійно не вистачало питної води, доводилося пити дощову воду, деякі люди спали, накриті лише газетами, єврейських чоловіків постійно використовували на важких роботах, де вони нерідко зазнавали знущання та побиття. За даними М. Карпа, протягом вересня 1941 р. в таборі Єдинці щодня помирало 70-100 євреїв⁴⁰.

Така ж ситуація спостерігалася і в Сокирянах: відсутність елементарних людських умов, у першу чергу санітарних, породжувала епідемії дизентерії, тифу, холери; почастишали випадки суїциду; охорона та керівництво табору наживалися на цій ситуації, обмінюючи кусень хліба на золоті речі; на території табору був склад соняшників, який дозволив багатьом вижити; всіх дорослих і здорових чоловіків одразу ж забирали

на будівництво доріг Ліпкани–Сокиряни–Новоселиця, ночували робітники в сараях⁴¹.

Крім таборів у Сокирянах, Єдинцях, Вертюжанах у вересні 1941 р. буковинські євреї були сконцентровані у Чернівцях – 49 497; Сторожинецькому повіті – 4312, зокрема у Вижниці – 1670, Стороженці – 1320, Вашківцях – 704; Хотині – 559, отже, таким чином до депортації в Трансністрію було підготовлено 54 368 осіб⁴². Ці статистичні дані виокремлені з роботи Мататіаса Карпа і фігурують у дослідженнях О. Круглова, чернівецького товариства ім. Е. Штейнбарга.

Перехід до Румунії з 1 вересня 1941 р. території між Дністром та Південним Бугом дозволив румунській окупаційній владі здійснити план, який не вдався влітку, а саме, депортувати за Дністер усіх євреїв Буковини. До новоутвореного “губернаторства”, яке назвали Трансністрією (Ністру – румунською мовою так звучить назва річки Дністер, а “транс” з румунської означає “за”, тобто територія за Дністром), були включені загарбані південно-західні українські землі: всю Одеську, частину (західніше Південного Бугу) Миколаївської та Вінницької областей, а також лівобережні райони Молдавії. Впровадження в життя колонізаторських планів Бухареста щодо Трансністрії розпочалося з вирішення “єврейської проблеми”.

Друга, наймасштабніша хвиля депортацій буковинського єврейства розпочалася з переселення в середині вересня 1941 р. євреїв у Північній Бессарабії, зокрема з табору Вертюжани, де перебували й буковинці. Людей погнали в Ямполь через Касауцький ліс, де відбулися розстріли тих, хто не міг продовжувати шлях, а звідти лише на початку листопада 1941 р., під сильними дощами, залишки приречених дійшли до Ободовки⁴³.

4 жовтня 1941 р. штаб головнокомандуючого румунської армії передав комендатурі м. Чернівці наказ І. Антонеску про депортацію протягом 10 днів усіх євреїв Буковини “в область східніше Дністра”⁴⁴. Стислий термін депортації пояснюється тим, що планувалося щодня відправляти з Чернівців до Трансністрії 2 потяги по 50 товарних вагонів (для перевезення худоби), у кожному з яких вміщалося 50–70 осіб⁴⁵. 9 жовтня губернатор Буковини генерал К. Колотеску отримав наказ з Бухареста і того ж дня оповістив примарію Чернівців, а 10 жовтня військово командування Буковини, що 11.10.1941 р. все єврейське населення з муніципалітету Чернівців буде протягом 11 годин переміщене в спеціальний сектор міста, який перетворюється на гетто⁴⁶.

Операцію з утворення гетто і подальшу депортацію єврейського населення з Чернівців очолив генерал Топор, була утворена Комісія з евакуації євреїв⁴⁷.

10 жовтня 1941 р. Єврейському комітету було доручено усно передати всім євреям Чернівців, що вони повинні перейти в гетто, у квартал, де до того часу проживали найбідніші прошарки єврейського населення. Це був район вулиці Єврейської (нині вул. Сагайдачного), єврейський ринок і всі провулки та вулички, починаючи від сучасної вул. Головної до вул. Руської⁴⁸.

Рано-вранці в суботу 11 жовтня 1941 р. по місту почали рухатися великі натовпи народу. У всіх у руках, на спинах були клунки, сумки, валізи з одягом, постільню та цінними речами. Дехто тягнув своє майно у візках або дитячих колясках. Для залякування населення на вулицях міста з'явилося декілька танків. Ввечері того ж дня навколо гетто був зроблений великий дерев'яний паркан, а вся територія була обнесена колючим дротом, яку охороняли військові та поліція. Ще 9 жовтня 1941 р. командування батальйону № 430 отримало завдання посилити охорону кордонів міста й не допустити на момент формування гетто втечі єврейського населення. Безпосередньо охорону та безпеку чернівецького гетто забезпечував батальйон № 780 і 1-й жандармський батальйон. Останній ще й здійснював процес депортації із залізничного вокзалу Чернівців⁴⁹.

На території, яка була виділена владою під тимчасове гетто, у нормальних умовах проживало 5 тисяч людей і, як зазначав генерал Топор у доповідній записці, тут можна було розмістити не більше 15 тисяч⁵⁰. Тепер кількість людей повинна була збільшитися до 47-50 тисяч. Будь-яке перекриття ставало дахом над головою. Селили євреїв по 5-8 сімей (30-40 чоловік) у порожні квартири, які були пограбовані й понижені. У багатьох приміщеннях не було навіть підлоги, а тим паче вікон і дверей. У спогадах знаходимо, що в гетто люди валялися на землі, у під'їздах, коридорах без їжі, води та елементарних людських умов життя⁵¹. Вихід євреїв з тимчасового гетто був заборонений. Вхід або вихід інших людей, які були змушені проходити через гетто, дозволявся тільки на основі посвідчення особи⁵². Контролювати життя великого чернівецького гетто румунам з перших днів його існування ставало дедалі важче, адже на його території розташовувалися різні міські інстанції, школи, майстерні, підприємства, які продовжували працювати, і неєвреї щодня мусили, ідучи на роботу, входити й виходити з гетто, але основною проблемою стало те, що через гетто проходила головна артерія руху по місту, від во-

кзалу до центру, зокрема вулиці Reg. Ferdinanda – I.C. Bratianu. Місцева влада миттєво відреагувала на цю ситуацію, депортувавши жителів цих вулиць 13 жовтня 1941 р., тим самим звільнивши вуличний рух до вокзалу⁵³.

Протягом наступного місяця довгі колони фізично й морально виснажених людей рухалися вулицями до товарної станції. У чернівецькому гетто було видано спеціальне розпорядження, згідно з яким мешканці тієї чи іншої вулиці мали бути депортовані в той чи інший день⁵⁴. Людям дозволялося брати лише найнеобхідніше – особисті речі, коштовності. Оскільки це була осінь, то часто йшли дощі, було холодно. Ось як описують ці події постраждалі: “Коли нас депортовували з чернівецького гетто до Трансністрії, на вокзалі було багато заплаканих дітей, сльози в очах дорослих і, найжахливіше, солдати з багнетами”⁵⁵. “Дружини румунських офіцерів, які не були чернівчанами, прогулювалися по вокзалу і сміялися нам просто в обличчя”⁵⁶. “З нами раптом почали поводитися не як з людьми, а як із тваринами! Адже ми просто перетворилися на худобу, яку відтак відправляли у Трансністрію”⁵⁷.

Паралельно з утворенням гетто 11–13 жовтня 1941 р. з Чернівців вирушили перші транспорти, тоді було депортовано трьома потягами по 50 вагонів 7053 євреїв⁵⁸. Депортація євреїв з Чернівців тривала до 15 листопада 1941 р., на 14 потягах силами 1-го жандармського батальйону було вивезено в Трансністрію 28 391 євреїв⁵⁹.

Репортери румунських і німецьких газет писали про ці події як про “мудре вирішення єврейської проблеми на Буковині”⁶⁰.

4 жовтня 1941 р. почалася депортація євреїв з табору в Сокирянах, 11 жовтня – з табору в Єдинцях, яка закінчилася 8 листопада 1941 р.⁶¹ М. Карп стверджує, що під час депортації євреїв з таборів у Сокирянах, Єдинцях, Вертюжанах керівництво та охорона цих таборів не вели ніяких підрахунків втрат людей у дорозі⁶². Частина шляху до Атак, до Дністра буковинські євреї долали у товарних вагонах, а далі доводилося продовжувати свій шлях пішки в умовах наступаючої зими (“марші смерті”). Багато євреїв загинуло по дорозі до таборів Трансністрії від холоду, голоду, знесилення, знущань з боку охорони та швидкого поширення епідемій.

Ось що згадують люди, які пережили табори Трансністрії: “По дорозі у Трансністрію... румуни відібрали у нас всі речі, які ми мали з собою і повикидали їх з поїздів. Бессарабські селяни потім приходили і підбирали їх. Нас жорстоко били, а під час переправи на паромі через Дністер багатьох кидали просто у воду, і вони втопилися... Під час пе-

реправи було також знищено всі наші документи, їх просто викинули в Дністер, і ми раптом стали людьми без будь-яких документів, прав, без будь-чого”⁶³.

Цінними є свідчення лейтенанта Августина Рошке із жандармського легіону “Роман”, якому була доручена “евакуація” євреїв із Сокирян: “Незважаючи на те, що у нас було достатньо возів, жителі сусідніх сіл, що мали вози, все одно приходили до колони без викликів, оскільки знали, що це був хороший спосіб заробити гроші. Румуни платили по 250 лей за день, але власники возів брали з самих євреїв ще більше: 100 лей з людини, а коли дорога підіймалася вгору, вимагали ще 100 лей... За наказом генштабу ті, хто буде відставати від конвою через безсилля чи хворобу, повинні бути знищені. Мені було наказано посилати за 2-3 дні до відправлення конвоїв сержанта... для підготовки ям приблизно на 100 чоловік у зручних місцях, подалі від сіл, щоб не було чути криків та пострілів... Ями слід було рити через кожні 10 кілометрів, де й збиралися ті, які відставали від колони. Ті, хто навіть не міг дійти до ями, піддавались “АЛЕКСЯНУ” (кодове слово, яке означало страту на місці). Селяни, як ворони, стояли вздовж дороги в очікуванні, що їм що-небудь дістанеться. У першій ямі, що була вже через 5 кілометрів, я залишив приблизно 50-60 осіб, яких охороняли 6 жандармів, і які залишилися там до вечора, а потім всіх стратили. Через дітей, жінок, людей похилого віку колони просувалися повільно, з великими труднощами та неорганізовано. Приблизно 120 євреїв з першого конвою були захоронені в інших ямах. У кожному з наступних трьох конвоїв ми вбили 120 осіб... а всього приблизно 500...”⁶⁴

Виконати наказ І. Антонеску, а саме – депортувати в Трансністрію за 10 днів все єврейське населення Буковини – місцевій владі, жандармерії та військовим у жовтні 1941 р. не вдалося, і це було зумовлено такими причинами. По-перше, наказ був продиктований більше антисемітською ідеологією, бажанням показати себе перед Німеччиною послідовним і вірним союзником, аніж реальною ситуацією на Буковині. По-друге, для утримання стабільної економічної ситуації в місті та губернаторстві. Ще 20 серпня 1941 р. на засіданні Ради міністрів велось обговорення кризової ситуації на Буковині, яка була пов’язана з усуненням від економічного життя євреїв⁶⁵. 15 жовтня 1941 р. генерал К. Калотеску отримав з Бухареста по телефону від правителя країни наказ призупинити “евакуацію” єврейського населення з Чернівців і провести відбір спеціалістів-євреїв, які мають залишитися⁶⁶. Через 48 годин Комітет у справах євреїв, який очолював д-р Нейбург, подав 174 табелі єврейських робітників за

спеціальностями та категоріями (спеціаліст фізичної чи інтелектуальної праці), де значна частина євреїв записалася декілька разів у різних табелях, щоб урятуватися⁶⁷. Процес видачі “авторизацій” (документ, який давав право на роботу і проживання в Чернівцях) швидко вийшов з-під контролю влади і компетентних органів, тому 18 днів працювала Комісія з евакуації євреїв, яка провела ревізію виданих авторизацій і анулювала понад 4 тисячі документів⁶⁸. У результаті перевірки 16 569 євреїв отримали авторизації, 395 осіб було депортовано як “комуністів”, 5619 були представлені до перегляду і згодом отримали авторизації з підписом Т. Поповича⁶⁹.

Ситуація навколо подальшої депортації чернівецького єврейства та кількість тих, що залишилися в місті, була незмінною до червня 1942 р. Це відбулося завдяки втручання міського голови (примаря) д-ра Трояна Поповича. Він був противником фашистського геноциду та гонінь проти євреїв, послідовно виступав проти замкнення євреїв у гетто та їхньої депортації. Д-р Троян Попович своїми дозволами (“авторизаціями”) намагався врятувати багатьох представників єврейської культури, відомих громадських діячів, прізвища яких були гордістю краю (Пауль Целан, Зельма Айзінгер)⁷⁰.

Однак заступник генерал-губернатора Буковини майор Марінеску домігся звільнення з посади Т. Поповича⁷¹. Відразу ж був виданий наказ про депортацію в Трансністрію всіх власників “авторизацій” за підписом Т. Поповича, які не заплатили за це і переховувалися від постійних комісій, що працювали в примарії під керівництвом Василя Іонеску. Одночасно депортації піддавалися й ті, у кого були відібрані дозволи на роботу, а також інваліди, що не потрапили в трудові батальйони. У третю хвилю депортації не потрапили буковинські євреї старше 70 років (за пропозицією губернатора), яких згідно зі списками нараховувалося 607 осіб⁷².

З самого початку планувалося за описами депортувати 4471 єврея⁷³. План третьої хвилі депортації був погоджений з поліцією та примарією міста.

Депортація євреїв з Чернівців у червні-вересні 1942 р. відбувалася в 4 етапи (4 транспортування). Перший транспорт відправився із залізничного вокзалу міста 8 червня 1942 р. У ніч з 6 на 7 червня, з суботи на неділю, майор Марінеску організував близько 250 груп (бригад), які безпосередньо займалися збором та відправкою євреїв. До складу цих груп входили від 3 до 5 осіб: людина, яка представляла місцеву цивіль-

ну владу, делегат уряду, який зазвичай проводив інвентаризацію майна, делегат поліції, жандармерії, сігуранци.

На збір євреям, які підлягали депортації, виділялося не більше п'яти хвилин. За дві години схоплені зненацька, перелякані люди похилого віку, чоловіки, жінки, діти були переведені на стадіон “Маккабі”, який до війни належав єврейській спортивній організації з аналогічною назвою і знаходився в районі теперішньої психіатричної лікарні. Тут усіх – дівчат, жінок, чоловіків – примусово змушували роздягатися й на очах у солдат і натовпу, який швидко зібрався, піддавали ретельному огляду. Відбувався й гінекологічний, з метою виявлення прихованих коштовностей. Крім того, була створена виборна комісія, яка здійснювала перевірку списків євреїв, яких депортували. Очолював цю комісію майор Марінеску та інспектор поліції Пеун. Із списків першого транспорту комісією було виключено 19 євреїв і таким чином депортації в табори Трансністрії підлягало 1781 євреїв, включаючи 76 нечернівецьких⁷⁴. Цих людей насильно було приведено на вокзал, де їх заштовхали у вагони для перевезення худоби і депортували з Чернівців.

Другий етап депортації відбувся 11 червня 1942 р. Все повторювалося за тією ж схемою. Планувалося депортувати близько 900 євреїв з Чернівців та міста Дорохою (Південна Буковина). Однак офіційно влада змогла виявити та зібрати лише 308 осіб – всі інші переховувалися, втікали з місця проживання⁷⁵.

Наступної суботи, 15 червня 1942 р., відбувся третій етап депортації. Цього разу багатьом євреям вдалося сховатися. Майор Марінеску, щоб зібрати визначену ним кількість – 1500 осіб, видав розпорядження схопити всіх євреїв з передмістя Монастирське, а також з вулиці Сторожинецької та з прилеглих до неї провулків. Однак не вистачало необхідної кількості. Тоді були схоплені з лікарні психічно хворі люди похилого віку разом з їхніми лікарями, які склали 200 чоловік. Як тільки вони опинилися в Трансністрії, їх одразу розстріляли румунські солдати. Така ж доля спіткала й дітей віком до 12 років та всіх непрацездатних⁷⁶. Всього за списками фактично були виявлені і зібрані 1151 євреїв (1139 – з Чернівців, 12 – з різних сіл Буковини). Виборна комісія “відсіяла” із загальної кількості 83 євреї з різних причин⁷⁷.

Лише через два тижні (29 червня 1942 р.) майор Марінеску провів четвертий етап депортації. Він пропустив одну суботу спеціально, щоб євреї повірили у припинення депортації й не переховувалися. Однак хитрість не спрацювала, тому небагато євреїв були знайдені з “дозволами Поповича”. З 20.00 28 червня 1942 р. до 5 години ранку 29 червня

1942 р. був організований тотальний пошук євреїв, які ухилялися від депортації. У Дирекції праці губернаторства був узятий навіть список євреїв, які встигли навчити румунів спеціальності, однак не були затверджені на “подальше використання”⁷⁸.

91 євреїв – у минулому державні службовці та пенсіонери, офіцери румунської армії, інваліди-орденоносці, вдови військовослужбовців, загиблих на фронтах Першої світової війни, теж опинилися серед депортованих. Офіційно вони не підлягали депортації⁷⁹.

Згадана нами комісія виключила зі списків 247 євреїв. Майже 800 євреїв, прізвища яких було подано Дирекцією праці губернаторства, не знайшли. 29 червня 1942 р. було депортовано 1110 євреїв з Чернівців і 52 євреї з повітів Буковини.

Наступного дня Комісія Патронажу на чолі з Ангелеску, яка відстоювала інтереси румунських власників підприємств, зібралася у генерал-губернатора Буковини К. Калотеску і вимагала звільнення окремих євреїв від депортації в табори Трансністрії, вказуючи на те, що вони були професійні робітники і вкрай їм необхідні. Згодом за вимогою румунських підприємців губернатор і підполковник Теуту дозволили зняти з поїзду 18 євреїв⁸⁰. Всього з Чернівців і Північної Буковини за червень 1942 р. в Трансністрію, а саме у Вінницьку область, було “евакуйовано” 4094 євреї, а 10 вересня – ще 500⁸¹. Всі 4594 людини за розпорядженням начальника жандармерії генерала Топора були депортовані як “підпільники” і потрапили в зону німецької адміністрації, у каменоломні біля с. Коло-Михайлівка під Вінницею. У листопаді 1943 р. їх залишилося всього 700, з яких 100 були діти. На момент звільнення радянською армією ніхто з буковинців не залишився в живих⁸².

Аналіз опрацьованих джерел та літератури дає нам всі підстави стверджувати, що процес депортації євреїв з Північної Буковини був заздалегідь спланований і детально розроблений румунською окупаційною владою, і мав на меті в стислі терміни вирішити “єврейське питання” в краї. У 1941–1942 рр. трьома хвилями з Північної Буковини в Трансністрію було депортовано приблизно 74–75 тисяч євреїв. Перша хвиля відбулася в липні-серпні 1941 р., охопила єврейське населення Хотинського, Сторожинецького і Чернівецького повітів, однак через заборону з боку німецького командування на початку серпня 1941 р. депортація була призупинена, румуни встигли переправити на протилежний берег Дністра не більше 15 тисяч буковинських євреїв. Друга хвиля стала найбільшою і тривала з другої половини вересня по 15 листопада 1941 р. У цей час було депортовано 54–55 тисяч євреїв з чернівецького

гетто, з таборів у Сокирянах, Єдинцях і Вертюжанах. Остання, третя хвиля депортації євреїв з Північної Буковини відбувалася в червні, вересні 1942 р. Тоді було “евакуйовано” 4594 людини. Це була масштабна операція керівництва Румунії, в якій взяла участь велика кількість поліції, жандармів, солдат, державних службовців. Причини депортації буковинського єврейства криються в антиєврейській політиці Румунії 1938–1944 рр., яка була вибудована на старих міцних традиціях державного і побутового антисемітизму. Загроза економічної стабільності в Північній Буковині змусила керівництво Румунії дозволити частині євреїв різних професій залишитися в Чернівцях і примусово працювати на румунську окупаційну владу, що і врятувало життя цим людям (близько 16 тисячам).

¹ Левитас И. Герои и жертвы. – К.: Астарта, 1997. – 415 с.

² Елисаветский С.Я. Полвека забвения: евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941–1944). – К., 1998. – 400 с.

³ Круглов А. Уничтожение еврейского населения Украины в 1941–1944 гг. Хроника событий. – К., 1997. – 235 с.; Круглов А. Энциклопедия Холокоста: Еврейская энциклопедия Украины / Под ред. И. Левитаса. – К., 2000. – 224 с.; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 годах / Сост. А. Круглов. – К.: Институт иудаики, 2002. – 486 с.

⁴ Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР: Учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений / Под ред. проф. А.Г. Асмолова. – М.: Фонд “Холокост”, 2002. – 320 с.

⁵ Сушон Л. Транснистрия в аду. Черная книга о катастрофе в Северном Причерноморье (по воспоминаниям и документам). – Одесса, 1998. – 310 с.

⁶ Дусман Л.М. Помни! Не повтори! – Одеса: Друк, 2001. – 371 с.

⁷ Фишер Ю. Транснистрия: забытое кладбище. Сокр. перевод с англ. Д. Розенфельда. – Одесса: Друк, 2002. – 128 с.

⁸ Carp M. Carte neagra. Suferintele evreilor din Romania. 1940–1944. – Bucuresti, 1946–1948, vol. I–III.

⁹ Ioanid R. The Holocaust in Romania: the Destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu Regime, 1940–1944. – Chicago: Ivan R. Dee, 2000. – 352 p.

¹⁰ Evreii din Romania intre anii 1940–1944. Vol.1. Legistatia antievreiasca / Pref. M. Rosen; volum alcatint de L. Benjamin; coord. stint. S. Stanciu. [Євреї Румунії в 1940–1944: документи]. – Bucuresti: Hasefer, 1993. – 486 p.

¹¹ Calafeteanu I. 1940–1944. Cetateni romani cu steana lui David in Europa lui Hitler // Magazin istoric. – Octombrie. – 2000. – P. 19–22; Calafeteanu I. Regimul antonescian si emigrarea populatiei evreiesti // Revista istorica. – Tom 3. – № 3–4. –

1992. – P. 329–345; Benjamin L. Prigoana si rezistenta in istoria evreilor din Romania 1940–1944. Studii. – Bucharest: Hasefer, 2001; Verenca O. Realitati economice in guvernaminutul Transnistriei (19 august 1941 – 29 ianuarie 1944) // Revista istorica. – Tom 3. – № 1–2. – 1992. – P. 137–154.

¹² Volkl Ekkehard. Transnistrien und Odessa: 1941–1944. – Regensburg: Lassleben, 1996. – 123 p.

¹³ Carp M. Carte neagra, vol. 3. – P. 78.

¹⁴ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сборник документов и материалов. – Иерусалим, 1992. – С. 77–78.

¹⁵ Evreii din Romania intre anii 1940–1944. Vol.1. Legistatia antievreiasca / Pref. M. Rosen; volum alcatint de L. Benjamin; coord. stint. S. Stanciu. [Євреї Румунії в 1940–1944: документи]. – Bucuresti: Hasefer, 1993. – P. 156.

¹⁶ Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. Люди остаются людьми. Свидетельства узников фашистских лагерей-гетто / Под ред. Е.М. Финкель, П.В. Рыхло. – Черновцы, 1996. – Вып. 5. – С. 73.

¹⁷ Державний архів Чернівецької області (далі – ДАЧО), ф. Р-307 с4 (губернаторство Буковина), оп. 3, спр. 17, арк. 296.

¹⁸ Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. – Вып. 5. – С. 58.

¹⁹ Попович Т. Черновцы 1941 года. Гонение, гетто и высылка: документы архива ин-та Яд Вашем. – Иерусалим, 1971. – С. 16.

²⁰ Круглов А. Энциклопедия Холокоста: Еврейская энциклопедия Украины / Под ред. И. Левитаса. – К., 2000. – С. 195.

²¹ ДАЧО, ф. Р-653 с4 (акты Чрезвычайной государственной комиссии), оп. 1, спр. 68, арк. 10.

²² Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. – Вып. 5. – С. 63.

²³ Сборник документов и материалов... – С. 445.

²⁴ Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. – Вып. 5. – С. 64.

²⁵ Сборник документов и материалов... – С. 448 / Carp M. Carte neagra, vol. 3. – P. 97.

²⁶ Сборник документов и материалов... – С. 448 / Carp M. Carte neagra. – P. 96.

²⁷ Сборник документов и материалов... – С. 449 / Carp M. Carte neagra. – P. 98.

²⁸ Сборник документов и материалов... – С. 449 / Carp M. Carte neagra. – P. 97.

²⁹ Сборник документов и материалов... – С. 449–450 / Carp M. Carte neagra. – P. 101.

³⁰ Сборник документов и материалов... – С. 450 / Carp M. Carte neagra. – P. 102.

³¹ Радянська Буковина 1940–1945: Документи і матеріали. – К.: Наукова думка, 1967. – С. 197.

³² Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. – 1996. – Вып. 5. – С. 65

- ³³ Круглов А. Энциклопедия Холокоста. – С. 197.
- ³⁴ Carp M. Carte neagra, vol. 3. – P. 97–98.
- ³⁵ Carp M. Carte neagra, vol. 3. – P. 176.
- ³⁶ Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. Люди остаются людьми. Свидетельства очевидцев / Под ред. Зингер Л.Ш., Ляпунов Ю.П., Финкель Е.М. и др. – Черновцы, 1991. – Вып. 1 – С. 54.
- ³⁷ Carp M. Carte neagra, vol. 3. – P. 185.
- ³⁸ Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. Люди остаются людьми. Свидетельства очевидцев / Под ред. Г.Л. Шабашкевича. – Черновцы: Прут, 1992. – Вып. 2. – С. 40.
- ³⁹ Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. – Вып. 1. – С. 54.
- ⁴⁰ Carp M. Carte neagra, vol. 3. – P. 175, 185.
- ⁴¹ Черновицкое общество еврейской культуры. – Вып. 2. – С. 25.
- ⁴² Carp M. Carte neagra, vol. 3. – P. 42.
- ⁴³ Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. – Вып. 1. – С. 55.
- ⁴⁴ Сборник документов и материалов... – С. 451 / Carp M. Carte neagra, vol. 3. – P. 143.
- ⁴⁵ Carp M. Carte neagra, vol. 3. – P. 190.
- ⁴⁶ ДАЧО, ф. Р-307 с4, оп. 3, спр. 10, арк. 224 (“Про процедуру відбору та евакуації євреїв з м. Чернівці”).
- ⁴⁷ ДАЧО, ф. Р-307 с4, оп. 3, спр. 10, арк. 225
- ⁴⁸ Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. – Вып. 2. – С. 6.
- ⁴⁹ ДАЧО, ф. Р-307 с4, оп. 3, спр. 10, арк. 224.
- ⁵⁰ ДАЧО, ф. Р-307 с4, оп. 3, спр. 10, арк. 224.
- ⁵¹ Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. Люди остаются людьми. Свидетельства узников фашистских лагерей-гетто / Под ред. Г.Л. Шабашкевича. – Черновцы, 1995. – Вып. 4. – С. 116.
- ⁵² Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. – Вып. 2. – С. 6.
- ⁵³ ДАЧО, ф. Р-307 с4, оп. 3, спр. 10, арк. 225
- ⁵⁴ Колись Чернівці були гебрейським містом... Свідчення очевидців / Переклад Петра Рикла. – Чернівці: Молодий буковинець, 1998. – С. 36.
- ⁵⁵ Там само.
- ⁵⁶ Там само.
- ⁵⁷ Там само. – С. 96.
- ⁵⁸ ДАЧО, ф. Р-307 с4, оп. 3, спр. 10, арк. 226.
- ⁵⁹ ДАЧО, ф. Р-307 с4, оп. 3, спр. 10, арк. 230.
- ⁶⁰ Черновцы в период немецко-румынской оккупации. – Черная Книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во

временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях уничтожения Польши во время войны 1941–1945 гг. – Иерусалим, 1980. – С. 94.

⁶¹ Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. – Вып. 5. – С. 60.

⁶² Carp M. Carte neagra, vol. 3. – P. 187.

⁶³ Колись Чернівці були гебрейським містом... – С. 43.

⁶⁴ Сборник документов и материалов... – С. 452.

⁶⁵ Evreii din Romania intre anii 1940–1944. Vol.1. Legistatia antievreiasca / Pref. M. Rosen; volum alcatint de L. Benjamin; coord. stint. S. Stanciu. [Свреї Румунії в 1940-1944: документи]. – Bucuresti: Hasefer, 1993. – P. 311.

⁶⁶ Попович Т. Черновцы 1941 года. Гонение, гетто и высылка: документы архива ин-та Яд Вашем. – Иерусалим, 1971. – С. 66

⁶⁷ ДАЧО, ф. Р-307 с4, оп. 3, спр. 10, арк. 226.

⁶⁸ ДАЧО, ф. Р-307 с4, оп. 3, спр. 10, арк. 229.

⁶⁹ ДАЧО, ф. Р-307 с4, оп. 3, спр. 10, арк. 230.

⁷⁰ ДАЧО, ф. 30, оп. 4, спр. 283, арк. 20, 908.

⁷¹ Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. – Вып. 5. – С. 47.

⁷² ДАЧО, ф. Р-307 с4, оп. 1, спр. 244, арк. 1.

⁷³ Там само.

⁷⁴ ДАЧО, ф. Р-307 с4, оп. 1, спр. 244, арк. 1.

⁷⁵ Там само, арк. 2.

⁷⁶ Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. – Вып. 5. – С. 48.

⁷⁷ ДАЧО, ф. Р-307 с4, оп. 1, спр. 244, арк. 3.

⁷⁸ Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. – Вып. 5. – С. 29.

⁷⁹ Там же. – С. 49.

⁸⁰ ДАЧО, ф. Р-307 с4, оп. 1, спр. 244, арк. 4.

⁸¹ Там само.

⁸² Черновицкое общество еврейской культуры. Вестник. – Вып. 5. – С. 49.

Нацистська антисемітська пропаганда серед місцевого населення України

Рятування тисяч жертв Голокосту було б неможливим без допомоги, яку з ризиком для власного життя та життя своїх рідних надавали євреям українці, росіяни та представники інших народів, які теж страждали від гітлерівської окупації. Разом з тим, знищення мільйонів людей нацистами було б неможливим без підтримки цих акцій загалом нечисельними поплічниками гітлерівців з боку місцевого населення та відносної байдужості більшості цього населення.

Для того, щоб мобілізувати до реалізації гітлерівської злочинної політики геноциду та морально “нейтралізувати” більшість місцевого населення, була задіяна добре спланована, розвинута система нацистської пропаганди, ідеологічною серцевиною якої був антисемітизм.

У Директиві Верховного Головнокомандування вермахту від 12 вересня 1941 р. зазначалося: “Боротьба проти більшовизму вимагає нещадних та енергійних дій насамперед... проти євреїв, котрі є головними носіями більшовизму”.

Для “підвищення ефективності” антисемітської пропаганди нацисти залучали великі матеріальні та інформаційні ресурси. 1 березня 1942 р. Гітлер віддав наказ спеціально створеному штабу особливого призначення під керівництвом А. Розенберга “збирати всі матеріали, які можуть бути використані для планомірного духовного знищення наших противників, передусім євреїв, масонів і більшовизму”¹.

1. Інформаційні канали нацистської антисемітської пропаганди

Нацистська антисемітська пропаганда здійснювалася, передусім, через *газети, а також листівки, плакати, театральні вистави тощо*. На окупованій території України діяло 16 *радіостанцій*, а також розгалужена *кіномережа*, де постійно демонструвалися пропагандистські фільми на кшталт “Сталін та євреї”, “Євреї і НКВС” тощо. Геббельсівська пропагандистська машина комплексно використовувала вищезгадані інформаційні канали обробки свідомості людей: так, карикатури, що були притаманні листівкам, широко друкувалися на газетних шпальтах, а газетні огляди, у свою чергу, часто передавалися по місцевій радіомережі.

Втім, найбільший пропагандистський вплив на місцеве населення України відбувався саме через періодичну пресу – завдяки її масовому тиражуванню, різноплановому поданню друківаних матеріалів з урахуванням психології читачької аудиторії. Крім того, за радянських часів люди звикли довіряти друкованому слову, а газети і за окупаційної доби були наймасовішим засобом інформування про події місцевого життя, отже, потужним чинником ідеологічного впливу на місцеве населення.

Тому, не дивно, що на окупованій території СРСР, за підрахунками істориків, видавалося понад 400 газет, які були рупорами геббельсівської пропаганди. Але показово, що більшість з них – понад 300 – видавалися на окупованій території України (для порівняння: на окупованій території Росії – біля 60 газет, Білорусі – біля 100). Це є одним зі свідчень того значення, яке мала Україна в планах “освоєння” нацистами захопленої території, у чому важливу роль грала ідеологічна обробка свідомості місцевого населення. Особливо треба підкреслити, що практично в кожному номері окупаційних газет поміщалися матеріали антисемітського характеру.

2. Окупаційні газети

2.1. Умови виникнення та функціонування окупаційних газет.

Рішення щодо випуску газет під німецькою цензурою на окупованій території СРСР, перш за все в Україні та Прибалтиці, було прийняте напередодні Великої Вітчизняної війни, у “Директиві начальника штабу Верховного Головнокомандування збройних сил Німеччини з питань пропаганди” від 6 червня 1941 р. Основним завданням газет, як і інших форм ідеологічного впливу, було проведення антирадянської пропаганди, складовою якої був антисемітизм. Зауважимо, що в документі наголошувалося про необхідність повного контролю над пресою: “...Якщо можливості слідкувати за пресою не буде, то робота газет і журналів... повинна бути припинена...”² На практиці цензорський контроль здійснювався дуже послідовно. Редакції “припиняли свою роботу”, а журналісти підлягали нищівним репресіям у разі появи у друкованих виданнях матеріалів, що не узгоджувалися з настановами нацистських ідеологів. Так, доля одного з найбільш антисемітських видань – київської газети “Українське слово” – змінилася після публікації на її шпальтах статей про необхідність відтворення української державності. За цей “кримінал”, “обтяжений” до того ж співробітництвом з ОУН, журналісти та деякі автори газети були розстріляні у грудні 1941 р. в Бабиному Ярі – там, де за кілька місяців до того нацисти стратили десятки тисяч єв-

реїв – об’єктів антисемітських матеріалів газетярів “Українського слова”. Після цих репресій назва видання була змінена на “Нове українське слово”³.

При кожній з груп німецьких армій, що діяли на радянсько-німецькому фронті – “Північ”, “Центр” і “Південь” – були створені батальйони пропаганди, кожному з яких підпорядковувалося декілька рот пропаганди (загалом їх було 17)⁴. Останні були покликані, зокрема, вести агітацію в частинах вермахту, а також забезпечувати психологічну обробку військ і населення противника, у тому числі – через організацію виходу газет: підбір кадрів видавництв, постачання інформаційного матеріалу, цензуру, друк.

У зоні бойових дій групи армій “Південь”, яка здійснювала наступ на Україну, налічувалося щонайменше 6 рот пропаганди, які мали загальний індекс U (“Україна”) і порядкову нумерацію від 1 до 6. У свою чергу, кожна з рот пропаганди мала по декілька відділів пропаганди, які діяли на відстані від місця дислокації рот і завдяки цьому охоплювали своїм впливом значно більшу кількість населених пунктів⁵.

На окупованій території України у прифронтовій зоні газети засновували, окрім рот пропаганди та їх відділів, також міські та польові комендатури, а інколи і штаби військових частин. При цьому вони спиралися на органи місцевого самоврядування – управи, котрі в питаннях організації преси повністю залежали від них⁶.

По мірі віддалення лінії фронту і переходу колишньої прифронтової зони до відання відділів пропаганди та преси цивільної адміністрації, ті періодичні видання, котрі були засновані підрозділами пропаганди вермахту, передавалися в їхнє розпорядження. Подальше керівництво ними здійснював відділ політики при рейхскомісарі України.

З перших днів окупації Західної України з’явилися періодичні видання Організації українських націоналістів. До серпня 1941 р. декілька газет ОУН конкурували лише з однією офіційною газетою (“Українські щоденні вісті”), створеною нацистами на окупованій території України.

В інших регіонах України українські націоналісти (як місцеві, так і ті, що разом із німецькими військами або вслід за ними прибули із Західної України; як мельниківці, так і бандерівці) також відігравали певну роль у створенні періодичних видань. Співпрацюючи з нацистами на ґрунті спільної боротьби з більшовизмом, вони через пресу намагалися поширювати свої погляди серед місцевої громадськості. Українські націоналісти, використовуючи свою службу у німецьких військових і цивільних установах, подекуди навіть напівлегальним шляхом, під прикриттям

фальшивих документів, отримували можливість впливати на процес виникнення та характер періодичних видань. Але це тривало недовго: до початку 1942 р. окупанти поступово усунули українських національних діячів від керівництва пресою.

Слід зазначити, що в багатьох випадках у вихідних даних не зазначалося, чий органом була та чи інша газета. Так, у підзаголовку газети “Голос”, що видавалася в Берліні українською мовою, було написано: “Український часопис”, а серед вихідних даних – тільки адреса редакції німецькою мовою⁷; те ж стосується газети “Клич” – “щоденної газети для військовополонених”⁸; у газеті “Голос правди”, що виходила російською мовою протягом 1943 р. на сході України, є лише епіграф – “Трудящі всіх країн, об’єднуйтесь для боротьби з більшовизмом!” та позначення – “1-й рік видання”⁹.

Проте є підстави ідентифікації цих газет як видань, що створювалися в Німеччині для окупованих територій України, та (у більшості випадків) видань органів місцевого самоврядування (за якими, звичайно, стояли нацистські пропагандистські та адміністративні установи).

2.2. Структура, склад редакцій. Зрозуміло, що редакції окупаційних газет формувалися німецьким режимом. Слід зауважити, що єдиних стандартів для всіх газет у всіх регіонах України не було.

Так, доволі розгалуженою була структура харківської газети “Нова Україна”. Вона в різний час складалася з декількох відділів – літературного, інформаційного, місцевого життя, економічного та сільськогосподарського. Стосовно штату редакції, то за станом на 6 січня 1942 р. його можна визначити в 47 осіб, до числа яких входили головний редактор, його заступник, відповідальний секретар, стиліст, 4 редактори відділів, 8 репортерів, фейлетоніст, 2 “газетярі”, а також перекладачі, друкарки, прибиральниці та ін. У редакціях інших видань коло штатних співробітників було меншим і, очевидно, у більшості випадків не перевищувало 5–10 осіб. Так, щодо дебальцевської газети “Новая жизнь”, то матеріал для неї підбирав голова міської управи М.В. Дорогий, а обов’язки секретаря видання за сумісництвом виконував на той час завідуючий міською типографією І.К. Гасан¹⁰. Два працівники готували куп’янську газету “Новий час”, що виходила у Східній Україні¹¹.

До роботи в періодичних виданнях як на штатній, так і на позаштатній основі було залучено колишніх журналістів, письменників, представників місцевої інтелігенції, працівників культурно-освітніх, адміністративних органів тощо. Найпотужніший фаховий склад та найширше

коло дописувачів до видань склалося в друкованих виданнях, котрі виходили в обласних центрах і поширювалися по всій території відповідних областей, а часто і поза їх межами.

Серед співробітників редакцій окупаційних періодичних видань було чимало осіб, які цілком свідомо, з ідейних переконань, співпрацювали з нацистською владою. Наприклад, кореспондента “Донецького вестника” Г. Дроздова навесні 1942 р. завербували таємним агентом поліції, за його наклепом було навіть заарештовано одну із співробітниць редакції¹².

Але були серед газетярів й інші – такі, що шляхом участі в пресі намагалися пристосуватися до обставин і уникнути репресій за свою діяльність до окупації, уникнути депортації до Німеччини. Важливим чинником, який визначав можливість співробітництва в окупаційних виданнях, було забезпечення їх працівників матеріальними засобами до існування у вигляді пайка, заробітної платні та гонорару. Хоча далеко не завжди матеріальне забезпечення співробітників окупаційних видань було достатнім. За спогадами П.Т. Байбака, який у період окупації очолював управу Мереп’янського району Харківської області, “...працівники адміністрації, друкарні і редакції безнастанно перебували в облозі крайнього холоду і матеріальних злиднів... Коли в середині грудня наша районова управа і «Просвіта» зі слободи Мерепфа привезли до редакції 1,5 тонни кукурудзи, зерна і бочку олії, цей наш самаритянський подарунок був одним із черги порятунків від голодової смерті для працівників газети”¹³.

2.3. Розповсюдження окупаційних газет. Тиражі друкованих органів різнилися в залежності від низки чинників:

- статусу видання (центральне, що було розраховане на декілька областей, чи місцеве, розраховане на одне містечко чи район);
- чисельності населення у тому місті, де виходили газети;
- матеріально-технічного забезпечення редакцій.

Більшість окупаційних газет протягом існування збільшували накладди свого видання, і найбільші регіональні друковані органи мали тираж у декілька десятків тисяч примірників. Втім, інколи їхні накладди “били рекорди”. Так, у січні 1943 р. декілька номерів “Нової України” (щотижневого видання на сході України) вийшли тиражем у 100 тис. примірників. Для порівняння – у 1941 р. тираж центрального видання Сталінської області “Социалистический Донбасс” становив 98 тис. екземплярів, “Соціалістична Харківщина” – 45 тис.¹⁴

Загальний тираж окупаційних газет, що розповсюджувалися на території України, перевищив 1 млн примірників.

2.4. Антисемітські міфи на шпальтах окупаційної преси. Як слушно зауважувала дослідниця Ю. Смілянська, окупаційна преса не тільки “відбивала” події Голокосту, але й була одним із знарядь Голокосту. На окупованій території України нацисти доклали чимало зусиль до того, щоб не тільки примирити населення з “необхідністю” акцій знищення, але й зробити мешканців України активними учасниками “остаточного вирішення єврейського питання”¹⁵.

Основні принципи і положення антисемітської пропаганди були розроблені в Берліні, але “на місцях” гітлерівські намісники, місцеві колаборанти мали певну можливість “виявляти ініціативу”.

Втім, основні ідеї щодо “євреїв – ворогів роду людського”, які нав’язувалися українцям, створені нацистською пропагандою антисемітські міфи можна спробувати певною мірою систематизувати.

М. Тяглий, дослідник історії нацистської пропаганди на окупованій території України, виділяє п’ять основних “антисемітських кліше” – певні логічні “блоки”, у рамках яких проводилося висвітлення “єврейського питання”. Отже, за моделлю М. Тяглого, усі претензії до євреїв зводяться до декількох загальних тез¹⁶:

1. Політичне кліше – євреї панують у політичному житті, на партійних та державних посадах, і політичний режим в СРСР є “жидо-більшовицьким”.

2. Расове – євреї своєю кров’ю і расою отруюють існування інших рас і народів; євреї – “недолюдина”.

3. Релігійне – євреї – народ богоббивць (або, точніше, “народ-богоббивця”. – *І. Щ.*), чаклуни та посібники диявола, виконавці демонічних ритуалів.

4. Культурне – євреї домінують у суспільному і культурному житті, ідеологічно отруюють оточуючі народи.

5. Соціально-економічне – євреї посідають центральне становище в економіці і фінансовій сфері, у торгівлі і постачанні¹⁷.

Зрозуміло, що будь-яка модель не може точно відображати реальне життя, практику. І М. Тяглий теж зауважує, що не всі матеріали відповідають “у чистому вигляді” будь-якій з вищезазначених тез, і часто в рамках однієї публікації ці кліше комбінувалися.

На наш погляд, абсолютна більшість антисемітських матеріалів у німецькій окупаційній пресі належить до першого “антисемітського

кліше” – щодо необхідності боротьби з “жидо-більшовицьким” радянським режимом. У порівнянні з міфом “жидо-більшовизму” “релігійне кліше” має в антисемітських публікаціях абсолютно незначну питому вагу. Але це не означає, що релігійні чи культурні аспекти не мали певного значення в антисемітській ідеології.

Аналізуючи великий масив антисемітських матеріалів в окупаційній пресі на території України, ми спробуємо виділити основні антисемітські міфи, що формувалися за їхньою допомогою.

2.4.1. “Докази” того, що євреї, нібито, є ворогами українців і всіх слов’ян, встановили “кривавий жидо-більшовицький режим” в СРСР. Виходячи з цього, історія СРСР показується як реалізація “жидо-більшовицького заклоту”, за якого радянські керівники є маріонетками в руках євреїв, репресивні органи – знаряддям встановлення “жидівської диктатури” тощо.

Серед численних прикладів таких матеріалів можна назвати статті: “Жидівсько-большевицьке побратимство” у київській газеті “Нове українське слово”¹⁸, “Влада юдеїв в СРСР” у газеті “Новое слово”¹⁹, “Капіталізм і большевизм” у берлінській газеті для військовополонених “Клич”²⁰, “Жидівство і большевизм” у криворізькому часописі Дзвін”²¹, “Жиди панують у Советському Союзі” в округовому Нікопольському часописі “Промінь”²² та ін.

Іл. 1. Міф про “жидо-більшовизм” на шпальтах українських окупаційних газет

Так, в українському часописі “Голос”, що видавався під нацистським контролем безпосередньо в Берліні, було надруковано статтю “Роля жидівства в господарському житті України”²³. Тут читачеві нав’язувалася думка про “жидівський характер” більшовицької революції 1917 р., яка нібито поставила євреїв у “привілейоване становище перед іншими народами”. Серед створених міфів, що пропагувала стаття, – міф про “співжиття на території України... народності поневоленої – української і народності панівної – жидівської”, для “підтвердження” якого автор використовує цифри про “національно-професійну структуру” суспільства, вирвавши їх з історичного контексту і не співставляючи з дореволюційними показниками та динамікою змін цих показників протягом 1920–30-х рр.; міф про плани “заснування жидівської ССР на теренах України”, для чого вона “наділяла жидів землею, організувала жидівські радгоспи та колгоспи, дарувала їм живий і мертвий реманент і т. д.” (що взагалі не має логіки – яка могла бути “жидівська ССР” за часів “сталінського інтернаціоналізму”, де провідна роль відводилася росіянам? Втім, як відомо, логіка абсолютно не є необхідною рисою пропаганди. – І. Ш.) Чому колгоспи, куди євреїв зганяли так само, як українців, називаються “жидівськими”? Очевидно, тут у свідомості читача формується примітивний стереотип: все погане, антинародне – це жидівське, і аргументація цього вже поступається звичайній апологетиці.

Втім, окрім декларативності, *окупаційні газети звинувачували євреїв і в “реальності” злочинів проти українців та інших слов’ян, намагалися покласти на євреїв відповідальність за усі дійсні або вигадані злочини радянського режиму.* У статті “Звірства жидівських комісарів в Севастополі”, опублікованій в газеті “Промінь”, йдеться про єврея – комісара фортеці біля Анкермана, який буцімто “видав наказ про висадження в повітря цих укріплень... оборонної системи Севастополя, не тільки вбив цим вибухом 2.000 жінок і дітей, але піддав тій же долі і всіх важко поранених, які перебували на перев’язочному пункті в одній з дальніх печер”²⁴.

У багатьох газетах були поміщені матеріали про “злочини жидобольшевиків” у Вінниці, де гітлерівці організували масові похорони “замордованих через НКВС українців”.

Відомо, що нацистські пропагандистські центри (наприклад, служба “Ostraum-Artikeldienst” відділу “Ост” Міністерства пропаганди²⁵) надсилали до своїх “українських клієнтів” матеріали для публікації, які інколи друкувалися майже без змін, а інколи місцеві редактори вносили в них свій “творчий доробок”. Тому коли ми читаємо про шістьох слідчих

суддів НКВС, серед яких п'ятеро, за матеріалами агітки, були євреями, то в різних газетах це викладається так (мною підкреслені “індивідуальні відмінності” викладеного матеріалу. – *І. Ш.*):

Газета “Промінь”	“Дніпропетровська газета”
“Ці <u>бестії в людській постаті</u> холоднокрівно підписували засуди на смерть невинних жертв. Вони також були <u>причиною</u> мук і тортур, про які заявляють свідки та які <u>стверджують-ся на трупах замордованих</u> ” ²⁶ .	“Ці <u>негідники</u> холоднокрівно підписували присуди смерті невинним жертвам. Вони також були <u>спричинниками</u> мук і тортур, які <u>частково</u> виявляють свідки і які <u>частково ствержені</u> на трупах замордованих” ²⁷ .

За наявністю технічної можливості подібні публікації “прикрашалися” фотографіями або карикатурами, як нижченаведене фото з газети “Дзвін”²⁸.

Іл. 2. Фото похорон “закатованих жидо-більшовиками українців”

Численні статті, фотографії мали переконати читачів у тому, що злочинний характер сталінського режиму взагалі та сталінських репресій зокрема зумовлювався передусім “провідною роллю євреїв” у радянському керівництві на всіх щаблях влади та “нелюдською жорстокістю” євреїв – виконавців злочинних настанов більшовиків у складі, у першу чергу, НКВС та інших репресивних органів.

Треба підкреслити, що саме міф про “жидо-більшовицький характер” радянського режиму та необхідність звільнення від нього (що означало “звільнення” від євреїв) був основним в ідеологічному арсеналі нацистської пропаганди як за кількістю подібних матеріалів (що складала абсолютну більшість, до речі, не тільки в газетах, але і в інших видах “пропагандистської продукції”), так і в акцентуванні й наполегливості у поширенні та укріпленні цього міфа.

2.4.2. “Доповнюючи” тезу про “жидо-більшовицьке панування” в Україні та СРСР, нацистська пропаганда намагалася “підкріпити” її формуванням міфа про *всесвітні масштаби єврейського заклоту та злочинну природу єврейства.*

Цей міф формувався великим масивом статей про “жидівський контроль” над владою США, Англії та інших країн антигітлерівської коаліції. Назви статей самі говорять про себе: “Англійський уряд та побудова жидівської держави”²⁹; “Роль юдеїв в Англії”³⁰; “Масони і жиди під англійською опікою”³¹; “Жидівський центр Нью-Йорк”³²; “Рузвельт – прислужник жидів”³³; “Де Голль – слуга світового юдейства”³⁴.

Іл. 3. Міф про “жидівські тенета” на шпальтах українських окупаційних газет

Але треба підкреслити, що антисемітська пропаганда не обмежувалася “констатацією єврейського контролю” над демократичними країнами. Цей міф знаходив свій розвиток у “свідченнях” про злочини “єврей-

ської світової диктатури”: від приписувань євреям репресій та голоду до звинувачення у розв’язуванні війн, у першу чергу – Другої світової війни.

Іл. 4. Міф про “злочини євреїв” на шпальтах українських окупаційних газет

В апологетиці цих гасел використовувалися й ідеї Гітлера з роботи “Майн Кампф”. Наприклад, наведемо такий переспів Гітлера: “У протилежність іншим народам, жиди не мають своєї територіальної держави. Тому вони не можуть існувати самі по собі, а живуть коштом експлуатації інших народів”³⁵. Тут же проводиться ідея про союз марксизму та капіталізму: “Черчіль – втілення капіталізму – та Сталін – втілення марксизму – простягли один одному руки. Вони відверто підтвердили, що капіталізм і марксизм не тільки прекрасно погоджуються і взаємно доповнюють себе, але що... вони – одне ціле, яке веде до перемоги жидівства та його матеріалістичних ідей”³⁶.

За газетними матеріалами, *весь світопорядок підкорюється “жидівству”*, яке буцімто реалізує свою волю через загарбницьку політику і СРСР, і США (у тому числі – проти Англії), і самої Великої Британії. *Євреї проголошуються основними винуватцями у розв’язуванні світової війни*, і геббельсівська пропаганда стверджує, що лише нацистська Німеччина разом із державами Осі стоїть на перешкоді війни (! – І. Ш.) та “жидівських намірів поневолення”. Наприклад, за статтею Н. Донського “Євреї і Друга світова війна”, надрукованої на сторінках “Щотижневої газети добровольчих з’єднань «На посту»” (російською мовою), євреї здійснили ідеологічну та психологічну підготовку насе-

лення демократичних країн до війни, втягнули до неї Сполучені Штати та стали використовувати прибутки від поставок товарів та спекуляції³⁷. За статтею “Жидівська війна” (написаною в Берліні та передрукованою багатьма газетами), в усіх країнах антигітлерівської коаліції “жиди видають себе за патріотів” і розв’язали війну проти Німеччини³⁸. Дуже показовими є й назви статей, наприклад: “Жид підбурює до загострення повітряної війни”³⁹, “Боротьба за свободу і цивілізацію світу проти жидівської коаліції”⁴⁰ тощо.

Крім того, на міф про “злочинну природу єврейства” працювала й ідея про те, що саме євреї в минулому і сучасному породжують усі негативні явища в суспільстві – спекуляцію, зростання цін, мародерство і, крім того, опір “німецькому новому порядку”. Про це йдеться, зокрема, у матеріалах “Жид – найнебезпечніший ворог світу”⁴¹, “Жиди-біженці розвели величезну спекуляцію”⁴², “Жидівське мародерство”⁴³, “Єврейська злочинність в Угорщині”⁴⁴ тощо. Наведемо текст останнього матеріалу: “За повідомленням угорського міністра юстиції, євреями в 1939 р. здійснено в Будапешті 31,7 % усіх кримінальних злочинів, хоча євреї складають лише 19,2 % населення угорської столиці. Особливо значна участь євреїв у обмані і безчесної конкуренції”. Зрозуміло, що тут, як і під час створення інших міфів, реалізується теза Й. Геббельса: чим безглуздішою та нахабнішою є брехня, тим легше в неї можуть повірити.

2.4.3. Намагаючись обґрунтувати репресії проти євреїв, діячі нацистської пропагандистської машини пробували довести, що євреїв, поперше, переслідують і женуть в усіх європейських країнах – союзниках і сателітах Німеччини, а по-друге, антисемітизм зростає навіть у країнах антигітлерівської коаліції. Та й взагалі, для місцевого населення окупованих територій формується черговий міф, за яким *антисемітизм – це природне явище, споконвіку притаманне людству, що намагалося “звільнитися з-під жидівського панування”*.

Окупаційні газети містять численні повідомлення з країн гітлерівської осі, їхніх союзників і окупованих Німеччиною країн про “досвід” ізоляції євреїв від іншого населення та інформацію про “підтримку” антисемітської політики населенням, яке нібито рятується від “розкладницького впливу жидів і підбурювання ними до заколотів”. При цьому місцеві окупаційні газети використовували як передруки з центральних газет (“Deutsche Ukraine-Zeitung” та ін.), так і твори місцевих авторів – поплічників нацистських пропагандистів.

Наведемо назви таких статей, за якими можна зрозуміти їхній зміст: “Чому Німеччина визволилася від жидів”⁴⁵, “Жидівські гетта в Протектораті”⁴⁶, “Остаточна розв’язка жидівського питання у Болгарії”⁴⁷, “Табори для жидів в Румунії”⁴⁸.

Лише в одній “Дніпропетровській газеті” було розміщено більше десятка подібних статей: “Боротьба з розкладницьким впливом жидів. Поселення їх на ізольованій території” (про “ізоляцію” євреїв в Богемії і Моравії)⁴⁹, “Люблін вільний від жидів”⁵⁰, “Розв’язання жидівського питання в Болгарії”⁵¹, “Жидівське питання в Угорщині”⁵². Дійшло до трагікомічного: в газеті “Новое слово”, що видавалася в Німеччині, була надрукована стаття “Єврейське питання в Японії”⁵³ – хоча в країні сонця, що сходить, євреїв взагалі практично не було. Крім того, у статті йшлося про “протистояння єврейському засиллю” на Філіппінах.

Нацистські пропагандисти не залишили поза увагою і *нейтральні країни*, у яких, за їхніми повідомленнями, теж зростає антисемітський рух. Так, знайшовши інформацію про заборону забивати за єврейською традицією худобу в Буенос-Айресі, нацистські газетярі під назвою “Антижидівські заходи” пишуть: “...В Аргентині уряд (хоча бургомістр, як відомо, не є урядом країни. – *І. Ш.*) вжив заходів щодо припинення наживи щодо жидівських пропалювачів грошей”⁵⁴. Подібні матеріали знаходили (або вигадували) і щодо країн Африки, Азії тощо.

До окремої групи можна віднести статті про “*протистояння єврейству*” в Англії, США та інших країнах антигітлерівської коаліції. Сюди належать численні статті з окупаційних газет, що видавалися по всіх регіонах окупованої України та на території Німеччини: “Антисемітизм в Англії і США”⁵⁵, “Антижидівські плакати в Лондоні”⁵⁶, “В Англії зростають антижидівські настрої”⁵⁷, “Антисемітизм в Англії”⁵⁸, “Зростаюча опозиція проти жидів в Англії”⁵⁹ тощо.

Через такі матеріали читачам доводили, що “більшість світу” виступає за “ізоляцію” євреїв, “визволення” від них, і, якщо українці хочуть “не відриватися” від Європи, нехай і гітлерівської, – треба використовувати її антисемітський досвід. Отже, можна сказати, що систематичні публікації матеріалів про переслідування євреїв в різних країнах були непрямым підбурюванням місцевого населення до антисемітських акцій та участі у “остаточному вирішенні єврейського питання”.

Зрозуміло, що й тут логіка нацистських пропагандистів кульгає: з одного боку, за їхніми ж творами – ці країни повністю знаходяться під “жидівським пануванням” і контролем з боку євреїв, з іншого – антисемітизм потужно зростає навіть в цих “прожидівських” країнах.

Іл. 5. Міф про антисемітизм у країнах антигітлерівської коаліції на шпальтах українських окупаційних газет

Таким чином, як слушно зауважує білоруський дослідник С. Жумар, пронацистські видання намагалися довести, що німецький антисемітизм є лідером “всесвітньої боротьби проти єврейства”. Тому читачів щедро потчували розповідями про єврейські погроми в Шанхаї, сутичках євреїв та арабів на Близькому Сході та у Французькій Африці, обурення англо-американських трудящих проти політики своїх нібито “проєврейських урядів”, антисемітизм архієпископа Кентерберийського, побиття євреїв на Уралі та в Середній Азії тощо⁶⁰.

2.5. Інші газетні матеріали антисемітського спрямування.
Антисемітське спрямування окупаційної преси не обмежувалося “антисемітськими кліше” чи антисемітськими міфами. Можна виділити ще декілька основних моментів.

- Промови нацистських лідерів, що друкувалися в газетах. Ці матеріали є дуже цікавими з точки зору психологічної обробки українського населення, яке за часів радянського тоталітарного режиму звикло до необхідності “вождів”.

- Інформація про те, як можна ідентифікувати, виявити, “демаскувати” євреїв. Водночас така інформація підбурювала місцеве населення до видачі євреїв гітлерівцям і т. ін.

- Прямі заклики до антиєврейських дій – зазначення адрес, на які треба надсилати інформацію про євреїв, що переховуються, а також списки євреїв, яких розшукувала нацистська влада. Принагідно слід згадати укази про покарання тих представників слов’янського населення, хто переховував євреїв.

- Укази нацистської влади про переселення до гетто, контрибуції та податки з єврейського населення України.

- Інформація про “акції” нацистів щодо знищення євреїв. Але треба наголосити, що поширювалася інформація лише про страсти окремих євреїв, а відомості про масові розстріли єврейського населення – такі, що відбувалися в Бабиному Яру (Київ), Дробицькому Яру (Харків), Ботанічному саду (Дніпропетровськ) – залишалися нерозголошуваними.

Слід зауважити, що практично всі ці види публікацій виконували перш за все інформаційно-розпорядницькі функції. Але водночас їхній пропагандистський вплив був також дуже великий.

Треба підкреслили, що окупаційна преса була найпотужнішим засобом нацистської антисемітської пропаганди, але ідеологічна обробка свідомості місцевого населення була комплексною та включала до себе й інші форми пропаганди.

3. Антисемітські листівки та карикатури

Антисемітські листівки та карикатури можна розподілити на декілька груп за “адресатами” цієї пропагандистської продукції:

- листівки до бійців Червоної армії;
- листівки до мешканців Західної України (до цієї групи треба окремо додати матеріали українських націоналістів);
- листівки до мешканців інших регіонів України.

Слід також зауважити, що на сході, півночі України та в Криму поширювалися листівки та карикатури, розроблені для російської аудиторії, з посиланням на російський фольклор, акцентуванням російських національних традицій.

Зрозуміло, основний мотив листівок, як і газет, був пов'язаний з міфом про “жидо-більшовизм”, провину євреїв у початку війни тощо.

Лл. 6, 7, 8

Але окрім тих міфів і кліше, про які йшлося вище, можна виділити такі основні ідеї антисемітських листівок і карикатур.

- Солдати-червоармійці воюють за жидо-більшовицьких комісарів. Німецький режим “не має нічого проти” українців, кинутих до бою “жидо-більшовицьким режимом”, і має на меті “звільнити”

Україну від “жидо-більшовизму”. Невипадково практично завжди на зворотньому боці листівок і карикатур друкувалася “перепустка” для червоармійців, що захочуть здатися у полон німцям, інколи – разом з поясненнями про “умови” полону (слід зауважити, що українськомовних листівок, призначених для червоармійців, було поширено набагато менше, ніж антисемітських листівок російською мовою).

Лл. 9, 10

- Євреї не хочуть і не можуть воювати. На фронті це видно на прикладі “єврея-політрука, що ховається за спинами червоноармійців” тощо.
- Євреї є “ляльководами” Сталіна, справжніми керівниками радянського режиму.
- Євреї є головними ворогами українського народу.

Лл. 11, 12, 13

Зрозуміло, що висока питома вага листівок, призначених для червоноармійців, зумовлюється умовами поширення пропагандистської продукції на фронті.

Слід зазначити, що під час створення спеціалістами геббельсівського відомства антисемітських листівок і карикатур найбільшою мірою враховувалися психологічні особливості людей, яким ця пропагандистська продукція була призначена.

4. Накази та оголошення окупаційних властей

Накази, об'яви, оголошення, попередження, інструкції нацистських окупаційних властей, що оприлюднювалися для місцевого населення, були важливим регулюючим чинником у встановленні нацистського “нового порядку”, і, зокрема, в антисемітській обробці свідомості населення окупованих територій України. Розглядаючи саме цю характеристику німецьких наказів (адресованих як євреям, так і несврейському населенню), за змістом їх можна згрупувати у декілька блоків:

- накази та оголошення, що застерігали українське населення від переховування євреїв;
- накази та розпорядження з організації єврейських гетто та регламентації конфіскації майна євреїв, його продажу та перерозподілу;
- численні документи, що обмежували пересування євреїв населеним пунктом та провадили інші форми дискримінації єврейського населення;
- “урочисті” накази, присвячені певним датам, де обігрувалися міфи про “жидо-більшовизм” та інші.

Окремо можна назвати накази, що опосередковано стосувалися “єврейського питання”, але мали антисемітську спрямованість – наприклад, накази, адресовані українському населенню щодо формування з його представників нацистських військових підрозділів (подібні ж накази стосувалися мобілізації молодих людей до РОА тощо).

4.1. Накази та оголошення, що застерігали українське населення від переховування євреїв. Слід зауважити, що акції зі знищення євреїв окупованої гітлерівцями України не були одномоментними. Тому нацистська влада на певних етапах закликала місцевих мешканців до видачі, передусім, євреїв “з чужої місцевості” або видачі тих євреїв, які не жили в населеному пункті до певної дати (наприклад, дати набуття “правочинності” відповідного наказу, розпорядження або оголошення).

“Відповідальність” за видачу євреїв нацистам покладалася, у першу чергу, на бургомістрів міст і старост сіл. Але й усі “пересічні мешканці” застерігалися від переховування євреїв під страхом смерті. Так, в “Оголошенні” Гебітскомісара, до відома якого належав Бердичів, ішлося: “У кожному випадку, якщо виявиться, що якась єврейська особа перебуває без дозволу, всю сім’ю, що дає таким притулок, буде покарано смертю”⁶¹.

Особливо багато наказів, оголошень та розпоряджень про покарання за переховування євреїв оприлюднювалося під час “акцій виселення” (тобто знищення) євреїв.

Зазначимо, що в нацистських наказах і оголошеннях використовувалися деякі психологічні прийоми задля більш ефективної антисемітської обробки свідомості людей. Так, оголошуючи сувору заборону “жидів переховувати або яким-небудь способом перешкоджувати у проведенні акції виселення”, начальник місцевої поліції та СС акцентує увагу на забороні пограбунків і самовільного привласнення майна євреїв, загрожуючи порушникам розстрілом⁶². Таким чином, увага людей привертається до майнових питань, а “акція виселення” євреїв подається як побіжне, буденне явище, до якого люди й мають так же буденно ставитися.

Використовуючи “метод кнута і пряника”, поряд із загрозами за рятування євреїв нацисти заохочували місцевих мешканців доносити на євреїв, що ховаються від окупантів. Донощику, за повідомленням котрого вдалося б затримати єврея, що переховувався, була обіцяна винагорода, “розмір якої встановлює Командувач SS і Поліції”⁶³.

4.2. *Нацистські накази, оголошення та розпорядження з організації єврейських гетто та регламентації конфіскації майна євреїв.* Виділяючи певну територію населеного пункту для концентрації євреїв, нацисти, у першу чергу, зверталися до євреїв. Інколи в документах нагадувалося, що належність до єврейської нації “визначається не релігією, і не підданством, а расою”⁶⁴. Отже, нацисти цим самим нагадували, що за расовою теорією євреї стоять осторонь інших людей, і це ніщо не може змінити.

З іншого боку, особливу увагу гітлерівці приділяли тому, щоб українське населення не перешкоджало переселенню євреїв до гетто. Законослухняні місцеві мешканці мали чітко виконувати розпорядження щодо окремого проживання євреїв (у гетто) та неєвреїв і не надавати притулка євреям, інакше їм загрожувала смертна кара. Так, в оголошенні за підписами генерал-губернатора Франка та штадгауптмана Хьолера

говорилося, що навіть “підбурювачі та помічники підлягають цій самій карі, що й особи, які допустилися чину. Намір буде караний як довершенний чин”⁶⁵.

Отже, українці мали погодитися з тим, що євреї приречені на особливу долю.

Адресуючи накази та оголошення до українського населення щодо організації єврейських гетто, окупаційна влада забороняла самовільне вигнання євреїв з їхніх помешкань і привласнення їхнього майна. Зрозуміло, що нацисти опікувалися порядком перерозподілу конфіскованого майна та загальним контролюванням ситуації.

Цинічними були накази, за якими єврейське населення грабувалося окупаційною владою під ширмою “штрафів” чи “контрибуцій”. Так, у наказі воєнного коменданта Дніпропетровська від 2 жовтня 1941 р. йшлося: “Досконально встановлено, що з часу зайняття міста Дніпропетровська німецькими військами до сьогоднішнього дня жидівським населенням провадяться грабунки в великих розмірах.

З метою покарання я наказую таке:

1) Жидівське населення обкладається штрафом у розмірі:

3 мільйони марок = 30 мільйонів карбованців.

2) Штраф повинен бути зібраний жидівською общиною м. Дніпропетровська під контролем Міської Управи...”⁶⁶

Цілком зрозуміло, що звинувачення євреїв у “грабунках в великих розмірах” були абсолютно безпідставними, але воно працювало на формування суспільної думки про те, що в усьому негативному апріорі винними мають бути євреї. Нагадаємо, що це було і одним із напрямків антисемітської пропаганди через окупаційну пресу.

4.3. Накази, що провадили дискримінацію єврейського населення.

Можна назвати чимало тем нацистських об’яв та наказів, що демонстрували місцевому населенню приниження людської гідності євреїв, мали публічно довести їхню “неповноцінність”. Серед них – такі, де від євреїв вимагалось носити жовті “знаки Давида”, нашиті на одязі⁶⁷, якими заборонялося збиратися на зібрання⁶⁸, вільно проходити якимись вулицями тощо.

Так, відверто антисемітську спрямованість мали накази та розпорядження окупаційної влади, що *обмежували пересування євреїв населеним пунктом*. Нацисти послідовно проголошували особливі умови мешкання євреїв.

Наприклад, у місті Броди було оголошено: “...Жидам забороняється опускати своє помешкання від 19-ої – 6-ої год. (за нім. часом), а іншому населенню від 21-ої – 6-ої год...”⁶⁹ У наказі міської управи Дніпропетровська зазначалося: “...Ходити по місту дозволяється лише до 19 год. дня, а жидам до 16 год...”⁷⁰ В іншому наказі сказано: “Жидівському населенню забороняється перебувати на вулицях міста Львова після 20-ої години. Решту населення обов’язує ця заборона від 22-ої год. Німців з Райху цей розпорядок не торкається”⁷¹. Отже, така диференціація комендантської години існувала по всій окупованій гітлерівцями території.

Зрозуміло, що такі настанови мали переконувати місцеве населення у “неповноцінності” євреїв. До того ж це мало відігравати психологічну компенсаторну роль для слов’ян, яким, у свою чергу, наголошувалася їхня “неповноцінність” по відношенню до німців.

До цього, зокрема, долучалися *накази та оголошення, що за єдину мету мали приниження євреїв*. Яскравою ілюстрацією цього є наказ Комісара Округи Лінднера, що був вивішений на вулицях Луцька у 1941 р., у якому говорилося, що євреї не мають право “...вільно проходити головними вулицями. Також забороняється зупинятися поблизу Комендатури. Жиди, які порушать це розпорядження, будуть покарані смертю”⁷². Найхарактернішою і найпоширенішою ж об’явою, мабуть, була така, проста і лаконічна: “Жидам вхід заборонено!”⁷³

Євреї піддавалися *дискримінації і в питаннях працевлаштування*. Так, у постанові Генерального Губернаторства Дистрикту Галичина “В справі уживання жидів до праці” йшлося: “Приймання і давання праці жидам в приватних господарствах нежидівського населення є заборонене”⁷⁴. Стосовно ж роботи в інших установах і підприємствах, то дозвіл на неї мав видавати спеціальний “Відділ для жидів Уряду праці”⁷⁵.

Гітлерівський міф про те, що євреї “не здатні до продуктивної праці”, мав обґрунтувати примусову працю євреїв, пояснити необхідність, як сказано в оголошенні, виданому в Самборі, “реєстрації” євреїв з “метою організації вимаганого владою обов’язку праці”⁷⁶. Треба зауважити, що такі “реєстрації” були й етапом підготовки та реалізації знищення євреїв.

Як відомо, встановлення “нового порядку” супроводжувалося певними діями з організації діяльності соціальної сфери для місцевого населення. Але, звісно, *нацистськими наказами євреї позбавлялися можливості задовольнити свої елементарні соціальні потреби*. Так, в об’яві Відділу соціального забезпечення Дніпропетровської міської управи

(1941 р.) йдеться, що перереєстрації для нарахування пенсій підлягають всі пенсіонери, крім жидів⁷⁷. В об'яві про прийом дітей до дитячого садка сказано, що він здійснюється для “дітей всіх національностей, крім жидів...”⁷⁸ Зрозуміло, що така публічна демонстрація дискримінації євреїв – “від старих до малих” – теж відіграла свою роль в антисемітській обробці свідомості місцевого населення, яке переконували у “неповноцінності” євреїв.

Дуже зручними були для нацистів і звинувачення євреїв в організації диверсійних актів проти німецьких окупантів та організації саботажу. Як вже згадувалося вище, про це йшлося в багатьох статтях окупаційної преси, наприклад, у статті “Партизани, повстанці, чи жидівсько-комісарські диверсанти?”⁷⁹ Крім антисемітської спрямованості, такі документи мали ще формувати у місцевого населення уяву про “жидівський характер” Руху Опору, а отже – чужерідність підпільного опору нацистам. Це ж ілюструють і нацистські об'яви, накази та розпорядження, наприклад, оголошення про розшук єврейки Ліни Ганс за вбивство жовніра⁸⁰.

4.4. Накази та оголошення, пов'язані з відзначенням певних подій.

Нацистська пропагандистська машина використовувала для досягнення своїх цілей святкування річниць різних подій в історії, у тому числі – “новітньої” історії німецького “нового порядку”. Це можна проілюструвати, зокрема, зверненням “До населення міста Дніпропетровська” Голови Української Міської Управи м. Дніпропетровська д-ра П. Соколовського та Голови Місцевого Комітету Самопомоги С. Смирного. Документ було видано з нагоди двох років від 25 серпня 1941 р., коли “Німецькі солдати назавжди вигнали жидо-більшевиків з міста Дніпропетровська і поклали початок новому життю”⁸¹. У тексті чимало сказано про “злочини жидо-більшевицького режиму” та досягнення “звільненої України”. Важливо відзначити, що з єврейським пануванням антисеміти пов'язували всі негаразди та злочини радянської доби: “Назавжди зник жидо-більшевицький режим, пішли в небуття колгоспи, оскраженіла агітація та переслідування релігії, знущання над українською та російською інтелігенцією, штучно організований голод”⁸². Читачі цього опусу мали зрозуміти, що саме “Німецька Армія, Великий Німецький народ та його Фюрер... досягають остаточної перемоги над загальним ворогом людства – жидобільшовизмом”⁸³.

Отже, цей документ є прикладом формування міфа про “жидобільшовицький характер” радянської влади.

4.5. Накази та оголошення, присвячені формуванню нацистських військових підрозділів. Зрозуміло, що накази та об'яви, пов'язані із агітацією українців до вступу до лав нацистських військових підрозділів, мали на меті, передусім, переконання юнаків у необхідності такого кроку. Але антисемітська риторика була невід'ємною складовою подібних документів. Це видно і з назв, наприклад: “Шикуйтеся до лав СС! Для боротьби з жидо-большевизмом!”⁸⁴, і зі змісту документів. У пропагандистських агітках тема “жидо-московської нахаби”⁸⁵ була однією з провідних в аргументації необхідності колаборації.

Це ж можна сказати і щодо документів з агітацією до власівської армії.

У цілому треба зауважити, що накази, розпорядження, оголошення розвішувалися на вулицях населених пунктів окупованої України, друкувалися на сторінках окупаційної преси, розповсюджувалися у вигляді листівок тощо. Та незалежно від способу “популяризації” документів, вони є свідченням антисемітського характеру нацистського окупаційного режиму та важливим джерелом інформації про здійснення “остаточного вирішення єврейського питання”.

5. Ефективність нацистської антисемітської пропаганди

На разі немає науково обґрунтованих методик ретроспективного аналізу ефективності нацистської антисемітської пропаганди з урахуванням багатьох чинників: з одного боку – антисемітизму, що існував в Україні напередодні війни, з іншого – декларативною радянською “інтернаціоналістською політикою”; з одного боку – намагання частини слов'янського населення пристосуватися до гітлерівського репресивного режиму (а відповідно, і погодитися з геноцидом євреїв або “не помічати” його), з іншого – протистояння нацистському окупаційному режиму і, певною мірою, його репресивній політиці щодо євреїв. Крім того, слід зважати на таке:

- релігійні чинники (зокрема, у Західній Україні, де в багатьох регіонах суттєвий вплив мали уніатська церква та особисто митрополит Андрей Шептицький);

- поширеність національного руху ОУН-УПА, ставлення якого до “єврейського питання” змінювалося протягом війни;

- національний і соціальний склад населення в різних регіонах України тощо.

Слід зауважити, що нацистська антисемітська пропаганда на окупованій території України була досить гнучкою та мала низку особливостей.

По-перше, слід зазначити “адресність” листівок, газет та інших матеріалів (“адресатами” були червоноармійці, українські селяни, мешканці міст тощо). При цьому використовувались “народні” форми билин, пісень для подачі антисемітських матеріалів, використовувались образи героїв народного фольклору відповідно до культурних традицій населення певного регіону.

По-друге, існували певні особливості гітлерівської політики в Західній Україні.

По-третє, можна простежити певні етапи здійснення нацистської антисемітської пропаганди, пов’язані з етапами реалізації “остаточного вирішення єврейського питання”, змінами на фронтах Другої світової війни тощо.

Незважаючи на складність питання, цілком очевидно, що за умов окупації вплив антисемітської пропаганди був суттєвим. Значні наклади газет, перш за все обласних, масове розповсюдження наказів і листівок, а отже, велика місцева аудиторія говорять про наявність величезного інформаційно-пропагандистського впливу на свідомість місцевого населення.

Втім, *дослідники цього питання можуть знайти лише побічні, непрямі свідчення ефективності нацистської антисемітської пропаганди, які засвідчують різні джерела* (зрозуміло, за умовою їхнього критичного аналізу):

- німецькі звіти та інші документи, які свідчать про настрої серед місцевого населення;
- донесення, звіти радянських підпільників і партизан, певні відомості зі звітів, що надсилалися на “Велику землю”;
- відповідні документи українських націоналістів;
- документи радянських ідеологічних установ, змушених займатися “контрпропагандистською діяльністю”, що було особливо актуально відразу після звільнення територій від гітлерівських окупантів;
- інформація про практичні дії місцевого населення, представники якого або долучалися до геноциду євреїв, або рятували їх від знищення, або залишалися сторонніми спостерігачами “остаточного вирішення єврейського питання”.

Можна навести декілька прикладів свідчень про ефективність антисемітської пропаганди, що походять з різних джерел.

Про дієвість нацистської пропаганди свідчать німецькі документи. Так, у звіті гарнізонної комендатури Феодосії повідомлялося, що 16 грудня 1941 р. “через продаж на вулиці був розповсюджений 1-й наклад

газети, що видавалася в Феодосії. Місцеве населення з живою цікавістю сприйняло газету, і наклад розійшовся надзвичайно швидко⁸⁶. Популярність окупаційної преси серед населення була зумовлена тим, що газети для місцевих жителів були найважливішим джерелом інформації про накази окупаційної влади (від яких залежали життя і доля людей), про становище на фронтах (хоча і з перекрученнями та фальсифікаціями – але ж альтернативи цьому майже не було, а вмінню “читати поміж рядків” не треба було вчити колишніх читачів радянської преси). Тож не дивують свідчення сучасника подій, який згадував, що черга за газетами на вулицях окупованого Києва вишикувалася за годину до відкриття кіосків.

З іншого боку, у “Звіті Ворошиловградського обкому КП(б)У про роботу за час з січня 1943 р. по вересень 1944 р.”, у розділі “Агітаційно-пропагандистська робота” зазначається, що серед питань, котрі задавалися в перші дні після звільнення Ворошиловградської області, були й такі, як: “Чи вірно, що союзники відмовилися відкрити другий фронт проти Німеччини?”, “Чи вірно, що в радянському тилу голод?”, “Чи вірно, що всі евакуйовані підприємства до цього часу не працюють і що більшість обладнання німці розбомбили дорогою?”, “Чи правда, що СРСР здав у концесію нафтовий район Баку на 99 років Англії?” Враховуючи наявність серед публікацій “Нового життя” матеріалів такого змісту, можна констатувати значний інформаційний і ідеологічний вплив преси на свідомість місцевого населення⁸⁷.

Нацистська антисемітська пропаганда, а також моральний тиск і залякування місцевого населення, провокаційні заходи геббельсівської пропагандистської машини мали й певні “практичні” результати – приклади антиєврейських дій представників місцевого населення, що діяли за нацистськими ідеологічними настановами. Так, у Західній Україні були спровоковані на погроми жителі Станіслава, Тернополя, деяких інших міст⁸⁸. Причиною цих погромів були антисемітські погляди, що традиційно існували в частині українського суспільства і поширилися у зв’язку з дворічним періодом радянської влади – але можливими погроми стали перш за все тому, що місцеве населення усвідомлювало, що воно залишиться безкарним за участь у них. Окупанти намагалися втягнути до знищення євреїв і українське населення Сходу та Півдня України, і в окремих документах є свідчення про те, що “українська поліція добре себе зарекомендувала при виконанні своїх поліцейських завдань”⁸⁹ (зрозуміло, що й ці події треба розглядати з огляду на наявність антисемітизму серед частини українського населення, коли антиєврей-

ські дії здійснювалися “за власною волею”, а не вказівкою нацистів). Втім, як слушно зауважує професор М.В. Коваль, поліція становила не більше 1% місцевого населення; крім того, настрої українців змінювалися, коли вони ставали свідками жахливих злочинів гітлерівських катів – таких, як розстріли у Бабиному Яру у 1941 р.⁹⁰

Разом з тим, не можна не сказати про численні приклади рятування євреїв місцевим українським населенням, що є практичним проявом протидії нацистській антисемітській пропаганді. Але в цілому наявні історичні дослідження свідчать, що більшість українців займала нейтральну позицію щодо “остаточного вирішення єврейського питання”.

Загалом же питання про ефективність нацистської антисемітської пропаганди потребує подальшого дослідження.

¹ Цит. за: Коваль М.В. Нацистський геноцид щодо євреїв та українське населення (1941–1944 рр.) // Укр. іст. журн. – 1992. – № 2. – С. 26.

² Див.: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки, документы и материалы. – В 2 т. – Т. 2. Агрессия против СССР. Падение “Третьей империи” (1941–1945 гг.). – М.: Наука, 1973. – С. 196.

³ Див.: Смилянская Ю.В. История одной редакции (газеты “Украинское слово” и “Новое украинское слово”) // Тень Холокоста: Националистическая пропаганда (1941–1997). – М.: Фонд “Холокост”, 1998. – С. 140–146.

⁴ Див.: История Второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. – М.: Воениздат, 1974. – Т. 3. – С. 316.

⁵ Див.: Титаренко Д.М. Преса Східної України періоду німецько-фашистської окупації як історичне джерело (1941–1943 рр.): Дисертація на здобуття наук. ступ. канд. іст. наук. – Донецьк, 2002. – С. 44.

⁶ Див.: там же.

⁷ Голос. – 1943. – 8 августа.

⁸ Клич (без дати). – Архів Центрального Українського Фонду історії Голокосту “Ткума” (далі – Архів Центру “Ткума”).

⁹ Голос правды. – 1943. – 3 июля.

¹⁰ Див.: Титаренко Д.М. Згадана праця.

¹¹ Див.: Коваль М.В. Фашистская политика духовного, морально-политического подавления населения Украины и ее крах (1941–1944) // Общественно-политическая жизнь трудящихся Украины в годы Великой Отечественной войны: Сборник научных трудов. – К.: Наукова думка, 1988. – С. 158.

¹² Див.: Титаренко Д.М. Згадана праця.

¹³ Байбак П.Т. “Смолоскип” ОУН на Слобожанщині // На зов Києва: Український націоналізм у II світовій війні. Збірник статей, спогадів і документів / Зредагув. К. Мельник, О. Лашенко, В. Верига. – К.: Дніпро, 1994. – С. 306.

¹⁴ Див.: Титаренко Д.М. Згадана праця.

¹⁵ Див.: Смилянская Ю. Отражение Холокоста в прессе оккупационного периода на территории Украины // Катастрофа європейського єврейства під час Другої світової війни: Матеріали VII наукової конференції. – К.: Інститут юдаїки, 2000. – С. 301.

¹⁶ Див.: Тяглый М. Антисемитская доктрина и ее место в пропагандистской модели, реализованной нацистами в оккупированном Крыму // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 5. – С. 184.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Нове українське слово (Київ). – 1943. – 9 червня.

¹⁹ Новое слово. – 1941. – 10 февраля.

²⁰ Клич.

²¹ Дзвін: Округовий Криворізький часопис. – 1943. – 10 березня.

²² Промінь: Округовий Нікопольський часопис. – 1942. – Вересень.

²³ Голос. – 1943. – 8 серпня.

²⁴ Промінь: Округовий Нікопольський часопис. – 1942. – 1 серпня.

²⁵ Про роботу служби див.: Тяглый М.И. Методика распространения нацистских антисемитских материалов на оккупированных советских территориях: публикации службы “Ostraum-Artikeldienst” // Проблеми історії Голокосту (науковий журнал Центрального Українського Фонду історії Голокосту “Ткума”). – 2005. – № 2. – С. 164–171.

²⁶ Промінь: Округовий Нікопольський часопис. – 1943. – 4 серпня.

²⁷ Дніпропетровська газета. – 1943. – 10 серпня.

²⁸ Дзвін: Округовий Криворізький часопис. – 1943. – 7 вересня.

²⁹ Вільна Україна: орган Дніпропетровської міської управи. – 1941. – 14 жовтня.

³⁰ Новое слово. – 1941. – 10 февраля.

³¹ Дніпропетровська газета.

³² Промінь: Округовий Нікопольський часопис. – 1943. – 29 травня.

³³ Там же.

³⁴ Новое слово. – 1943. – 14 марта.

³⁵ Павлоградська газета. – 1943. – 9 лютого.

³⁶ Там же.

³⁷ На посту. – 1944. – 21 сентября

³⁸ Дзвін: Округовий Криворізький часопис. – 1942. – 22 січня.

³⁹ Промінь: Округовий Нікопольський часопис. – 1942. – 12 квітня.

- ⁴⁰ Дзвін: Округовий Криворізький часопис. – 1943. – 15 жовтня.
- ⁴¹ Там же. – 1942. – 21 травня.
- ⁴² Там же. – 1942. – 17 лютого.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Новое слово. – 1942. – 13 мая.
- ⁴⁵ Павлоградська газета: Офіційні обласні вісті. – 1943. – 14 липня.
- ⁴⁶ Дзвін: Округовий Криворізький часопис. – 1942. – 25 квітня.
- ⁴⁷ Промінь: Округовий Нікопольський часопис. – 1942. – 11 липня.
- ⁴⁸ Дніпропетровська газета. – 1942. – 29 серпня.
- ⁴⁹ Там же. – 1942. – 26 березня.
- ⁵⁰ Там же. – 1942. – 7 червня.
- ⁵¹ Там же. – 1942. – 8 липня.
- ⁵² Там же. – 1942. – 25 вересня.
- ⁵³ Новое слово (Берлін). – 1941. – 10 февраля.
- ⁵⁴ Дніпропетровська газета. – 1943. – 27 серпня.
- ⁵⁵ Заря (Берлін). – 1943. – 22 серпня.
- ⁵⁶ Дзвін: Округовий Криворізький часопис. – 1943. – 9 листопада.
- ⁵⁷ Дніпропетровська газета. – 1943. – 28 травня.
- ⁵⁸ Там же. – 1943. – 29 червня.
- ⁵⁹ Промінь: Округовий Нікопольський часопис. – 1943. – 26 травня.
- ⁶⁰ Див.: Жумарь С. Пресса об антиеврейских акциях в Центральной, Южной и Западной Европе (на материалах белорусскоязычной оккупационной периодики 1941–1944 годов) // Материалы 8 Международной конференции по иудаике. – М.: Сэфер, 2000. – С. 216.
- ⁶¹ Оголошення Гебітскомісару. – Архів Центру “Ткума”.
- ⁶² У нашій окрузі відбувається сьогодні виселення жидів. – Об’ява Губернатора Галицької Області, Командувача SS і Поліції gez. Katzmann. – Львів, 1942 рік. – Архів Центру “Ткума”.
- ⁶³ Пересторога! – Оголошення Губернатора Галицької Області, Командувача SS – і Поліції gez. Katzmann. – Львів, 3 червня 1943 року. – Архів Центру “Ткума”.
- ⁶⁴ К жидам г. Харькова! – Объявление коменданта города. – 10 декабря 1941 года. – Архів Центру “Ткума”.
- ⁶⁵ Оголошення генералгубернатора Франка (Варшава, 15 жовтня 1941 року) та штадгауптмана Хюлера (Львів, 10 березня 1942 року). – Архів Центру “Ткума”.
- ⁶⁶ Наказ военного коменданта. – Дніпропетровськ, 2 жовтня 1941 року // Вільна Україна. – 1941. – 4 жовтня.

⁶⁷ Оголошення Генерального Комісару Шьоне – Бересть-Литовський, 6 вересня 1941 року, Краєвого комісару Д-ра Беера, Рівне, 17 вересня 1941 року. – Архів Центру “Ткума”.

⁶⁸ Оголошення. – Станиславів, 8 вересня 1941 року. – Архів Центру “Ткума”.

⁶⁹ Оголошення. – Броди, 16 липня 1941 року. – Архів Центру “Ткума”.

⁷⁰ Наказ № 68 Дніпропетровської міської управи. – Дніпропетровськ, 29 грудня 1941 року. – Архів Центру “Ткума”.

⁷¹ Розпорядок Ч. 8. – Львів, 12 серпня 1941 року. – Архів Центру “Ткума”.

⁷² Остерога! – Луцьк, 19 грудня 1941 року. – Архів Центру “Ткума”.

⁷³ Жидам вхід заборонено! – Архів Центру “Ткума”.

⁷⁴ Постанова в справі уживання жидів до праці. – Львів, 13 березня 1942 року. – Архів Центру “Ткума”.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ До жидівського населення! – Самбір, 3 липня 1941 року. – Архів Центру “Ткума”.

⁷⁷ Об’ява Відділу соціального забезпечення Дніпропетровської міської управи. – 14 грудня 1941 року. – Архів Центру “Ткума”.

⁷⁸ Дніпропетровська газета. – 1941. – 14 листопада.

⁷⁹ Дніпропетровська газета. – 1941. – 21 листопада.

⁸⁰ Увага! Морд! – Оголошення Команданту Поліції Безпеки і СД в Дистрикті Галичина та Кримінальної Дирекції у Львові. – Березень 1943 року. – Архів Центру “Ткума”.

⁸¹ До населення міста Дніпропетровська. – Дніпропетровськ, 24 серпня 1941 року. – Архів Центру “Ткума”.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Шикуйтеся до лав СС! – 7 травня 1943 року. – Архів Центру “Ткума”.

⁸⁵ Юні Галичани! Зголошуйтеся до лав SS. Бувайте здорові! – Архів Центру “Ткума”.

⁸⁶ Див.: Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941 – 1945 гг. – М.: Коллекция “Совершенно секретно”, 2002. – С. 42.

⁸⁷ Див.: Титаренко Д.М. Згадана праця.

⁸⁸ Див.: Weiss A. Jewish-Ukrainian Relations in Western Ukraine During the Holocaust // Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective (Canadian Institute of Ukrainian Studies). – Edmonton, 1988. – P. 413.

⁸⁹ Див.: Коваль М.В. Нацистський геноцид щодо євреїв та українське населення (1941–1944 рр.) // Укр. іст. журн. – 1992. – № 2. – С.27.

⁹⁰ Там же.

Документальні джерела

Documental Sources

Жанна Ковба

Філіп Фрідман – свідок загибелі львівських євреїв

Винищення євреїв Західної України – подія, яка з самого початку стала цілеспрямовано фальсифікуватися; знищувалися матеріальні свідчення, неправдиво інтерпретувалися чи замовчувалися факти. Нацисти, замітаючи сліди, спалювали трупи на території Яновського табору у Львові, офіційні радянські історики майже до 1991 р. перетворювали загиблих євреїв у безлику масу радянських громадян.

З 1945 р. свідчення євреїв Східної Галичини, котрі пережили Катастрофу, почали збирати члени Надзвичайної Державної Комісії по вивченню злочинів фашистів, Комісії з історії Великої Вітчизняної війни при Академії наук УРСР.

Але вже в 1950 році така робота була практично згорнута. Свідчення галицьких євреїв, поляків продовжували збиратися у Польщі зусиллями співробітників Єврейського історичного інституту.

Хоч за останнє десятиріччя з'явилися публікації документів з історії України, регіональної історії, котрі містять інформацію про Катастрофу євреїв Східної Галичини, актуальність уведення до наукового обігу нових документів, особливо зібраних у 1945-50 рр. важко переоцінити.

Особливо це стосується стенограм спогадів, власноручних заяв, котрі розпоршені у різних фондах архівів України: Центральний державний архів вищих органів влади України (ЦДАВОУ, ф. 4620 – Надзвичайна комісія з розслідування злочинів фашистів на окупованій території УРСР), Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ, ф. 166 – Комісія з вивчення історії Великої Вітчизняної війни при Академії наук УРСР).

В Україні, як наукові публікації, нещодавно вийшли у світ “Щоденник Львівського гетто” рабина Д. Кахане¹, у Львові видані спогади українця Євгена Наконечного “«Шоа» у Львові”², у часописі “Голокост і сучасність”, опублікована археографічно опрацьована стенограма запису спогадів львів'янина Едмунда Баумвальда³.

Пропонуємо археографічну обробку стенограми спогадів ще одного львів'янина – Філіпа Фрідмана, очевидця, учасника трагічних подій життя і смерті єврейської громади Львова в 1941-44 рр.

Місцезнаходження документа, як і його зміст, маловідомі, практично не введені до наукового обігу.

Стенограма спогадів Ф. Фрідмана, датована 22 січня 1946 р., виявлена серед справ Надзвичайної Державної комісії у ЦДАВОУ⁴. Заголовок, де вказано: “22 января 1946 г. «Из стенограммы воспоминаний доктора философских наук Фридмана Пилипа Лазаревича об уничтожении немецкими фашистами еврейского населения во Львове»” дає підстави вважати, що це документ, який виник з ініціативи співробітників “Комісії з історії Великої Вітчизняної війни при АН УРСР”. Саме у січні 1946 р. наукові співробітники комісії, зокрема, Т.С. Золотарьова, проводили збирання і запис свідчень у Львові⁵.

У масиві документів фонду 166 спогадів Ф. Фрідмана не виявлено. У фонді 4620 ЦДАВОУ “Колекція документів Великої Вітчизняної війни” спогади виявлено серед інформації по Львівській області, справа 290 “Виписки з повідомлень НДК та акти про злочини німецько-фашистських окупантів і їх посібників українських націоналістів на території Львівської області”.

У складі архівного фонду наявні документи про результати розслідувань воєнних злочинів на окупованих територіях різних регіонів України, стенограми бесід, спогадів, тих, котрі пережили події 1941-44 рр. Окрема тема знищення, порятунку євреїв в різних регіонах України не виявлена.

Спогади очевидців записувалися співробітниками “Комісії”, котрі не завжди знали специфіку регіонів. До того ж, особливо для західних регіонів були задіяні офіційні й неписані цензурні обмеження. Наприклад, не згадувалося про розстріли в'язнів у тюрмах Львова та інших міст у останні дні відступу Червоної Армії, боротьбу українського та польського націоналістичного підпілля з німецькими окупантами. Факти, прізвища, географічні назви не завжди перевірялися, біографічні довідки респондентів-свідків, як правило, або відсутні, або дуже обмежені.

Фактологічна цінність свідчень-спогадів, особливо таких, як спогади Ф. Фрідмана, дуже велика. Але такі джерела потребують критичного аналізу, з огляду на цензуру уточнень термінів, дат. Очевидно, спогади Ф. Фрідман писав сам, українською мовою (на відміну від більшості стенограм, перекладених російською мовою). Після передруку, про що свідчить оригінал машинопису, текст не вичитувався.

Біографічні відомості про Ф. Фрідмана можна отримати з його спогадів, а також з довідки в «Краткой еврейской энциклопедии»⁶.

Співставлення інформації не лише цікаве, як форма подачі, але й як свідчення політичної обстановки в СРСР, зокрема у Львові у 1944-46 рр. Так, у стенограмі спогадів Ф. Фрідман подає такі дані. Народився у 1901 р. у Львові, у 1919 р. закінчив гімназію, у 1925 р. – Віденський університет. До вересня 1939 р. працював у гімназіях Лодзі та Варшави. У 1939-41 рр. – співробітник Інституту економіки Академії наук України у Львові. Німецьку окупацію пережив у Галичині: “переховувався по селах і у Львові”. Жодної інформації про родину, працю після закінчення німецької окупації. Стенограма спогадів датована 22 січня 1946 р.

З енциклопедичної довідки дізнаємося, що Ф. Фрідман закінчив Єврейський учительський інститут у Львові та Віденський університет. У 1925 р. здобув докторат, у 1929 р. опублікував дисертацію “Євреї Галичини у боротьбі за рівноправ’я. 1848-1868 рр.”. У 1920-30 рр. працював у Лодзі в єврейській гімназії та у Варшаві в Інституті єврейських досліджень. Очевидно, викладав єврейську історію та іврит, підготував і опублікував підручник з івриту для єврейських середніх шкіл; наукові розвідки “Історія євреїв Лодзі від їхньої появи до 1863 р.” (1935); “Історія євреїв Галичини 1772-1914” (1937) та кілька інших праць про життя польського єврейства II пол. XIX ст.

Ф. Фрідман активно публікувався у єврейських періодичних виданнях Західної Галичини, котрі видавалися ідишем, івритом, польською мовою.

На початку вересня 1939 р. повернувся у Львів, очевидно, як біженець. Про роботу у радянських установах в енциклопедичній довідці не згадано, як і про обставини виживання і порятунку під час німецької окупації.

Натомість є інформація, що у 1944-46 рр. у Лодзі був засновником і першим директором Центральної єврейської історичної комісії, викладав історію євреїв у місцевому університеті. У 1946 році отримав і прийняв пропозицію організувати мережу навчальних осередків для вцілілих євреїв у Американській зоні окупації у Німеччині. У 1948 р. після закриття таборів переміщених осіб виїхав у США. Працював директором Єврейської вчительської семінарії у Нью-Йорку, викладав історію євреїв у Колумбійському університеті, плідно працював як науковець. Ф. Фрідман очолював бібліографічний відділ видавничого відділу серії збірників документів з історії Голокосту, які випускалися спільно з Яд-Вашем, співробітничав з ІВО, був членом Американської історичної

асоціації. У післявоєнні роки започаткував організований пошук документів про Катастрофу європейського єврейства. У 1954 р. видав популярну книжку “Мученики й борці”, присвячену Варшавському повстанню, у 1957 р. розвідку про рятування євреїв в окупованих нацистами країнах Європи “Охоронці братів своїх”. Помер у Нью-Йорку в 1960 р.

У довідці не згадані праці Ф. Фрідмана про події Голокосту у Галичині та на теренах Польщі, котрі вийшли у Лодзі, Варшаві у 1945-1946 рр. Це книжки: F. Fridman. Zagłada Żydów Lwowskich. Lodz, 1945 (Загибель львівських євреїв); F. Fridman, T. Hołdy. Oświęcim, Oświęcim. (Освенцім, Освенцім). Warszawa: Książka, 1946.

Очевидно, стенограма спогадів, датована 22 січня 1946 р., є машинописною копією частини рукопису, котрий Ф. Фрідман представив у НДК ще у 1944 р. до виїзду в Польщу. Про це може свідчити порівняння змісту: факти, події, інтерпретація у “Спогадах” і у книжці, котра вийшла у Лодзі вже поза межами СРСР. Зокрема йдеться про опис перших днів німецької окупації у Львові. Порівняємо текст “Спогадів” і текст книжки “Zagłada Żydów Lwowskich”.

“Останній військовий відділ росіян залишив Львів вночі з 28 на 29 червня. Перші німецькі відділи увійшли до міста 29-го червня біля 11-ї години ранку. Зразу ж почали німці здійснювати свою “історичну місію” стосовно євреїв. Вже в перші години розклеїли по місту афіші з підбурюванням проти євреїв. В цих афішах і листівках, котрі роздавалися на вулицях, євреї виставлялися винуватцями війни, нечуваних злочинів, нібито вимордування кількох тисяч поляків та українців. Отруйне насіння, звичайно, дало відповідний урожай. Перші дні окупації з 30 червня до 3 липня були кривавими й жорстокими погромами.

До німецьких солдат долучилися покидьки суспільства, переважно з українських націоналістів, а також з організованої раніше так званої української міліції (допоміжна поліція).⁷ Почалося полювання на вулицях за єврейськими чоловіками. Львівські євреї, огорнуті панічним страхом, переважно не виходили на вулицю...

Українська міліція і німці, незадоволені занадто скупого улову на вулицях, почали перетрясати єврейські житла в пошуках жертв. Забирали чоловіків, подекуди і цілі родини, навіть з дітьми, під приводом, що зобов’язані очистити львівські тюрми від трупів. Кілька тисяч євреїв загнано в той спосіб до тюрми на вулицях Казимирівська (Бригідки), Лонцького, Замарстинівську, Яховича”⁸.

У стенограмі текст інший.

“Знищення євреїв у місті Львові почалося з першого дня приходу німців, тобто 30.VI.1941 р. Проте на перших порах німці проводили те знищення провокаційно. Користуючись відходом радянських військ, деяку частину єврейського населення німці завели до тюрем і там постріляли, причому цей розстріл проводився в супроводі екзекуції, з тим, щоб не можна було впізнати замордованих.

Разом із тим переслідувалась і друга мета, подати як приклад звірств НКВС, що перед своїм уходом зі Львова буцім-то розстріляли політичних в’язнів. Отже, для прибирання цих трупів, які були фактично трупи євреїв, знищених німцями, німці відразу ж, як прийшли, почали ловити на вулиці і хапати по хатах євреїв, які мусили прибирати ці трупи. Ті, які залишилися в живих, розповіли потім, що фактично вони ніяких трупів не прибирали, але впізнали серед них багато міських євреїв тільки що забитих. Про це свідчив пізніше розстріляний доктор Ізидор Ляу. Він розказував: «В різних частинах колосального подвір’я стояли купки євреїв, якими займалися німці. Вони проводили різні екзекуції. В одній купі їх лише били, в другій купі стріляли»”.

У стенограмі на відміну від книжки не фігурують українські націоналісти, “організована раніше так звана Українська міліція”. Водночас фактично заперечується і факт розстрілів НКВС у тюрмах Львова. Останнє легко пояснити тим, кому власне давав Фридман свої свідчення.⁹

Звідки взялася дата 22 січня 1946 року? Очевидно, це офіційна дата, якою позначалися акції збору свідчень “Комісії” у Львові (Див. стенограму спогадів Є. Баумвальда).

Текст спогадів Ф. Фридмана публікується без змін. У примітках на основі довідкових видань, контексту архівних документів, інших спогадів уточнені факти, події, дати, написання окремих топонімів, криптонімів, прізвищ.

**22 ЯНВАРЯ 1946 Г.
ІЗ СТЕНОГРАММИ ВОСПОМИНАНИЙ ДОКТОРА
ФИЛОСОФСКИХ НАУК ФРИДМАНА ПИЛИПА ЛАЗАРЕВИЧА
ОБ УНИЧТОЖЕНИИ НЕМЕЦКИМИ ФАШИСТАМИ ЕВРЕЙСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ ВО ЛЬВОВЕ**

Я народився у Львові в 1901 р. В 1919 р. закінчив гімназію у Львові, а у 1925 р. університет у Відні. За польської влади працював у Лодзі учителем історії в гімназії і в Варшаві [так у тексті – Ж.К.]. З 1939 р. працював у середній школі у Львові. З 1940 р. в інституті Економіки Академії наук УРСР у Львові. Під час німецької окупації працював до

серпня 1942 р. продавцем хліба в крамниці. В 1942 р. був взятий до концтабору, але втік і переховувався по селах і у Львові до приходу радянських військ.

Мої спогади в основному будуть стосуватися в висвітленні долі єврейської частини населення міста Львова в часи німецького панування на українських землях.

У Львові перебувало в часи входу німецької армії 30.VI.1941 р. за не зовсім точним обчисленням, яке залишилося в єврейській громаді, коло 135 тис. євреїв. Німецькі офіційні джерела подають число євреїв в тому часі на 114 500 чоловік. Правдоподібно вірніша цифра перша, бо німці старалися показати, що євреїв було менше. Мені здається, що цифра перша вірніша, тому, що вона відповідає цифрам, що залишилися в пізнішому періоді.

Знищення євреїв в місті Львові почалося з першого дня приходу німців, тобто 30.VI.1941 р. Проте на перших порах німці проводили те знищення провокаційно. Користуючись відходом радянських військ деяку частину єврейського населення німці завели до тюрем і там постріляли, при чому цей розстріл провадився в супроводі езекуції, щоб не можна було впізнати замордованих.

Разом з тим переслідувалась і друга мета – подати як приклад “звірств” НКВС, що перед своїм уходом зі Львова буцім-то розстріляли політичних в’язнів¹⁰. Отже, для прибирання цих трупів (а це були фактично трупи євреїв, знищених німцями) німці відразу як прийшли, почали ловити на вулиці і по хатах євреїв, які мусіли прибирати ці трупи, але залишилися в живих, розповіли потім, що фактично вони ніяких трупів не прибирали, але впізнали серед них багато міських євреїв, тільки що забитих. Про це свідчив пізніше розстріляний доктор Еліаш Ізидор Ляу, адвокат у Львові, вул. Бернштейна 1¹¹. Він розказував: “В різних частинах колосального подвір’я стояли кучки євреїв, якими займалися німці. Вони провадили різні езекуції. В одній купі їх лише били, в другій купі стріляли”.

В його купі було так: він стояв довгий час, але його не били. Врешті він попав у якусь чергу перед якимись дверима. Туди входили поодинокі, коли хто входив, останні, які залишалися зовні чули вистріл. В черзі повторювалися сторожущим німецьким райхмайстром такі слова: “Помста солодка”.

Там стояв він довгий час.

“Переді мною стояв аптекар і його син, у якого був розбитий череп. Вони сварилися зі мною, що я хотів піти пізніше, але мені було все рі-

вно. Я пішов вперед. Там я побачив багато трупів забитих, але вони ще рухались, стогнали. Німецький офіцер з револьвером в руках приказав мені йти нагору. У мене не було жодної думки. В тій хвилі я не думав ні про дитину, ні про жінку, я закрив очі, але він приказав відкрити, але я нічого не бачив. Офіцер керував дулом пістолета, але я чув пістолет дав осічку і тоді він сказав мені йти геть і крикнув німецького солдата, який стояв у дверей: “На сьогодні досить”.

Після цього в той день нікого більше не вбили. Через дві-три години нас усіх випустили.

Досить велика частина людей вийшла з цього подвір'я і розказували як з них знущалися німці: їх били, приказували стояти біля стіни, наче то збиралися в них стріляти, але не стріляли. На загал частина цих людей вийшла, частина була забита. Все це було до 3-го липня 1941 р.

Між іншим були забиті рабин д-р Левін¹² і бувший редактор єврейського щоденника “Хвіля” Гешелес. Скільки осіб взагалі було забито, не можу сказати, бо є різні оцінки і жодна не може бути вірогідною. Німецька політика була не давати віддиху, одна акція йшла за другою.

4 липня почали хватати людей нібито для роботи. Забирали і до будинку гестапо на вул. Пелчинського¹³, тоді взято було 2 000 людей. Знаю це з оповідань двох осіб, із яких один не живе (тов. Редер), і другий Гофман Михал, який зараз у Львові і працює на залізній дорозі. Цих євреїв тримали в такий спосіб: їм приказували сидіти на землі, не вільно було рухатися, пізніше групами їх забирали до авто і везли кудись, нібито на роботу, везли до білогорського ліса і там розстрілювали. З двох тисяч лишилося тільки 600 чоловік. 1 400 було забито.

В липні місяці німці приступили до організації єврейської громади, яку організували як інструмент німецької політики проти єврейського населення. Єврейська громада була створена для того, щоб витиснути з євреїв все їх майно, гроші, робочу силу. Людей, які числилися за єврейською громадою можна поділити на дві категорії: на людей наївних і на людей – негідників.

Наприклад, до числа наївної людини можна віднести єврея д-ра Парнаса, керівника єврейської громади. Це був старий адвокат, людина дуже обмежена, яка мислила категоріями Австро-Угорщини. Він дивися на німців, як на людей культурних і вірив в порядок і легальність і в цьому виявилась його наївність. Такі люди думали, що німці дадуть їм можливість влаштувати єврейські громади, вірили в єврейську економіку, думали, що буде єврейське господарче життя, вважали, що вони перебуваючи в єврейській громаді, виконують народний обов'язок.

Негідники від самого початку зрозуміли мету німців, але вони хотіли врятуватися самі і мати якусь наживу: наприклад, єврей Гошівський, Лібес та інші, але це не найгірші негідники.

Єврейська громада почала свою роботу з того, що стягала з населення єврейського [так у тексті – Ж.К.] великі контрибуції. Все єврейське населення було переконане, що ці контрибуції будуть родом викупу від інших переслідувань.

Бувало, що євреї без примусу вносили контрибуції, стояли в черзі, щоб скоріше викупити себе, щоб огородити від смерті.

Ще під час збору контрибуції німці зробили нову акцію. Вони забирали з хат представників Львівської інтелігенції. Це було негайно, робилося це чемно, вони просили зайти з ними тільки на хвилинку до міліції, начеб то треба було щось в'яснити. Вони просили не вбиратися, бо “через півгодини ви повернетесь додому”. Так було з доктором Гельманом, адвокатом, що також належав до наївних людей. Коли у Львові стало відомо, що німці забирають багато людей, то німці заявили, що ці закладники будуть затримані до цих пір, поки євреї не заплатять всю контрибуцію, але всі ці люди не повернулися, хоч контрибуція була виплачена і потреби в закладниках не було, тому що євреї добровільно зносили гроші і речі.

Під карою смерті всі євреї носили опаски з зіркою. Це була перша спроба ізоляції. Нарукавники ці були різні. Вони встановлювалися різного характеру, з тим, щоб встановити певну єрархію єврейської громади, в залежності від характеру і місця роботи, суспільного положення і придатності євреїв до німецької служби.

Для тих, що працювали в воєнних підприємствах додавався до рукавника ще зелений кант. Хто працював на німецькій “Біржі праці” носив фіолетовий кант. Для глухонімих були спеціальні жовті рукавники.

Рівночасно в липні місяці німці почали викидати євреїв з будинків. Ця акція мала організований характер. Вони виділили кілька вулиць для німців, наприклад вул. Софії¹⁴, Дворницького¹⁵, Житинська¹⁶, Смопківська¹⁷. Крім того були індивідуальні ж акції, коли якомусь німцеві подобалось помешкання. У цьому місяці було забито до 200 чоловік. Це тільки при викиданні з будинків.

Рівночасно було в місті організовано хапання людей по вулицях, яких посилали на роботи.

Дехто повертався з цих робіт, а дехто і ні. Це була постійна акція. Жертви були щодня, а стільки невідомо. Були деякі наївні люди, які ду-

мали створити Легіон єврейської праці і цим спасти інших від щоденного хватання. До легіону хотіли взяти крепких людей, здорових. Таким чином можна було систематично і легально влаштувати цю справу з німцями. Цей легіон існував кілька днів. Це була приватна ініціатива. Жертвою цієї легіонерської праці виявився і мій брат Фрідман Самуїл та д-р Голігер Натан, які всупереч моїй пораді не йти на цю роботу, пішли і назад не повернулися.

25, 26, 27 липня проти євреїв була проведена нова акція українською поліцією. На ці дні припадала якась річниця жалоби чи по Петлюрі, чи по Коновальцеві, а зокрема точно не знаю.

Німці дозволили українській поліції в порядку помсти відбирати певну кількість євреїв і розправлятися з ними, як вони хочуть. Загибло 1.600 чоловік. Ці дні серед єврейського населення стали називатися “петлюрівськими днями”. Подобиці і цифри про цих загиблих євреїв, я довідався від лікаря-хірурга д-р Юрима, який загинув пізніше. На цей період припадає і спалення німецькими військами молитовних будинків (синагог)¹⁸.

Являється характерним, що у всіх цих знущаннях над євреями цивільні мешканці Львова участі ніякої не приймали, а спроби німців натравити українців та поляків на євреїв не вдалися. В серпні 1941 р. починається серед єврейського населення ознаки голода. Приділ харчів був нікчемний. Норми видачі продуктів в цей період були встановлені такі: німці одержували великий пайок, а українське і польське населення одержувало 1400 гр. хліба на тиждень, цукру одержували 200 гр. на місяць. Взагалі євреї одержували половину того, що одержували українці та поляки. Пізніше норми хліба для євреїв були знижені до 500 гр. на тиждень, а цукру до 100 гр. Почався страшний голод, частина єврейського населення нічого не мала. Діти пухли з голоду. Загострився антагонізм серед єврейського населення. Євреї-фахівці всі були на роботах і тому мали з чого і якогось жити, а велика частина єврейського населення, що не могла робити, жінки і діти, залишалися без всього. Їм було страшно тяжко. Допомоги вони не мали.

В серпні місяці почали брати євреїв до концлагерів. Перший такий лагер був організований в Ляшках Мурованих. Пізніше створили концлагери в Куровицах¹⁹, Германові, Винниках і Козаках.

В осени створили лагер у Львові. Він находився по вул. Янівській²⁰ ч. 134. Крім того євреїв посилали на вулиці, де були розміщені приватні мешкання СС (вул. Потоцького²¹ і Листопада²²) для обслуговування всіх СС-в і там влаштували для них невеличкий лагер, т. зв. “Чвартоми”.

В листопаді 1941 р. перший раз оголошено утворення єврейського “гетто”. Було сказано, що євреї мають переселитися до цього “гетто” на Замастирнові, за залізничним полотном. Проходів було чотири, євреї мусили їхати туди тільки через один прохід попід мостом на вул. Пелтевній²³. Цей міст євреї назвали “мостом смерті”, тому що коли євреї під’їздили з майном, німецька охорона забирали людей тих, хто їм подобався, головним чином жінок і ніщих. Їх забирала на вул. Лонцького²⁴, там їх роздягали частково. Кидали на авто і вивозили за місто на смерть. Загинуло за листопад місяць коло 3 000 чоловік, а гетто утворене не було.

Після всіх цих акцій деякі євреї почали виїждати на провінції, 4 000 - 5 000 чол. повиїздило в другі містечка, але це могли зробити тільки заможні люди.

З цього часу була проведена акція в самій єврейській громаді. Було забрано декілька молоді для концлагерів в Куровицах, а керівник єврейської громади був забитий.

В цей час було організовано німцями “уряд постачання”. При єврейській громаді це був орган, який приймав заклази від німців на різні речі і продукти, яких часто неможливо було дістати у Львові. Цей орган мусів збирати у євреїв і передавати їх німцям, це була загальна форма законного грабунку єврейського населення.

Тоді була утворена єврейська міліція, яка з початку була підпорядкована проводу єврейської громади, але яка весь час боролася за своє незалежне існування. Склад єврейської поліції був укомплектований так, що з часом єврейська поліція по відношенню до євреїв ставала гіршою чим гестапо.

Від листопада 1941 р. до марта місяця 1942 р. не було великих акцій. Це була якась передишка. Людям здавалося, що життя нормалізувалося. Бували тільки дрібні акції, які забирали небагато жертв. Крім того продовжували легальний грабунок євреїв. Так, наприклад, в січні місяці був примусовий збір теплого одягу і хутра під карою смерти.

Нове керівництво єврейської громади після смерти Парнаса було очолюване доктором Ротфельдом, який вмер натуральною смертю, а після нього був д-р Ландсберг.

В марті і квітні 1942 р. відбулася перша велика акція проти єврейського населення. Німці цю акцію організували дуже хитро, під виглядом “переселення”. Умовивши з єврейською громадою про порядок його проведення, про участь самої громади і допомогу єврейської поліції, видали постанову, що може кожен переселенець забрати з собою (25 кг.

різних речей). Під категорію переселенців німці підвели бідних і тих, що не могли працювати і всіх вивезли до Белзеця нібито на роботу і там знищили 15 000. Акція ця тривала два тижні.

На кінець цієї першої акції німці забрали також кілька десятків євреїв-міліціонерів і виселили їх до концлагерів.

Це була начеб-то кара, за те, що міліціонери в часи окупації зловживали своєю владою і звільнили багато ув'язнених.

Це було вірно, але треба завважити, що по більшій мірі міліціонери звільняли своїх кровних, або брали гроші за звільнення.

Після цих акцій було видно, що німці мають намір знищити єврейське населення, але все таки люди думали, що справа йде тільки про безробітне населення, тому намагалися гарячково одержувати працю і організовувати нові види праці.

Таким чином, наприклад, в квітні і травні місяці поставили великі “міські варштати праці”, які нібито давали охорону євреям.

Але все-таки почалася нова акція.

23 або 24 червня 1942 р. була акція, яка тривала тільки один день. Приїхала спеціальна команда до Львова, ходила по будинках, забирала жінок, дітей, старих, які не мали посвідок праці і знищила їх всіх в концлагерях.

Це була тренівочна акція до великої акції, яка сталася пізніше. До Львова приходили вже вісті про акції в різних містах околиці. В Галичині і в Краківському дистрикті акції йшли з заходу на схід таким порядком: Краків, Мілець-Жешув, Перемишль, Городок. Крім того з півдня на північ – Коломия, Станислав.

В липні місяці німці оголосили нову контрибуцію і викликали враження у єврейського населення, що ця контрибуція врятує їх, але ця контрибуція не була повністю виконана. В тім самім часі було розв'язано єврейський відділ уряду праці і всі єврейські справи були передані з цивільної німецької адміністрації до СС. Керівник уряду праці німець Вебер сказав керівникові єврейської громади, що від того часу міняється політика німецького урядування, щодо євреїв у Львові, в такому напрямі, що до того часу було вирішальне економічне питання, а зараз вона буде вирішуватися не з економічної, а з політичної точки зору.

СС почало своє урядування в справі євреїв з того, що перевірили всі посвідки праці і клали печать на ці посвідки.

Це все провадилося на місцях роботи. Кому печатки не давали, зараз же забирали до концлагерів. Євреї думали, що це вже кінець і євреї, які мали печатку залишаться в живих.

Раптово 10 червня 1942 р. почалася велика акція, найбільша у Львові, яка була організована в такий спосіб: великі сили СС, гестапо, шуцполіції і української поліції взяли участь в акції. Ця акція тривала коло два тижні. Ходили по хатах, забирали з підприємств і разом переводили їх до концлагеру на Янівське, а потім висилали до Белзеца, де їх нищили порядком спалення в газових камерах. 55 000 чоловік загинуло в цій акції. Вона закінчилася 21-22 серпня. Майно цих євреїв, які були знищені забирали німці. Тим часом керівник СС генерал бригади Кацман видав розпорядження про утворення гетта. До 7 жовтня всі євреї мусіли залишити свої помешкання в місті і оселитися в гетті. На гетто була призначена досить невелика частина передмістя Замарстинова, яке було оточене від півдня залізничним полотном, від заходу вул. Замарстинівською, від входу вул. Варшавської. Це місце було занадто мале для 40 000 євреїв, які ще тоді залишалися у Львові. В одній кімнаті повинно було жити 10-15 чоловік. Офіційно відводилося 3 м³ на душу, але і того не було.

Тому в гетто загинуло багато людей від різних хвороб.

Коло 18 листопада німці зробили нову акцію, а саме, всі люди, які працювали в військових підприємствах одержали таблиці з номером, літерою "..."²⁵ [літера відсутня – Ж.К.].

Інші, які працювали в підприємствах важких для оборонної промисловості одержали таблиці з літерою "..."²⁶ [Літера відсутня – Ж.К.]

Всіх разом їх було 1 200 і тільки вони мали право жити в гетто. Німці від того часу влаштовували раз по раз нові облави в гетті і кого бачили в хаті забирали і вбивали. У кого не було цих літер, їх забивали на місці. Таким чином головно забивали старих і дітей.

Ці дрібні щоденні акції закінчилися 5-6 січня 1943 р. великою акцією, в якій було знищено майже 15 000 євреїв і крім того ліквідовано єврейську громаду. Пізніше від 6 січня до 9 лютого німці ще провадили систематичні "вичісування" гетто і закінчили цю акцію арештом 130 єврейських міліціонерів. Після цих всіх акцій кількість євреїв у гетті була дуже мала. Залишилися тільки ці, що дійсно мали літери.

Границі гетта все більше і більше звужувалися. Гетто було оточене високим парканом. Між 1 і 4 серпня 1943 р. німці виконали цілковиту ліквідацію гетта.

В деяких місцях євреї ставили опір, дехто втікав по дорозі, їх розстрілювали. Опір був дуже слабкий, неорганізований, більш індивідуальний, це були окремі люди, окремі групи. Від того часу існував у Львові один лагерь, в якому знаходилося приблизно 15 000 євреїв чоловіків і жінок. Всі вони там працювали.

19 листопада 1943 року цей останній лагерь був ліквідований. У місті Львові за весь час німецької окупації переховувалось декілька тисяч євреїв серед населення, але вони поступово нищилися німцями при різних нагодах.

Залишилося у Львові до 2 000 євреїв до приходу Червоної Армії.

ЦДАВОУ, ф. 4620, оп. 3, справа 290, арк. 15-25.

* * *

Підпис автора спогадів відсутній, відсутнє також прізвище співробітника, котрий проводив бесіду, стенографістки.

¹ Кахане Д. Щоденник львівського гетто. Спогади рабина Давида Кахане. – К.: Дух і літера, 2003.

² Наконечний Є. Шоа у Львові. – Львів, 2004.

³ Баумвальд Э. Свидетель гибели львовских евреев // Голокост і сучасність. – 2005. – № 1. – С. 63-72.

⁴ ЦДАВОУ, ф. 4620, оп. 3, спр. 290, арк. 15-25.

⁵ ЦДАГОУ, ф. 166, оп. 1, спр. 6, арк. 8-12, оп. 2, спр. 206, арк. 1-14.

⁶ Ф. Фрідман // Краткая еврейская энциклопедия. – Т. 9. – С. 444-445.

⁷ Українська міліція була створена ОУН(б) ще до приходу німців з метою забезпечити підтримку силою українських державних організацій, які планували створити, після прилучення Галичини до генерал-губернаторства була розпущена німцями і у перших числах серпня оголошений набір до української допоміжної поліції, котра формувалася під контролем німців.

⁸ F. Fridman. “Zagłada Żydów Lwowskich”. – S. 5-6.

⁹ Про розстріляних у тюрмах див. також: збірка документів “Західно-Українська трагедія 1941 р.” (під ред. О. Романіва, І. Федущак). – Львів – Нью-Йорк, 2003; Наконечний Є. «Шоа» у Львові. – Львів, 2004; Крушельницька Л. Рубали ліс (спогади галичанки). – Львів, 2001.

¹⁰ Д. Кахане згадував: “Радянські війська, що відступили, залишили три в’язниці, переповнені в’язнями... Ув’язненими в цей час були, переважно, кримінальні злочинці, але були також політичні в’язні з Львівської області. Багатьох було страчено і закопано на внутрішньому подвір’ї в’язниці”. (Кахане Д. Щоденник львівського гетто. – С. 26).

¹¹ Нині вул. Шолом-Алейхема.

¹² Смерть рабина Езекіїля Левіна описує Д. Кахане (Д. Кахане. Щоденник Львівського гетто. – С. 27-28); син рабина Курт у документі-монографії “A Journey Through Illussions”. – Santa Barbara: Fithian Press. 1994. – P. 34-38.

¹³ Нині вул. Д. Вітовського.

¹⁴ Святої Софії – нині частина вул. І. Франка.

¹⁵ Нині частина вул. Лемика.

¹⁶ Нині вул. В. Кубійовича.

¹⁷ Нині вул. С. Людкевича.

¹⁸ Згідно спогадів Д. Кахане, Є. Наконечного спалення синагог у Львові почалося вже з 12 липня 1941 р.

¹⁹ Українська назва село Куровичі.

²⁰ Нині вул. Шевченка.

²¹ Нині вул. генерала Чупринки.

²² Нині вул. С. Коновальця.

²³ Нині вул. В. Липинського.

²⁴ Нині вул. Брюллова.

²⁵ Пізнавальний знак “W” був присвоєний євреям, які працювали в компаніях вермахту (Wehrmacht).

²⁶ Пізнавальний знак “R” був присвоєний євреям у німецькій фірмі, що випускала уніформи і спідню білизну для вермахту “Richtungs-kommando” (Д. Кахане. Щоденник Львівського гетто. – С. 111).

Рецензії

Book reviews

Илья Альтман

Историография истории Холокоста в XX веке: взгляд израильского историка “с высоты птичьего полета”

Михман Дан. Историография Катастрофы. Еврейский взгляд: концептуализация, терминология, подходы и фундаментальные вопросы / Пер. с англ. – Академическая серия “Библиотека Холокоста «Ткума»”. Вып. 1. – Днепропетровск: Центральный Украинский Фонд истории Холокоста “Ткума”, ООО Независимая издательская организация “Дива”, 2005. – 448 с.
ISBN 966-96514-0-9

Издание на русском языке книги израильского ученого Дана Михмана – одного из ведущих современных (и, увы, немногочисленных) исследователей историографии Холокоста – событие неординарное. Главный историк Яд Вашем, заведующий кафедрой Института исследований Холокоста и еврейской диаспоры в современный период при университете Бар-Илан (Израиль) профессор Дан Михман известен на постсоветском пространстве прежде всего как автор и соавтор нескольких выпусков курса “Катастрофа европейского еврейства” Открытого университета Израиля. Несмотря на то, что эти курсы подготовлены в середине 1980-х гг. и изданы по-русски в сокращенном виде, четкость построения, изложение разных точек зрения на ту или иную

проблему, убедительные выводы оказали несомненное влияние на изучение темы историками СНГ и Балтии.

Профессор Дан Михман возглавляет Международный академический совет Центра “Ткума”. Неудивительно, что первый выпуск своей новой академической серии “Библиотеки Холокоста «Ткума»” открывается переводом вышедшего двумя годами ранее в Англии фундаментального исследования израильского ученого, который немало способствует плодотворной деятельности этой первой в Украине специализированной организации, занимающейся изучением и преподаванием темы Холокоста.

Автор книги, четверо ближайших родственников которого погибли в Освенциме, Трешлинке и Маутхаузене, имеет уникальный опыт преподавательской и исследовательской работы в разных уголках мира: Канаде, Бельгии, Нидерландах. Его монографии, учебники и статьи выходили на иврите, английском, немецком, французском, голландском языках.

Новизна и широта подходов, доскональное знание различных научных и педагогических школ, глубокая аргументированность выводов – отличительная черта рецензируемой книги. Первая на русском языке специальная работа по историографии истории Холокоста представляет интерес не только (а возможно, и не столько) для специалистов и преподавателей этой темы (число которых, особенно в Украине, стремительно возрастает). Она чрезвычайно важна для понимания современных западных моделей анализа истории исторической науки и конкретных исторических событий в их динамике, а посему весьма полезна для понимания тенденций изучения историографии второй половины XX века в целом.

Во введении автор дает пояснение несколько усложненного в заголовке предмета рецензируемой книги. Называя себя “прикладным” историком (или историком-практиком), Д. Михман определяет жанр своей работы как “теоретический” и “практический” одновременно. Читателя сразу предупреждают, что “...эта книга – не историографический анализ или исторический отчет в общепринятых значениях этих терминов, а продольно-поперечный разрез, выполненный с использованием теоретических инструментов исторической мысли” (с. 12).

Весьма любопытно понимание Михманом предмета историографии. Автора интересует не традиционное направление истории исторической науки, которое фокусируется на описании научных школ, исследовательских подходах и периодизации. Он прежде всего анализирует различия в понимании и определении “концепций, явлений и событий”

в историографии Холокоста. Разъяснение темы исследования “в смысле его содержания, сути и ограничений представляет собой действие, известное как концептуализация. Продуктом концептуализации является концепция, а языковая метка, используемая для его обозначения, – это термин”. По образному выражению Михмана, “язык и слова являются орудиями выражения мысли историка” (с. 11).

Одна из таких “меток”, обозначенная в заголовке книги, – “еврейский взгляд”, т. е. “точка зрения израильского историка, который занимается еврейской историей и преследует цель проиллюстрировать “еврейские аспекты (разрядка Дана Михмана. – *И.А.*) темы Катастрофы: еврейское общество, его функционирование и ценности” (с. 12). В названии одного из подразделов книги автор обозначает любопытный и важный для понимания его подходов прием: рассмотрение историографии Холокоста “с высоты птичьего полета”. На наш взгляд, этим подчеркивается тонкая “временная” грань между самим событием, появлением современных исследований и их историографическим анализом “по свежим следам”.

Автор сознательно собрал в книге свои статьи и доклады почти за четверть века (с начала 1980-х гг.). Благодаря этому историография темы рассматривается в “продольно-горизонтальном разрезе”. Это объясняет не совсем обычную структуру книги: из 9 частей лишь две – первая и последняя – являются собственно историографическими как по названию, так и в строгом понимании этого термина. Шесть частей (2–7) посвящены концептуально-терминологическому анализу ряда важнейших вопросов темы (эволюции “окончательного решения”; различию между фашизмом и национал-социализмом; юденратам; спасению и сопротивлению евреев; их религиозной жизни в период Шоа). Они представляют собой оригинальные и полемичные тексты, каждый из которых заслуживает самостоятельного глубокого анализа. Отметим ценность изучения вопроса о сроках принятия “окончательного решения”, в котором важная роль отводится событиям лета 1941 г. на территории Советского Союза. Раздел о сопротивлении имеет несомненную теоретическую ценность в исследовании развития исторических взглядов и общественных оценок вооруженного и духовного сопротивления. Еще одна часть (8-я) в историографически-политологическом ключе анализирует связь между Холокостом и созданием государства Израиль. Автор определяет эти разделы как “методологические «порталы» основных проблем, связанных с познанием и пониманием Катастрофы” (с. 14).

Таким образом, Дан Михман рассматривает основные концепции и подходы ведущих историков Израиля, США, Западной Европы в XX

веке. Причем сознательно фокусирует свое внимание на событиях в Германии, Западной и Центральной Европе и их трактовке в исторических исследованиях. Автор практически оставляет за рамками своей книги как собственно Холокост в Восточной Европе и на территории СССР, так и его историографию. Не отрицая “центральной роли восточноевропейского театра”, он отстаивает правомерность иного подхода – через анализ событий на “периферии” Холокоста (имея в виду его ход в Нидерландах и Бельгии) рассмотреть поведение немцев, евреев и остального населения в рассматриваемый период. Впрочем, эта географическая “периферия” весьма условна: значительная часть книги посвящена событиям в Германии и роли “палачей”; “еврейские аспекты” нередко основываются на событиях Холокоста в Польше.

Книга открывается разделом “Катастрофа”, в котором с точки зрения историков рассматриваются проблемы “концептуализации, периодизации и интерпретации” (с. 21–108). Центральным и новаторским моментом в этом, как и в последующих разделах книги, мы считаем изучение концептуальных проблем темы и их интерпретацию.

Автор констатирует отсутствие единой научной школы и наличие многообразия научных направлений, которые он показал на примере семи основных (с точки зрения Дана Михмана) книг о Катастрофе (в том числе – Л. Полякова, Дж. Рейтлингера, Р. Хильберга, Л. Давидович, Д. Гольдхагена). Первоначально они были опубликованы во Франции, Великобритании, США и Израиле с начала 50-х до середины 80-х гг. (работам 90-х годов посвящен отдельный обзор в конце раздела). Исходя из “лингвистически-культурного аспекта” темы в трактовке Михмана, можно предположить, что важным критерием данного отбора служит публикация большинства этих исследований в двух и более странах. Сам же автор называет следующие критерии: они охватывают историю Холокоста “в целом” (а не в какой-то отдельной стране или регионе), и все их авторы – евреи (с. 23). Последнее замечание отчасти проясняет подзаголовок книги (“еврейский взгляд”). И в дальнейшем автор обычно указывает на еврейское или нееврейское происхождение авторов рассматриваемых работ, что в научной литературе по теме мы встречаем нечасто.

Дан Михман выделяет основные теоретические проблемы: рассмотрение Холокоста как замкнутого в себе явления либо как часть “более обширного целого” (“объяснение Катастрофы”); специфические черты, отличающие Холокост от близких к нему по хронологии либо содержанию иных феноменов (его сущность, или наиболее характерные черты);

“хронологические рамки Катастрофы” (с. 22–23). Решение этих теоретических проблем Михман считает основой для ответа на вторую группу вопросов: “истoki” Холокоста и его исторические причины.

Главный вывод, к которому приходит автор по вопросу о периодизации – 1933–1945 гг. как хронологические рамки Катастрофы (с включением этапа преследования евреев Германии до начала Второй мировой войны как составной части темы). Опираясь на такое заключение, автор выражает несогласие с утверждением, что Катастрофа – это “нацистский геноцид, объектом которого были евреи или еврейский народ”, понимая под “геноцидом” физическое уничтожение евреев (с. 46–47).

Другой важный вывод: гитлеровский антисемитизм, впитавший в себя все юдофобии прошлого, был особым этапом, развивавшимся по своей внутренней логике в конкретных исторических условиях. Только в последней части книги мы впервые встречаемся с определением ряда терминов и собственно периодизацией историографии темы (по десятилетиям, начиная с 1930-х гг.). Такой прием периодизации вполне логичен в данной книге (она состоит из статей и докладов, опубликованных в разные годы, и регулярно дополняется автором). Несомненно, что в будущих исследованиях этапы историографии темы будут уточняться. Собственно, в книге указаны важнейшие вехи: Нюрнбергский процесс, процесс по делу Эйхмана и открытие архивов в постсоциалистической Европе. Любопытно наблюдение автора об увеличении количества исследований по теме Сопротивления в связи со студенческими бунтами в Европе в конце 60-х гг. и протестами в США против войны во Вьетнаме.

По словам Михмана, выбор термина Катастрофа в заглавии и тексте книги сугубо технический. Между тем англоязычное издание, послужившее основой для перевода на русский язык, содержит определение Холокост. Этот термин в специальной литературе по теме последнего десятилетия стал доминирующим на постсоветском пространстве (именно он, а не Катастрофа, используется в названии Центра “Ткума” и его “Библиотеки”). Примечательно, что Холокост заменяется на Катастрофу при переводе не только заголовков ряда широко известных работ, но даже музеев (в том числе Мемориального музея Холокоста США в Вашингтоне). Этот термин используется и при цитировании Стокгольмской декларации (где синонимом термина Шоа указан Холокост).

В 9-м разделе “Историографии Катастрофы...” Дан Михман убедительно показал значение “лингвистического аспекта изучения темы”. В

частности, недостаточное внимание к работам немецких и французских ученых в историографии темы он объясняет тем, что они пользуются обычно документами и литературой на родном языке и редко переводятся на английский. Это замечание вполне можно отнести и к работам по теме, изданным в СНГ и странах Балтии.

Особый интерес представляют оценки автором различных аспектов темы применительно к истории Холокоста на территории СССР и роли его руководства. К сожалению, таких оценок немного. Они разбросаны в разных частях книги и, как правило, носят иллюстративный характер.

Тем не менее несколько раз автор совершенно справедливо утверждает, что “Катастрофа” в смысле тотального физического уничтожения евреев началась летом (с июля – августа) 1941 г. именно на территории Советского Союза. Надеемся, что в будущих историографических исследованиях будет отражен нелегкий процесс утверждения данного подхода в современной научной литературе.

Рецензируемое издание Центра “Ткума”, осуществленное совместно с Университетом Бар-Илан, несомненно, окажет существенное влияние на развитие проблематики и тематики будущих исследовательских работ на постсоветском пространстве. Остается надеяться, что они, в свою очередь, окажутся в сфере исследовательского интереса западных и израильских специалистов по историографии темы.

Разом і нарізно перед війною

Гон Максим. З кривдою на самоті. Українсько-єврейські взаємини на західноукраїнських землях у складі Польщі (1935–1939). – Рівне: Волинські обереги, 2005. – 192 с. ISBN 966-8306-73-2

Читаючи нову працю М. Гона, з інтересом сприймала факт за фактом, методологію і спосіб викладу. Аж раптом усвідомила. Хронологічні рамки дослідження – 1935–1939 рр. Це ж останні роки перед війною! Радянська окупація, а за нею німецька змінили етнічну карту краю. Більшість політичних, громадських діячів, пересічних громадян – як українців, так і євреїв – загинули, пам'ять про них в

Україні довгі роки послідовно стиралася. Може, тому тема дослідження набула якогось містично-сакрального ореолу. У кожному абзаці про події тих років зазвучала тиха урочиста мелодія реквієму. Цьому посприяла ще й прекрасна українська мова, майстерний науковий стиль, часто з додатком художньо-публіцистичного.

Ця книжка – солідна наукова праця. Джерельною базою є документи обласних архівів Західної України (Львівського, Івано-Франківського, Тернопільського, Рівненського), Архіву актів нових у Варшаві, Центрального державного архіву громадських об'єднань України, Центрального державного історичного архіву у Львові, тогочасна польська, єврейська, українська періодика, пропагандистська, популярна література різних партій і організацій, мемуари.

Хронологічні межі дослідження М. Гон вмотивовує “низкою причин”. Серед них – “Нове суспільно-політичне тло, на якому розгортався діалог двох націй, вплив подій, що відбувалися поза західноук-

раїнськими теренами: Голодомор 1932–1933 рр., репресії в Радянській Україні, переслідування євреїв у Німеччині”.

Автор розглядає проблему українсько-єврейських взаємин* у п’яти розділах, назви та зміст котрих відображають продуктивний методологічний підхід. Перший розділ – “Своя/чужа держава: фактор консолідації чи роз’єднання?”, другий – “Соціальна модернізація чи збереження старого status quo: українсько-єврейське протистояння на тлі Великої депресії”, третій – “Трагедія Наддніпрянщини – західноукраїнське відлуння”, четвертий – “У сутінках коричневої Європи: українсько-єврейський конфлікт довкола проблеми союзників” і п’ятий – “Єврейське питання у візіях західноукраїнського політикуму”.

Ретроспектива українсько-єврейських взаємин часів ЗУНР (20-ті рр.) подана коротко, щоб відобразити зміни в єврейсько-українському співіснуванні у 30-х рр. Можливо, варто було б ширше характеризувати стратегію нейтралітету євреїв Східної Галичини до 1923 р. в різних західноукраїнських регіонах, які увійшли до складу Польщі у 1920–21 рр.

Вихідними позиціями аналізу консолідації/роз’єднання єврейської та української меншин у площині ставлення до держави для автора були такі: Польща для євреїв – “своя” з огляду на громадянство і відсутність власної держави, для українців – чужа, небажана, яка анексувала Східну Галичину. Політики ж польського уряду 30-х рр. фактично заперечували факт поліетнічності Другої Речі Посполитої, і держава набирала шат “чужої” як для українців, так і для євреїв.

Важливо, що М. Гон, розглядаючи позиції різних угруповань, партій, об’єднань обох народів, актуалізовані їхніми речниками у пресі, виявляє наявність вузькопартійних, внутрішніх конфліктів, нездатність досягти консолідації у своєму власному середовищі, виробити прийнятні для всіх організаційно-політичні платформи, які б могли забезпечити пріоритет загальнонаціональних інтересів.

М. Гон вживає терміни “титульна нація” на означення українців і “державна нація” – щодо поляків. Чи були українці титульною нацією навіть у Галичині, де чисельно переважали? Чи все-таки, враховуючи і назву держави, і польське законодавство, титульною нацією були поляки?

Як впливала позиція владних структур на політичний провід національних меншин? Конституція 1935 р. забезпечувала солідне розширен-

* Обговорювати аналогічні дослідження зайве. Вони в українській історіографії практично відсутні.

ня президентських повноважень, зокрема розпуск парламенту, відставку кабінету та окремих міністрів, законодавчі права, призначення сенаторів. Польські опозиційні партії бойкотували вибори 1935 р., а єврейська, українська (до речі, і німецька у Сілезії) меншини, взявши участь у виборах, виявили схильність до згоди з режимом, аби гарантувати собі представництво у новому парламенті.

Чи не впливала на подальший розвиток подій маніпуляція етнічними меншинами через їхніх послів у парламенті? Радикальність режиму в економічній і політичній царині зумовлювала чи не зумовлювала таку ж маніпуляцію як проурядовими, так і опозиційними польськими силами, які вбачали у меншинах або союзників, або ворогів. Адже у 30-ті рр. активно діяли три угруповання спадкоємців Пілсудського. Старша генерація, котра мала досвід політичної боротьби, замирилася з соціалістичним рухом. Друге угруповання – обмежена група, яка рухалася в бік правих і орієнтувалася на енергію польської молоді, націонал-демократів. Третє – технократи, які вважали модернізацію економіки найважливішим засобом вирішення проблем країни, режиму. Національні меншини ускладнювали життя, і кожною можна було маніпулювати, здобуваючи до того ж дивіденди громадської підтримки, використовуючи пресу, масові заходи. Це було можливим, оскільки Польща, перетворюючись у авторитарну, не стала тоталітарною державою.

Детально аналізуючи протистояння українців і євреїв у царині економіки, М. Гон доходить висновку, що в українському соціумі був узятий курс на конкретні нові форми діяльності (кооперацію, оволодіння вільними професіями). Позиція ж євреїв полягала у захисті звичних сфер професійної зайнятості. “Їм нікуди було відступати; понівечена Великою депресією європейська економіка не потребувала додаткових рук, єврейська національна держава все ще залишалася маревом”.

Може, не таким уже маревом, якщо взяти до уваги активність галицьких єврейських організацій у популяризації виїзду в Єрець-Ізраель і небажання більшості покидати відносно усталене життя та їхати за ідеєю в економічну і соціальну невідомість. Автор детально розглядає конкуренцію обох меншин, наводить численні приклади психологічного тиску, соціальної обструкції, а також крайніх методів боротьби – економічних бойкотів, підпалів з боку українців.

Але як пояснити, що на тлі розгортання кооперативного руху до 1939 р. обслуговування села промисловими і так званими “колоніальними” товарами, послугами (шевці, кравці) залишалось в руках євреїв, що

селяни мали серед євреїв основний ринок збуту, а єврейські ремісники серед українців – основних споживачів?

Чи не існували паралельно українсько-єврейське (а також польське) суперництво і природне формування своєрідного етно-соціального поділу праці?

Однак домінував, у чому М. Гон має рацію, звужений образ-ракурс єврея: орендаря, шинкаря, лихваря.

Автор детально розглядає українсько-єврейський конфлікт довкола союзників, підложжям котрого стали визнання справедливості тези про негативну роль євреїв у бізнесі і політичному житті Німеччини, зв'язок євреїв з комунізмом, нерозуміння суспільно-політичних процесів у Райху, зокрема загрози антиєврейського законодавства не лише для Європи, але й людства.

Вичерпною, вмотивованою є характеристика ставлення євреїв до Берліна, яка формувалося не лише на тлі небаченого антисемітизму, але і під впливом закордонної політики Польщі – зближення з Німеччиною (особливо денонсація малого Версальського договору, схвального ставлення до пошуків країни еміграції євреїв з Польщі), сподівань на демократичні Англію та Америку.

Чинниками, котрі визначали позицію українців, були, як справедливо вважає М. Гон, заява Гітлера про готовність підтримки українських державницьких планів і трагедія етноциду українців на Наддніпрянщині. Не зосереджуючись на наявності в українському соціумі критичного ставлення до расистських теорій Гітлера (а варто було б!), М. Гон констатує: “В час, коли над світом нависла загроза коричневої чуми”, обидві “нації стали ніби спинами одна до одної: оплакуючи долю своїх братів, одні проклинали Гітлера, інші адресували свій гнів на Схід в радянську Україну”.

Найбільш цікаві розділи книжки М. Гона присвячені розкриттю сутності взаємного розмежування народів у царині впливу червоного тоталітаризму взагалі, відомого стереотипу симпатій євреїв до комунізму зокрема.

В атмосфері зародження світового протистояння комунізму, демократії, нацизму, репресій проти українців у СРСР політичні доктрини не лише в українців офарблювалися національними ознаками.

Західноукраїнський соціум не став винятком: приголомшена, шокована трагедією Наддніпрянщини західноукраїнська громадська думка пов'язала Голгофу Східної України саме з фігурою “чужака-єврея”. Автор аналізує зародження і розвиток антиєврейського напрямку в анти-

комуністичних акціях 30-х рр. на матеріалі періодичної преси, архівних джерел у контексті подій від початку 20-х рр., коли з'явилися образи єврея-комуніста, єврея-чекіста, “жидівської” держави.

Дуже важливо, що автор прослідковує, на жаль, з порушенням хронологічно-сислової динаміки, аргументацію: євреї – пропагандисти світового перевороту; національний (єврейський!) склад радянського керівництва (зокрема в УРСР), участь євреїв в органах НКВС, задіяних у репресіях проти української інтелігенції і “насадження на її місця правдивих пролетарських жидів”.

Безперечна заслуга М. Гона полягає в розкритті образу єврея-комуніста, застосування принципу колективної відповідальності євреїв за трагедію українців на прикладі різних текстів: преси, популярних брошур, листівок. Але варто було б проаналізувати співвідношення правди й вимислу, агітаційного маніпулювання. Правдою була наявність євреїв у різних урядових структурах, правдою були ухвали VII Конгресу Комінтерну, а замовчуванням – що реалізаторами, для прикладу останніх, були як євреї, так і українці та поляки. Брехнею було те, що всі євреї були комуністами, що серед них не було таких же жертв репресій, як серед українців.

М. Гон пише про виступи єврейських діячів з організацій Агудат-Ізраель, партії сіоністів-традиціоналістів, Мізрахі, центристів, загальних сіоністів, які були спрямовані на коригування громадської думки, нівелювання негативних стереотипів. Зокрема наведений приклад політичної декларації загальних сіоністів навесні 1937 р.

Однак автор вважає, що таких виступів з єврейського боку було надто мало і вони не скоригували українську громадську думку, бо цю думку суттєво коригували польські пропагандистські кампанії і фактичне керівництво більшовицької Москви світовим, у тому числі і комуністичним західноукраїнським, рухом. Основним було дестабілізувати ситуацію, тому свідомо замовчувалися закиди на адресу євреїв, як у СРСР, так і поза його межами.

Не зовсім згодна, бо потрібно брати до уваги наявність численних публікацій, у яких прямо не осуджувався комунізм, позиції чи навіть дії як євреїв, так і українців, а йшлося про духовні цінності єврейської, української спільнот, консолідацію єврейства, культуру, літературу, позитивні факти співпраці з українцями, поляками. Щоправда, у єврейському соціумі такі публікації вимагали мужності й мистецтва подачі, бо завжди можна було опинитися між молотом і ковадлом польської та української пропаганди, цензури.

Пошлюся на приклад суспільно-політичного й літературного тижневика “Nasza Opinja” (польською мовою), який виходив у Львові в 1935–39 рр. за редакцією відомого єврейського літератора А. Інслера, а після його смерті – члена редакційної ради рабина Є. Левіна, і поширювався по всій Польщі. Тижневик друкував багато інформації про історію євреїв, єврейську традицію, солідарність перед загрозливою ситуацією. Типовою є стаття Є. Левіна “Песах в історичному огляді”. Історія єврейського народу подана через призму Песах. Вже заголовки підрозділів – “Песах Мойсея”, “Песах пророків”, “Песах Галуту”, “Песах Герцля” – говорять самі за себе. Основне ж для автора – початок нового діалогу, коли “у новочасній неволі цілі покоління євреїв, задивлені в лібералізм та емансипацію, сідають до спільного седеру, спільного історичного діалогу. Так постає Песах майбутнього визволення, коли все єврейство збереться до історичного діалогу, бо зродиться новітній гарт духу, збірна солідарність” (1936 р., 13 вересня).

Газета регулярно друкувала матеріали про українські справи, літературу (особливо популярними були І. Франко, В. Стефаник, Б. Лепкий, А. Чайковський), інтерв’ю з українськими громадськими діячами.

Детально характеризує М. Гон позицію ОУН і її реалізацію: пропагандистський наступ і прямий психологічний чи фізичний тиск. Почавши з доктрини Д. Донцова, автор розглядає конкретні документи програмного, агітаційного характеру, їхнє поширення, частково вплив на дії проводу, членів місцевих організацій.

Особливо цікаво подані антиєврейські виступи в Західній Україні в 1935–39 рр., їхнє висвітлення в пресі. М. Гон залишає дискусійним питання про те, чи орієнтація окремих діячів ОУН на союз з нацистами сприяла проникненню і розвитку ідеології расизму й антисемітизму серед членів проводу, а через них і серед пересічних молодих націоналістів.

Автор детально розглядає позицію фронту національної єдності, центристів (УНДО) щодо єврейського питання в Польщі взагалі, антиєврейських виступів у Галичині й на Волині зокрема. Дослідник слушно вважає, що “жодна з українських партій (додамо – і рухів) не виробила чіткої програми розв’язання єврейського питання”. “Що ж до зворотної проєкції – ставлення євреїв до українського питання, то вона здебільшого означена фігурою умовчання”. Чому саме?

М. Гон виділяє три чинники: “підтримка євреями українських державницьких сил означала б їх відкрите протиставлення Польщі, розви-

ток єврейської національної секулярної ідеї, яка розвивалася паралельно українській”, “...як головна причина – бездержавність обох народів”.

“Політичний курс УНДО, – пише М. Гон, – та його союзників у політиці «нормалізації» – аналог спроб євреїв (єврейсько-польська угода 1925 р.) досягти двостороннього порозуміння з владою”. Аналізуючи аргументацію як прибічників, так і опонентів таких політичних курсів, автор стверджує: “Водночас очевидно, що так само, як у 1925 р., євреї-ініціатори «угоди» з владою знехтували інтересами українства, так само й політика «нормалізації» стала черговою демонстрацією неготовності представників останнього рахуватися з фактором третіх сил”.

М. Гон розглядає крах урядових заходів політики нормалізації, утворення і діяльності ОЗН. Він справедливо вважає, що нова фаза антиукраїнського наступу постала на тлі вже існуючого старого антисемітського. “Якщо антиєврейські випадки у Львові (як, наприклад, 10 листопада 1937 р.) вже не дивували сучасників, з часом їхньою жертвою стали й українці. Восени 1938 р. шовіністи з числа польської молоді нищили вже як єврейські, так і українські інституції в Галицькій столиці. У той же час близько 300 учнів польських шкіл, йдучи вулицями Львова, скандували: «Геть з євреями, геть з українцями...»”

Дослідник цілком справедливо вважає, що за такої ситуації “...українсько-єврейська взаємодія на платформі захисту національних інтересів бачиться закономірною”.

Однак цього не сталося. І М. Гон називає причини: взаємні стереотипи, образи, реалії дня, а також стратегія самостійних дій двох народів у попередні роки. До того ж “в обох національних таборах не виявилося масштабних послідовних речників українсько-єврейської взаємодії, які б могли скоригувати політичний курс двох спільнот”.

Варто згадати ще одну причину – зростання загрози з боку червоного та коричневого диктаторів – і погодитися з автором, що “...взаємвідчуженість – найкраще означення парадигми українсько-єврейських взаємин другої половини 30-х рр... У цій задушливій конфліктогенній атмосфері, – констатує М. Гон, – де кожна зі сторін мала рацію у захисті своїх інтересів чи вимагала сатисфакції за завдані чи уявні кривди й образи, українсько-єврейські стосунки стали тією своєрідною даниною, що лягла на вітвар історії”.

Такий висновок наукового дослідження автора.

Історія українсько-єврейських взаємин першої половини ХХ ст. на теренах Західної України все ще мало вивчена, але багата фактами і подіями, часто парадоксальними, у чому нас переконує праця М. Гона.

Написана за оригінально методикою, наповнена великим джерельним матеріалом (багато документів уперше вводяться в науковий обіг), монографія М. Гона складе основу для подальшого дослідження історії України, історії єврейського народу в діаспорі; не обійдуться без неї й соціологи, психологи, політики, краєзнавці, котрі досліджують міжнаціональні стосунки.

Элиах Яффа. Бог здесь больше не живет. Хасидские истории эпохи Катастрофы. – Москва: Гешарим, 2005. – 280 с.
ISBN 5-93273-197-4

В одном из сборников хасидских легенд Мартина Бубера есть такой рассказ: однажды, когда тяжело заболел ребенок, Баал Шем Тов оправился в лес, зажег там свечу и молился всю ночь; наутро ребенок был здоров. Когда ученик Бешта – Маггид из Межиричей – захотел повторить исцеление, он не знал, как молился Бешт; сделал все так же, как учитель, и призвал

его имя. Исцеление удалось. Когда ученик ученика Маггида – рав Моше Лейб из Сасова – захотел сотворить такое же чудо, он сказал: “Мы не в силах сделать даже так. Но я расскажу об этом событии, а Господь поможет”. И исцеление опять удалось.

Хасидский рассказ – жанр удивительный и проблематичный, совмещающий в себе черты притчи, агиографии, мидраша, бытового анекдота, каббалистических откровений. Точного его определения до сих пор не существует. Наряду с жанрами проповеди и комментария хасидский рассказ передает мистическое знание, однако передает хитро и непрямо, обращаясь к конкретному быту. Смысл как бы прячется за красочными бытовыми историями, которые, безусловно, являются иносказаниями, однако значимы и ценны и сами по себе – как эмоционально-участная передача события и как, в конце концов, литературный сюжет. В результате возникает особая реальность хасидского рассказа – событие в ней является иносказанием, которое, тем не менее, всегда больше сказуемого смысла, а предельная бытовая конкретность соседствует с разного рода чудесами и несурзацами. Эта реальность с легкостью вовлекает в себя не только описываемую ситуацию, но и сам акт рассказывания, а значит, слушателей и их мир, который вдруг начинает подчиняться “законам жанра”.

Что это за реальность? Велик соблазн сразу обратиться за ответом к понятию мифа. Однако прежде следует выяснить – в каких отношениях она находится с реальностью исторической? Иными словами: как и в каких границах возможно использование хасидского рассказа в качестве исторического источника?

Чрезвычайно любопытна в этом контексте книга Яффы Элиах “Бог здесь больше не живет. Хасидские истории эпохи Катастрофы” (название английского оригинала – “Hasidic Tales of the Holocaust”), написанная в 1982 г. и впервые переведенная на русский язык в издательстве “Гешарим” в 2005 г. Книга представляет собой коллекцию историй о Катастрофе, собранную на протяжении 70-х гг. у переживших Холокост хасидов различных направлений, живущих преимущественно в США. Цель автора книги – попытка осветить не замеченный ранее ракурс Катастрофы, отражением которого являются хасидские истории.

Нет нужды говорить об актуальности и научной ценности такой попытки в рамках изучения Холокоста. На фоне множества исторических исследований и складывающейся традиции послевоенного философского осмысления Шоа сравнительно мало внимания уделяется непосредственной реакции на Холокост еврейского традиционного мировоззрения, в частности хасидского. Между тем исследование раввинистической и хасидской литературы, возникшей в гетто и концлагерях, только и может дать ответ о самых первых тропках, намеченных религиозным сознанием в попытках понять и восстановить рушащийся мир.

Яффа Элиах впервые в истории изучения Катастрофы использовала в качестве источника хасидский рассказ. Специфика жанра обусловила как большие ожидания, возлагаемые на книгу, – хасидский рассказ как живой, непосредственный ответ на ситуацию Катастрофы мог бы быть незаменимым источником информации о восприятии Шоа хасидскими общинами, – так и, очевидным образом, ряд сложностей, связанных с выбором подходящей методологии.

В предисловии к сборнику Элиах указывает на те особенности, которые, по ее мнению, делают именно хасидский рассказ адекватным выражением Катастрофы.

Первая связана с его внутренней трагичностью. Запирывание истины в “мирские разговоры”, бытовой анекдот – последняя отчаянная возможность привести ее в расколотый и испортившийся мир, не вмещающий более непосредственные проявления святости. Поэтому хасидский рассказ понимается как способ “соединения миров” там, где не действуют ни молитва, ни любая другая апелляция к нормальному

миропорядку. Вторая особенность – проистекающая из этого свобода братья за любые “низовые” темы, невозможные для других жанров. И третья – фольклорная массовость жанра, позволяющая как ученой элите, так и простым людям, и совсем ушедшим от веры вкладывать в нехитрые истории свое недоумение и ответы.

Структура сборника, по-видимому, призвана подчеркнуть эти особенности. Четыре раздела соответствуют четырем “структурообразующим категориям” в жизни узника. Раздел “Предки и вера” посвящен ситуации, когда человек сталкивается с перспективой уничтожения, еще находясь в кругу семьи. Во втором разделе – “Дружба” – собраны истории о межличностных связях, возникших в концлагере и других местах уничтожения. Третий раздел – “Одинокий дух” – объединяет рассказы о снах и видениях погибающих людей и, наконец, четвертый, под названием “У врат свободы”, описывает ощущения вернувшихся домой.

Казалось бы, такой сборник хасидских рассказов о Катастрофе и впрямь должен был бы давать наиболее полную картину восприятия Катастрофы целым поколением, во всей ее трагичности и противоречивости. Однако результат многолетней работы Яффы Элиах кажется несколько неожиданным.

Помещенные в сборник рассказы повествуют о самых разнообразных ситуациях, с которыми сталкивались узники гетто и концлагерей. Предметно они охватывают все этапы истории Катастрофы – от прихода немецкой армии в местечко до послевоенного расследования преступлений нацистского режима. Большинство представляет собой истории о чудесном спасении, варьирующиеся в рамках единой сюжетной структуры: довоенное благополучие семьи, угроза уничтожения в концлагере либо гетто, чудесное проявление веры (героический поступок, счастливый случай и проч.) и, наконец, спасение. В материале сборника прослеживается несколько четко выделяемых групп рассказов: спасение по благословию цаддика, спасение благодаря предмету-талисману, рассказы о героическом выполнении заповеди. Вариативность рассказов при их формальном единстве наводит на мысль о целесообразности структурного анализа материала сборника по Проппу.

Смысл же историй поначалу ставит читателя в тупик. Герои прекрасно обходятся без мировоззренческих проблем, разрешения или, по крайней мере, постановки которых ожидаем от них мы. Обходя вопросы о смысле заповедей, сохранении Божественного миропорядка, возможности существования мира после Холокоста и тому подобном, истории Яффы Элиах ведут героев своим чередом через испытания к счастли-

вому концу, который обусловлен выполнением некоей положительной максимы – той или иной заповеди, наставления цаддика или просто пожеланием доброго утра (“Такова сила пожелания доброго утра”, – иронически резюмирует свой рассказ человек, спасшийся благодаря доверенному знакомству с производившим селекцию чиновником-немцем, с которым жил по соседству и здоровался по утрам; Яффа Элиах понимает концовку совершенно серьезно и говорит о ней как о свидетельстве сохранения человечности в условиях Катастрофы.) Характерно, что потерявших веру здесь практически не встретить (за несколькими исключениями).

За этим стоит одна из наиболее существенных характеристик историй сборника – Холокост мыслится не как разрушающая мир и потрясающая самые основы веры катастрофа, а как тяжелое испытание, лишь подчеркивающее непоколебимость устоев веры и морали. Собственно, сам термин Катастрофа представляется здесь неадекватным, вызывая взамен хасидский термин “курбн” – “жертвоприношение”. Происходящее ужасно, однако понятно и не вызывает вопросов о дальнейшем существовании мира. Смысл историй в том, что испытание пережито, миновало и, к счастью, Бог остался Богом, а люди – людьми. Возможно, именно в этом автор сборника усматривает глубокий оптимизм хасидского рассказа, который и составляет основной инструмент “соединения миров”.

Иным словами, хасидские истории не ищут путей выхода из Катастрофы – они не признают самой проблемы. Насколько такой ответ аутентичен для хасидского и, шире, еврейского традиционного мировоззрения? В конце русского издания редактором помещены два отрывка: несколько фрагментов проповедей из сборника р. Калонимуса Кальмана Шапира “Эш Кодеш”, читанных в Варшавском гетто, и глава из книги респонсов р. Цви Гирша Майзлиша периода Катастрофы “Микдашей Гашем” (переведена впервые; в обоих случаях русский перевод очень удачен). Сравнение историй сборника Элиах с этими фрагментами по одной из линий – роли духовного цаддика – демонстрирует принципиальную разницу. В хасидских историях цаддик физически беззащитен, как и все, однако его советы всегда спасительны, а благословения безукоризненно действуют; высшие миры по-прежнему ему подвластны. Реплики “Микдашей Гашем”, напротив, пронизаны чувством беспомощности раввина перед лицом надвигающейся бездны; он не может дать совет, не может принять на себя ответственность за другого. Беспрецедентность происходящего представляет едва ли не основной вопрос для автора Эш Кодеш.

Очевидно, понимание Холокоста как беспрецедентной катастрофы все же присутствует в хасидской мысли; значит, взгляд на Холокост как на испытание в ряду испытаний, свойственный сборнику Яффы Элиах, нуждается в объяснении. Возможно, его истоки следует искать в истории создания и записи рассказов сборника – опросы и запись рассказов проводились в 70-х гг. в США; соответственно, рассказы отражают не столько непосредственную реакцию на Холокост, сколько образ Катастрофы в сознании хасидов разных направлений, проживших в Америке не менее 20-25 лет. Во всяком случае, влияние американской хасидской культуры на специфику этих рассказов велико настолько, что книгу можно рассматривать и как источник информации о современном американском хасидизме*.

В чем же, в таком случае, заключается жанровая специфика хасидского рассказа в историях, приведенных Яффой Элиах? Смысл, глубоко запрятанный в оболочку бытового рассказа-притчи (например, в “Шивхей Бешт”), тут оказывается на поверхности; рассказ больше не служит иносказанием. Вместе с исчезновением пропасти между истинной и иносказанием уходит внутреннее напряжение рассказа, оставляя место лишь напряжению ситуативному, внешнему. Однако функции, которые такой рассказ исполняет, более или менее соответствуют функциям его предшественника. Экзистенциальный message рассказа вместо глубоко запрятанных мистических концепций составляет лежащее на поверхности чувство радости и облегчения – “мы пережили!”, и, как и прежде, рассказ составляет агиографию главы той или иной хасидской общины.

Выпадают ли истории, собранные в книге, из жанра хасидского рассказа, или мы имеем дело с современной модификацией жанра – вопрос остается открытым. Однако если предположить, что перед нами действительно некий пост-холокостный американский вариант хасидского

* Характерно, что название русского перевода книги, предложенное редактором Менахемом Ягломом и принятое Яффой Элиах, – “Бог здесь больше не живет” (многозначная цитата из одного из рассказов сборника) – говорит именно о принципиальном изменении мироздания, связанном с уходом Бога из места его обитания, – какое бы место не имелось в виду: местечки и синагоги Восточной Европы (как в рассказе), страны изгнания, земной мир или что-либо другое. Получается, что ключ, задаваемый названием, адекватен тексту, лишь если предположить все-таки в этих рассказах подспудное ощущение Катастрофы.

рассказа, мы сможем многое объяснить и в композиции сборника, и в методологии Яффы Элиах.

Например, показательно, что на первый план выходит функция сохранения семейной памяти. Рассказы посвящены главным образом чудесному спасению членов семьи рассказчика; особое значение приобретают детали семейного быта, подробности родословных. Обмен историями происходит теперь уже не в кругу хасидов одного цаддика, а в лоне одной семьи. Таким образом, хасидский рассказ стремительно приближается к современному биографическому дискурсу и фактически сливается с ним. Это свидетельствует о чрезвычайно важном изменении в архитектонике рассказа – иносказательная, мифологическая, притчевая реальность хасидской истории как бы склеивается, сливается с реальностью исторической. Буквальное содержание (история о спасении) и составляет теологический смысл рассказа.

Это дает возможность Яффе Элиах считать хасидский рассказ историческим источником. Отсюда понятно и ее стремление непременно устроить его историческую верификацию – подтвердить документально все мелочи, упоминаемые в рассказах (с особой гордостью автор сборника рассказывает во введении о том, как ей удалось найти фотографию огромной ямы, упоминаемой в одной из историй). Хасидский рассказ для нее в первую голову важен как историческое свидетельство – точнее, как особый вид исторической памяти.

С этим же связаны странности стиля. Поскольку рассказ сводится к своему буквальному смыслу и не требует герменевтических усилий, отпадает нужда в прозрачности и лаконичности притчи. Напротив того, отсутствие внутреннего аффекта – загадки – необходимо возместить внешними риторическими красотоми. Я. Элиах берется за литературную обработку услышанных историй, сопровождаемую подчас оборотами вроде “кровавые следы ног молодого хасида обожгли снег бобовским мотивом”.

Попытка автора сборника открыть с помощью хасидских преданий новые исторические ракурсы Катастрофы, на мой взгляд, не увенчалась особенным успехом: ищущий содержательную информацию о Холокосте в книге Элиах будет вынужден потратить немало усилий. Но собранный целый пласт современного хасидского фольклора, богатейший источник информации об американской хасидской ментальности и образе Холокоста в ней с лихвой вознаградают за это исследователя. Главный же интерес книги, как мне кажется, в том, что она является свидетелем принципиальной трансформации хасидского рассказа как жан-

ра; характер этой трансформации, ее причины и следствия еще предстоит изучить историкам современной еврейской культуры.

В русскоязычном пространстве книга будет интересна вдвойне. Во-первых, на фоне небольшого количества существующей на русском языке литературы о восприятии Холокоста еврейским традиционным сознанием книга, вместе с приложением, все же позволяет выделить особые черты образа Катастрофы в хасидизме. Во-вторых, сам современный американский хасидизм представляет интерес для читателя, поскольку в русскоязычную печать прорывается лишь очень ограниченный, даром что мощный, поток литературы, преимущественно созданный направлением ХаБаД.

Докторская диссертация Я. Элиах “Jewish Hasidim, Russian Sectarians Non-Conformists in the Ukraine, 1700–1760“ знакома русскоязычному читателю по фрагментарному пересказу И. Турова (Ранний хасидизм. История. Вероучение. Контакты со славянским окружением. – Киев: Дух и Литера, 2003).

Холокост: Катастрофа в Крыму / Сост. Борис Гельман, Александр Глубочанский. – Симферополь: Представительство “Сохнут-Украина” в Крыму, 2004. – 182 с.*

Книга была издана недавно, и посвящена она истории Холокоста на Крымском полуострове. Необходимо отметить, что эта тема долгое время оставалась неизученной, и сам факт появления новой работы должен приветствоваться. Однако важно и то, что эта книга не первая из подобного рода публикаций, и поэтому ее научная ценность должна оцениваться в контексте уже изданных работ.

Начнем рассмотрение книги с ее названия. Оно выглядит несколько странно. Любопытно, кто изучает историю преследований и уничтожения нацистами евреев, должен знать, что термин Холокост, уже давно принятый в западной историографии, в русскоязычной историографии обычно передается термином Катастрофа. В таком названии присутствует тавтология, не добавляющая ничего существенного к пониманию темы книги.

Что же в самой книге? Во введении мы находим несколько ошибок – или, мягко говоря, некорректных утверждений. Утверждение о том, что “окончательное решение еврейского вопроса” началось только после вторжения Германии в СССР (стр. 5), спорно. Например, в Сербии “окончательное решение” нацисты начали проводить примерно в то же время, что и на оккупированной советской территории. С другой стороны, истребление еврейского населения (если именно это подразумевает автор под термином “окончательное решение”) проходило не одинаковым образом в разных советских областях: во многих местах, особенно в западной части страны, уничтожение не было немедленным.

Составителям следовало бы быть более внимательными при употреблении названий германских подразделений, осуществлявших Холокост

* Перевод с английского М.И. Тягло.

на Крымском полуострове. Одним из таковых являлась не айнзатцгруппа СС (с. 4), а айнзатцгруппа полиции безопасности и СД. Читатель будет введен в заблуждение, когда прочитает об айнзатцгруппе “Д”, зондеркомандах 11, 10а и 10б и айнзатцкоманде 12. Прежде всего необходимо было упомянуть, что айнзатцгруппа “Д” состояла из вышеназванных айнзатц- и зондеркоманд. К тому же айнзатцкоманда 12 никогда не действовала в Крыму – зоной ее оперативных действий был юг Украины.

По ходу повествования составители упоминают, что “в период Холокоста на полуострове погибли около 40 000 евреев и 6000 крымчаков” (с. 6). Непонятно, как они пришли к такому заключению, если рассматривать эти цифры в контексте других данных, а именно – численности еврейского населения в Крыму до войны, количества беженцев, которые появились в Крыму до ноября 1941 г., а также количества эвакуированных советской властью из Крыма. Еще одна статистическая проблема связана с численностью погибших в Севастополе. Опираясь на советские документы, авторы заявляют, что в этом городе погибло до 4200 евреев. Однако далее они пишут, что по именам из них известны лишь 255 человек (с. 13). Чем же объясняется разница между общим количеством погибших и количеством известных жертв? Почему остальные жертвы неизвестны по именам? Были ли это беженцы, которых советские власти не зарегистрировали во время эвакуации? Или же они были военнослужащими и в силу этого опять же не были зарегистрированы? Можно ли найти результаты регистрации еврейского населения немецкими властями? Если все эти сведения сегодня неизвестны, то необходимо это оговаривать четко и недвусмысленно. Было бы также полезным сообщить, существуют ли расхождения в данных относительно других городов Крыма.

В книге помещен ряд документов из крымских архивов; многие из этих документов уже публиковались в ранее изданных сборниках. Некоторые источники, однако, публикуются впервые – это материалы из архива Федеральной службы безопасности (ФСБ) Российской Федерации; их копии хранятся в Государственном музее Холокоста в Вашингтоне (USHMM).

Во второй части книги публикуются документы, главным образом, по истории Холокоста в Севастополе. Список жертв по Севастополю (с. 61–68) сопровождают воспоминания бывших советских военнопленных (с. 69–74), различные свидетельства, частью новые, частью уже известные (с. 75–96), а также наиболее важные документы из архива составителей и проведенных ими интервью (с. 97–143). Именно тексты

этого раздела вносят значительный вклад в изучение темы. Эти свидетельства до сих пор оставались неизвестными, и благодаря им трагедия евреев в Севастополе освещается по-новому.

В заключительной части книги составители отходят от академического стиля в изучении темы, определявшего первую часть работы. Здесь речь идет об увековечении памяти погибших в Крыму. Помещены длинные интервью с теми, кто изучает эту тему (с. 144–170). В этой части работа выглядит как традиционная поминальная книга («Ицкор»). Однако далее тематика резко меняет направление, приводятся различные свидетельства, интервью, документы (с. 170–193), которые имеют мало отношения к Холокосту в Крыму, не говоря уже о Севастополе. Остается непонятным, почему составители сочли, что эти материалы органично дополняют книгу, посвященную событиям Холокоста в Крыму. Общее впечатление о беспорядочности содержания и об отсутствии у книги единой концепции только усугубляется, когда речь внезапно заходит о проблемах преподавания истории Холокоста (с. 197–203). В конце книги, тем не менее, приводятся ценные сведения о еврейской и крымчакской общине современного Севастополя.

Особенно важно то, как составители анализируют современное состояние изученности Холокоста в Крыму и как они в связи с этим понимают свои цели и задачи (с. 10–12). Можно заметить, что в книге перечислены уже существующие исследования – и в то же время составители заявляют, что проблема уничтожения евреев в Севастополе изучена недостаточно. И действительно: если учитывать ценные источники, документы и свидетельства, опубликованные в книге по теме севастопольского Холокоста, то с авторами можно согласиться – проблема была изучена в недостаточной степени, и работа Б. Гельмана и А. Глубочанского восполняет некоторые пробелы. А что относительно остальной части Крыма? Если судить по названию книги, она должна тематически охватывать весь полуостров. Конечно, некоторые документы по остальным районам Крыма все же помещены, и они дают какое-то представление о событиях Шоа за пределами Севастополя. Однако практически все они были опубликованы в уже вышедших ранее сборниках документов¹, и рассматриваемая нами книга при имеющемся у нее названии едва ли может считаться новаторской.

Здесь мне хотелось бы привлечь внимание читателей к некоторым общим проблемам, характерным не только для данного сборника, но и для многих других аналогичных изданий, появляющихся на постсоветском пространстве. Итак, память жертв увековечена, численность погиб-

ших установлена более-менее точно, и даже названы имена некоторых нацистских палачей. Но другие вопросы по-прежнему остаются открытыми. Какой была позиция соседей, нееврейского населения? Неужели все они были Праведниками мира и только и делали, что спасали евреев? Есть большой соблазн обрисовать поведение местного населения в розовых красках “дружбы между народами”, как это было в старые советские времена. Действительность была не такой – ни в Крыму, ни где бы то ни было еще в оккупированной нацистами Европе. И чтобы найти документы об этом, вовсе не обязательно ехать в Вашингтон. Они доступны и в крымских архивах. Нежелание местных авторов, живущих в непростых условиях, поднимать такую неоднозначную тему, понять можно. Однако объяснить его с позиций научной логики – невозможно. Без освещения таких вопросов картина Холокоста так и останется одно-сторонней.

¹ Передайте детям нашим о нашей судьбе. Сборник документов, дневников и воспоминаний / Ред.-сост. Л.П. Кравцова, М.И. Тяглый. – Симферополь: БЕЦ “Хесед Шимон”, 2001. – 294 с.; Холокост в Крыму. Документальные свидетельства о геноциде евреев Крыма в период нацистской оккупации Украины (1941–1944) / Ред.-сост. М.И. Тяглый. – Симферополь: БЕЦ “Хесед Шимон”, 2002. – 164 с.

Бібліографія

Bibliography

ВИДАННЯ З ТЕМАТИКИ ІСТОРІЇ ГОЛОКОСТУ ТА ГЕНОЦИДІВ, ЯКІ НЕЩОДАВНО ОПУБЛІКОВАНО В УКРАЇНІ ТА В ІНШИХ КРАЇНАХ СВІТУ

- Бабий Яр. Книга памяти / Авт.-сост. И. Левитас. – Киев: Еврейский совет Украины, Фонд «Память Бабьего Яра».
- Бабий Яр. Спасители и спасенные / Авт.-сост. И. Левитас. – Киев: Еврейский совет Украины, Фонд «Память Бабьего Яра».
- Геноцид армян: официальные документы из германских архивов, публикуемые впервые. – Ереван, Аястан, 2005.
- Гитлеровская пропаганда юдофобии в прокламациях и карикатурах. / Сост. и авт. комментариев С. Авербух. – Киев: Украинский Центр изучения истории Холокоста, 2005.
- Голокост в Україні у регіональному и загальнолюдському виміру: Матеріали наукової конференції, 18-20 листопада 2003 р.: збірник наукових праць. – Львів: Видавництво Національного університету “Львівська політехніка”, 2005.
- Государственный антисемитизм в СССР от начала до кульминации: 1938-1953. – Москва: Материк, 2005.
- Друга світова війна і доля народів України. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції (Київ, 23-24 червня 2005 р.). – Київ: Громадський комітет для вшанування пам’яті жертв Бабиного Яру: Сфера, 2005.
- Єврейський опір в Україні в період Голокосту. Збірник наукових праць / За ред. М.І. Тяглого. – Дніпропетровськ: Центр “Ткума”, 2004.
- Місця скорботи. Волинська область / Укл. І. Кабанчик, О. Богун. – Львів, 2005.
- Місця скорботи. Тернопільська область / Укл. І. Кабанчик, О. Богун. – Львів, 2005.
- Михман Дан. Историография Катастрофы. Еврейский взгляд: концептуализация, терминология, подходы и фундаментальные вопросы / Пер. с англ. – Академическая серия “Библиотека Холокоста «Ткума»”.

- Вып. 1. – Днепропетровск: Центральный Украинский Фонд истории Холокоста «Ткума», 2005.
- Наконечний Є. “Шоа” у Львові. Спогади. – Львів: Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаника, 2004.
 - Нариси з історії та культури євреїв України. – Київ: Дух і літера, 2005.
 - Проліски за колючим дротом. Спогади колишніх малолітніх в’язнів фашизму / Авт.-упор. О. Васюков, М. Петренко, С. Подольський. – Львів: Видавничий дім “Цивілізація”, 2004.
 - Тяглый М. Места массового уничтожения евреев Крыма в период нацистской оккупации полуострова (1941-1944). Справочник. – Симферополь: БЕЦ «Хесед Шимон», 2005.
 - Элиах Я. Бог здесь больше не живет. Хасидские истории эпохи Катастрофы. – Москва: Гешарим, 2005.
 - Ahrens, Stefan. Gründung der Freiheit: Hannah Arendts politisches Denken über die Legitimität demokratischer Ordnungen. Frankfurt am Main; New York: Lang, 2005.
 - Albrecht, Joachim. Avantgarde des „Dritten Reiches“: die Coburger NSDAP während der Weimarer Republik 1922-1933. Frankfurt am Main; New York: Lang, 2005.
 - Aly, Götz. Hitlers Volksstaat: Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. Frankfurt am Main: S. Fischer, 2005.
 - Antisemitism: a historical encyclopedia of prejudice and persecution. Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO, 2005.
 - Auron, Yair. Pain of knowledge: Holocaust and genocide issues in education. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2005.
 - Bareiss, Andreas Friedrich. Herschel Feibel Grynszpan: der Attentäter und die „Reichskristallnacht“, eine Tatsachenerzählung. Originalausg. Giessen: Haland & Wirth im Psychosozial-Verlag, 2005.
 - Bartoletti, Susan Campbell. Hitler Youth: growing up in Hitler’s shadow. New York: Scholastic Nonfiction, 2005.
 - Baumslag, Naomi. Murderous medicine: Nazi doctors, human experimentation, and Typhus. Westport, Conn.: Praeger Publishers, 2005.
 - Beck, Alfred M. Hitler’s ambivalent attaché: Lt. Gen. Friedrich von Boetticher in America, 1933-1941. 1st ed. Washington, D.C.: Potomac Books, 2005.

- Beischl, Konrad. Dr. med. Eduard Wirths und seine Tätigkeit als SS-Standortarzt im KL Auschwitz. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2005.
- Beyer, Rick. Greatest war stories never told: 100 tales from military history to astonish, bewilder, & stupefy. 1st ed. New York: Collins, 2005.
- Birk, Hella. "Gesetz zur Verhütung erbkranken Nachwuchses": eine Untersuchung zum Erbgesundheitswesen im bayerischen Schwaben in der Zeit des Nationalsozialismus. Augsburg: Wissner, 2005.
- Bloxham, Donald. Holocaust : critical historical approaches. Manchester; New York: Manchester University Press; New York: Distributed exclusively in the USA by Palgrave, 2004, 2005.
- Böger, Helmut. Attentat auf den Führer hat der Papi gemacht": Zeitgeschichte von Zeitzeugen. 1. Aufl. Essen: Klartext, 2005.
- Bos, Pascale R. German-Jewish literature in the wake of the Holocaust: Grete Weil, Ruth Klüger, and the politics of address. New York, N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005.
- Boulder, Colo. Society of terror: inside the Dachau and Buchenwald concentration camps. 1st ed.: Paradigm Publishers, 2005.
- Brechenmacher, Thomas. Vatikan und die Juden: Geschichte einer unheiligen Beziehung vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. München: Beck, 2005.
- Brecher, Daniel Cil. Fremd in Zion: Aufzeichnungeneines Unzuverlässigen. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2005.
- Breuer, Stefan. Nationalismus und Faschismus: Frankreich, Italien und Deutschlandim Vergleich. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005.
- Brigata Ebraica in Romagna 1944-1946: attraverso il Mediterraneo e l'Italia per la libertà. Roma: De Luca, 2005.
- Bryant, Michael S. Confronting the "good death": Nazi euthanasia on trial, 1945-1953. Boulder: University Press of Colorado, 2005.
- Buch Hitler: Geheimdossier des NKWD für Josef W. Stalin, zusammengestellt aufgrund der Verhörprotokolle des Persönlichen Adjutanten Hitlers, Otto Günsche, und des Kammerdieners Heinz Linge, Moskau 1948/49. Originalausg. Bergisch Gladbach: G. Lübbe, 2005.
- Burgwyn, H. James. Empire on the Adriatic: Mussolini's conquest of Yugoslavia 1941-1943. New York: Enigma, 2005.
- Byers, Ann. Oskar Schindler: saving Jews from the Holocaust. Berkeley Heights, NJ: Enslow, 2005.

- Caron, Vicki. Path to Vichy: antisemitism in France in the 1930s. Washington, D.C.: United States Holocaust Memorial Museum, Center for Advanced Holocaust Studies, 2005.
- Carrier, Peter. Holocaust monuments and national memory cultures in France and Germany since 1989: the origins and political function of the Vél' d'Hiv' in Paris and the Holocaust Monument in Berlin. New York: Berghahn Books, 2005.
- Chronik gemischter Gefühle": Bilanz der Wanderausstellung "Kirche, Christen, Juden in Nordelbien 1933-1945". Bremen: Edition Temmen, 2005.
- Corcos, Alain F. Myth of the Jewish race: a biologist's point of view. Bethlehem: Lehigh University Press, 2005.
- Cüppers, Martin. Wegbereiter der Shoah: die Waffen-SS, der Kommandostab Reichsführer-SS und die Judenvernichtung 1939-1945. 1. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005.
- Dachau concentration camp, 1933 to 1945: text and photo documents from the exhibition, with CD. Dachau: Comité International de Dachau, 2005.
- Daix, Pierre. Bréviaire pour Mauthausen. Paris: Gallimard, 2005.
- Day, Uwe. Silberpfeil und Hakenkreuz: Autorennsport im Nationalsozialismus. Berlin-Brandenburg: Be.bra Wissenschaft, 2005.
- Degenring, Friedrich H. Adolf Hitler: vom Grössenwahn zum Völkermord. 1. Aufl. Stachen: F.H. Degenring, 2005.
- Dekel-Chen, Jonathan L. Farming the red land: Jewish agricultural colonization and local Soviet power, 1924-1941. New Haven: Yale University Press, 2005.
- Deutsche, Juden, Polen zwischen Aufklärung und Drittem Reich: Erinnerungsorte und Erinnerungsräume. Petersberg: M. Imhof, 2005.
- Doll, Nikola. Kunstgeschichte im Nationalsozialismus: Beiträge zur Geschichte einer Wissenschaft zwischen 1930 und 1950. Weimar: VDG, Verlag und Datenbank für Geisteswissenschaften, 2005.
- Erdbeere für Hitler: Deutschland unterm Hakenkreuz. Frankfurt am Main: S. Fischer, 2005.
- Evans, Richard J. Third Reich in power, 1933-1939. New York: Penguin Press, 2005.
- Falifigli, Alessia. Salvati dai conventi: l'aiuto della Chiesa agli ebrei di Roma durante l'occupazione nazista. Cinisello Balsamo (Milano): San Paolo, 2005.

- Fehrenbach, Heide. *Race after Hitler: Black occupation children in postwar Germany and America*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2005.
- Fest, Joachim C. *Unbeantwortbaren Fragen: Notizen über Gespräche mit Albert Speer zwischen Ende 1966 und 1981*. 2. Aufl. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2005.
- Fings, Karola. *Krieg, Gesellschaft und KZ: Himmlers SS-Baubrigaden*. Paderborn: Schöningh, 2005.
- Fischel, Jack. *A to Z of the Holocaust*. Lanham, Md.: Scarecrow Press, 2005.
- Folmer, Dirk Willem. *Dagboek uit Kamp Amersfoort, 1942*. Zutphen: Walburg ; [S.l.]: Stichting Nationaal Monument Kamp Amersfoort, 2005.
- Fouché, Jean-Jacques. *Massacre at Oradour, France, 1944: coming to grips with terror*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2005.
- Frank, Mario. *Tod im Führerbunker: Hitlers letzte Tage*. München: Siedler, 2005.
- Frede-Wenger, Britta. *Glauben und Denken im Angesicht von Auschwitz: eine Auseinandersetzung mit dem Werk von Emil L. Fackenheim*. Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag, 2005.
- Frosh, Stephen. *Hate and the 'Jewish science': antisemitism, Nazism and psychoanalysis*. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2005.
- Garloff, Katja. *Words from abroad: trauma and displacement in postwar German Jewish writers*. Detroit, Mich.: Wayne State University Press, 2005.
- Gelfand, Vladimir. *Deutschland-Tagebuch 1945-1946: Aufzeichnungen eines Rotarmisten*. 1. Aufl. Berlin: Aufbau-Verlag, 2005.
- *Genocide: approaches, case studies, and responses*. New York: Algora Publishing, 2005.
- Gentile, Emilio. *Origins of Fascist ideology, 1918-1925*. 1st English-language ed. New York: Enigma, 2005.
- *Geography of war and peace: from death camps to diplomats*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2005.
- Gerlich, Siegfried. *Einblick in ein Gesamtwerk: Siegfried Gerlich im Gespräch mit Ernst Nolte*. Schnellroda: Edition Antaios, 2005.
- *Ghettos 1939-1945: new research and perspectives on definition, daily life, and survival: symposium presentations*. Washington, D.C.: Center

- for Advanced Holocaust Studies, United States Holocaust Memorial Museum, 2005.
- Glasenapp, Gabriele von. Ghettoliteratur: eine Dokumentation zur deutsch-jüdischen Literaturgeschichte des 19. und frühen 20. Jahrhunderts. Tübingen: Niemeyer, 2005.
 - Gribaudi, Gabriella. Guerra totale: tra bombe alleate e violenze naziste: Napoli e il fronte meridionale, 1940-44. 1. ed. Torino: Bollati Boringhieri, 2005.
 - Grosse Jüdenhof: ein Berliner Ort und das Verhältnis von Juden und Christen in der deutschen Stadt des Mittelalters. Erstausg., 1. Aufl. Berlin: Lukas, 2005.
 - Gruat, Cédric. Amis des Juifs: les résistants aux étoiles. Paris: Tirésias, 2005.
 - Gruenewald, Mary Matsuda. Looking like the enemy: my story of imprisonment in Japanese-American internment camps. Troutdale, Or.: NewSage Press: Distributed by Publishers Group West, 2005.
 - 'Ha-Elion, Moshe. Straits of hell: the chronicle of a Salonikan Jew in the Nazi extermination camps Auschwitz, Mauthausen, Melk, Ebensee. Mannheim: Bibliopolis; Cincinnati: Bowman & Cody, 2005.
 - Hanfstaengl, Ernst. Unknown Hitler. London: Gibson Square, 2005.
 - Hanstein, Ewald. Meine hundert Leben: Erinnerungen eines deutschen Sinto. Bremen: Donat, 2005.
 - Hanyok, Robert J. Eavesdropping on hell: historical guide to western communications intelligence and the Holocaust, 1939-1945. [Fort Meade, Md.]: Center for Cryptologic History, National Security Agency, 2005.
 - Hausleitner, Mariana. Deutsche und Juden in Bessarabien, 1814-1941: zur Minderheitenpolitik Russlands und Grossrumäniens. München: IKGS Verlag, 2005.
 - Heinisch, Heiko. Hitlers Geiseln: Hegemonialpläne und der Holocaust. Deutsche Erstausg. Wien: Passagen, 2005.
 - Hell, Walter. Vom „Braunhemd“ zum „Persilschein“: Nationalsozialismus und Entnazifizierung im Rheingau. Erfurt: Sutton, 2005.
 - Heller, Fanya Gottesfeld. Love in a world of sorrow: a teenage girl's Holocaust memoirs. Jerusalem; New York: Devora Publishing, 2005.
 - Hitler im Visier: literarische Satiren und Karikaturen als Waffe gegen den Nationalsozialismus. Wuppertal: Arco, 2005.
 - Hoffmann, Johannes. Am Rande des Hitlerkrieges: Tagebuchblätter. Blieskastel: Gollenstein, 2005.

- Holocaust in the Soviet Union: symposium presentations. Washington, D.C.: Center for Advanced Holocaust Studies, United States Holocaust Memorial Museum, 2005.
- Hübner-Funk, Sibylle. Hitlers Garanten der Zukunft: biographische Brüche, historische Lektionen 2., erw. Aufl. Potsdam: Verlag für Berlin-Brandenburg, 2005.
- Jakobi, Carsten. Kleine Sieg über den Antisemitismus: Darstellung und Deutung der nationalsozialistischen Judenverfolgung im deutschsprachigen Zeitstück des Exils 1933-1945. Tübingen: Niemeyer, 2005.
- Kendziorek, Piotr. Antysemityzm a społeczeństwo mieszczańskie : w kregu interpretacji neomarksistowskich. Wyd. 1. Warszawa: Wydawn. Trio, 2005.
- Kirsten, Holm. Sowjetische Speziallager Nr. 4 Landsberg/Warthe. Göttingen: Wallstein, 2005.
- Klausch, Hans-Peter. Tätergeschichten: die SS-Kommandanten der frühen Konzentrationslager im Emsland. 1. Aufl. Bremen: Edition Temmen, 2005.
- Knobloch, Clemens. Volkhafte Sprachforschung: Studien zum Umbau der Sprachwissenschaft in Deutschland zwischen 1918 und 1945. Tübingen: Niemeyer, 2005.
- Knopp, Guido. Letzte Schlacht: Hitlers Ende. 1. Aufl. Hamburg: Hoffmann und Campe, 2005.
- Kochavi, Arieh J. Confronting captivity: Britain and the United States and their POWs in Nazi Germany. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2005.
- Kohn, Murray J. Is the Holocaust vanishing? : a survivor's reflections on the academic waning of memory and Jewish identity in the post-Auschwitz era. Lanham, MD: Hamilton Books, 2005.
- Krall, Hanna. Woman from Hamburg and other true stories. New York: Other Press, 2005.
- Kraushaar, Wolfgang. Bombe im Jüdischen Gemeindehaus. 1. Aufl. Hamburg: Hamburger Edition, 2005.
- Kreft, Gerald. Deutsch-jüdische Geschichte und Hirnforschung: Ludwig Edingers Neurologisches Institut in Frankfurt am Main. Frankfurt am Main: Mabuse-Verlag, 2005.
- Kreuzmüller, Christoph. Händler und Handlungsgehilfen: der Finanzplatz Amsterdam und die deutschen Grossbanken (1918-1945). Stuttgart: Steiner, 2005.

- Krummenacher-Schöll, Jörg. Flüchtliges Glück: die Flüchtlinge im Grenzkanton St. Gallen zur Zeit des Nationalsozialismus. Zürich: Limmat, 2005.
- Lang, Jochen von. Top Nazi: SS General Karl Wolff: the man between Hitler and Himmler. New York: Enigma, 2005.
- Lazin, Frederick A. Struggle for Soviet Jewry in American politics: Israel versus the American Jewish establishment. Lanham, Md.: Lexington Books, 2005.
- Le Tissier, Tony. Third Reich: then and now. London: After the Battle, 2005.
- Leff, Laurel. Buried by the Times: the Holocaust and America's most important newspaper. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2005.
- Leo, Annette. Leben als Balance-Akt: Wolfgang Steinitz: Kommunist, Jude, Wissenschaftler. Berlin: Metropol, 2005.
- Levene, Mark. Genocide in the age of nation state. London: I. B. Tauris, 2005.
- Liblau, Charles. Kapos d'Auschwitz. Paris: Syllepse, 2005.
- Liesem, Kerstin. Reparationsverpflichtungen der Bundesrepublik Deutschland nach dem Zweiten Weltkrieg unter besonderer Berücksichtigung der Zwangsarbeiterentschädigung. Frankfurt am Main; New York: Lang, 2005.
- Life in the ghettos during the Holocaust. 1st ed. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 2005.
- Lower, Wendy. Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, in association with the United States Holocaust Memorial Museum, 2005.
- Mächler, Stefan. Hilfe und Ohnmacht: der Schweizerische Israelitische Gemeindebund und die nationalsozialistische Verfolgung 1933-1945. Zürich: Chronos, 2005.
- Meiners, Antonia. Berlin 1945: eine Chronik in Bildern. Berlin: Nicolai, 2005.
- Memory and totalitarianism. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2005.
- Messenger, Jean Goodwin. Hannah: from Dachau to the Olympics and beyond. Windsor, CO: White Pelican Press, 2005.
- Michael, Robert. Concise history of American antisemitism. Lanham: Rowman & Littlefield, 2005.

- "Minderwertig" und "asozial": Stationen der Verfolgung gesellschaftlicher Aussenseiter. Zürich: Chronos, 2005.
- Moore, Lisa. Elie Wiesel: surviving the Holocaust, speaking out against genocide. Berkeley Heights, NJ: Enslow Publishers, 2005.
- Mózes, Teréz. Staying human through the Holocaust. Calgary, Alta.: University of Calgary Press, 2005.
- Münkler, Herfried. Machterfall: die letzten Tage des Dritten Reiches dargestellt am Beispiel der hessischen Kreisstadt Friedberg. 2., verb. und erg. Aufl. Hamburg: Europäische Verlagsanstalt, 2005.
- Murphy, David E. What Stalin knew: the enigma of Barbarossa. New Haven: Yale University Press, 2005.
- Nordin, Dennis S. Swedish dilemma: a liberal European nation's struggle with racism and xenophobia, 1990-2000. Lanham, Md.: University Press of America, 2005.
- O'Donnell, Pierce. In time of war: Hitler's terrorist attack on America. New York: New Press; Distributed by W.W. Norton, 2005.
- Olusanya, Olaoluwa. Sentencing war crimes and crimes against humanity under the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. Groningen: Europa Law Pub., 2005.
- Ort des Terrors: Geschichte des nationalsozialistischen Konzentrationslagers. München: Beck, 2005.
- Otto, Hans-Dieter. Lexikon fataler Fehlentscheidungen im Zweiten Weltkrieg: von Alpenfestung bis Zitadelle. München: Herbig, 2005.
- Paroles de déportés. Paris: Bartillat, 2005.
- Patel, Kiran Klaus. Soldiers of labor: labor service in Nazi Germany and New Deal America, 1933-1945. English ed. Washington, D.C.: German Historical Institute; Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2005.
- Pike, David Wingeate. Betrifft: KZ Mauthausen: was die Archive erzählen. Grünbach: Steinmassl, 2005.
- Piper, Ernst. Alfred Rosenberg: Hitlers Chefideologe. 1. Aufl. München: Blessing, 2005.
- Platen-Hallermund, Alice. Tötung Geisteskranker in Deutschland. 5. Aufl. Frankfurt am Main: Mabuse-Verlag, 2005.
- Pleshakov, Konstantin. Stalin's folly: the tragic first ten days of World War II on the Eastern front. Boston: Houghton Mifflin, 2005.
- Preparata, Guido Giacomo. Conjuring Hitler: how Britain and America made the Third Reich. London; Ann Arbor, MI: Pluto, 2005.

- Prisoners of war, prisoners of peace: captivity, homecoming, and memory in World War II. English ed. Oxford; New York: Berg, 2005.
- Prusin, Alexander Victor. Nationalizing a borderland: war, ethnicity, and anti-Jewish violence in east Galicia, 1914-1920. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2005.
- Rayski, Adam. Choice of the Jews under Vichy: between submission and resistance. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 2005.
- Rodrigue, Aron. Sephardim and the Holocaust. Washington, D.C.: United States Holocaust Memorial Museum, Center for Advanced Holocaust Studies, 2005.
- Rosenfeld, Gavriel David. World Hitler never made: alternate history and the memory of Nazism. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2005.
- Rosenstone, Robert A. Man who swam into history: the (mostly) true story of my Jewish family. 1st University of Texas ed. Austin: University of Texas Press, 2005.
- Rowland, Antony. Holocaust poetry: awkward poetics in the work of Sylvia Plath, Geoffrey Hill, Tony Harrison and Ted Hughes. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005.
- Rzhewskaia, Elena. Hitlers Ende ohne Mythos: Jelena Rshewskaia erinnert sich an ihren Einsatz im Mai 1945 in Berlin. Berlin: Neues Leben, 2005.
- Santolini, Danilo. Auschwitz: ricordi di un ingegnere deportato politico. Udine: P. Gaspari, 2005.
- Sarfatti, Michele. Shoah in Italia: la persecuzione degli ebrei sotto il fascismo. Torino: Einaudi, 2005.
- Scandiffio, Laura. Evil masters: the frightening world of tyrants. Toronto: Annick Press, 2005.
- Schilling, Willy. Hitlers Trutzgau: Thüringen im Dritten Reich: Beiträge, Bilder, Dokumente. [Jena]: Bussert & Stadeler, 2005.
- Schlichting, Nicola. „Öffnet die Tore von Erez Israel“: das jüdische DP-Camp Belsen 1945-1948. Nürnberg: Antogo, 2005.
- Schreiber, Birgit. Versteckt: jüdische Kinder im nationalsozialistischen Deutschland und ihr Leben danach: Interpretationen biographischer Interviews. Frankfurt; New York: Campus, 2005.
- Schweizer, Erika. Geistliche Geschwisterschaft: Nelly Sachs und Simone Weil: ein theologischer Diskurs. Mainz: Matthias-Grünewald-Verlag, 2005.
- Shephard, Ben. After daybreak: the liberation of Belsen, 1945. London: Jonathan Cape, 2005.

- Shuldman, Ken. Jazz survivor: the story of Louis Bannet, horn player of Auschwitz. London; Portland, OR: Vallentine Mitchell, 2005.
- Shutan, Moshe. Ghetto and forest. Israel: Organization of Partisans, Underground Fighters and Ghetto Rebels, 2005.
- Smith, Woodruff D. German colonial empire. Ann Arbor, Mich.: UMI Books on Demand, 2005.
- Stadtverwaltung im Nationalsozialismus: systemstabilisierende Dimensionen kommunaler Herrschaft. Paderborn: F. Schöningh, 2005.
- Stargardt, Nicholas. Witnesses of war: children's lives under the Nazis. London: Jonathan Cape, 2005.
- Steinbacher, Sybille. Auschwitz: a history. London: Penguin Books, 2005.
- Steinecke, Hartmut. Literatur als Gedächtnis der Shoah: deutschsprachige jüdische Schriftstellerinnen und Schriftsteller der „zweiten Generation“. Paderborn: Schöningh, 2005.
- Strohmeier, Arn. Von Hyperborea nach Auschwitz: Wege eines antiken Mythos. Köln: Papyrossa, 2005.
- Till, Karen E. New Berlin: memory, politics, place. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005.
- Totaler Arbeitseinsatz für die Kriegswirtschaft: Zwangsarbeit in der deutschen Binnenschifffahrt 1940-1945: Erinnerungen, Dokumente, Studien. [Münster]: Landschaftsverband Westfalen-Lippe; Essen: Klartext, 2005.
- Vaisman, Sima. Jewish doctor in Auschwitz: the testimony of Sima Vaisman. Hoboken, N.J.: Melville House, 2005.
- Verbrechen der Wehrmacht: Bilanz einer Debatte Originalausg. München: Beck, 2005.
- Vidal-Naquet, Pierre. Assassins de la mémoire: „Un Eichmann de papier“ et autres essais sur le révisionnisme. Ed. rev. et augm. Paris: Découverte, 2005.
- Vormittags die ersten Amerikaner: Stimmen und Bilder vom Kriegsende 1945. Stuttgart: Klett-Cotta, 2005.
- Vossler, Frank. Propaganda in die eigene Truppe: die Truppenbetreuung in der Wehrmacht 1939-1945. Paderborn: Schöningh, 2005.
- Walz, Loretta. „Und dann kommst du dahin an einem schönen Sommertag“: die Frauen von Ravensbrück. München: Antje Kunstmann, 2005.
- War complex: World War II in our time. Chicago: University of Chicago Press, 2005.

- Weigl, Michael. Bayernbild der Repräsentanten Österreichs in München 1918-1938: die diplomatische und konsularische Berichterstattung vor dem Hintergrund der bayerisch-österreichischen Beziehungen. Frankfurt am Main; New York: Lang, 2005.
- Weinberg, Gerhard L. World at arms: a global history of World War II. 2nd ed. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2005.
- Whealey, Robert H. Hitler and Spain: the Nazi role in the Spanish Civil War, 1936-1939. Paperback ed. Lexington, Ky.: University Press of Kentucky, 2005.
- Whitlock, Flint. Given up for dead: American GI's in the Nazi concentration camp at Berga. Cambridge, MA: Westview Press, 2005.
- Wigg, Richard. Churchill and Spain: the survival of the Franco regime, 1940-45. London; New York: Routledge, 2005.
- Williamson, D. G. Germany since 1815: a nation forged and renewed. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York, N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005.
- Winkler-Bessone, Claude. Euthanasie nationale-socialiste: Hartheim-Mauthausen 1940-1944. Paris: Tirésias, 2005.
- Wippermann, Wolfgang. Rassenwahn und Teufelsglaube. Berlin: Frank & Timme, 2005.
- Wolfenhaut, Julius. Nach Sibirien verbannt: als Jude von Czernowitz nach Stalinka 1941-1994. Originalausg. Frankfurt: Fischer Taschenbuch Verlag, 2005.
- Ziebinska-Witek, Anna. Holocaust: problemy przedstawiania. Lublin: Wydawn. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2005.
- Zimmermann, Rolf. Philosophie nach Auschwitz: eine Neubestimmung von Moral in Politik und Gesellschaft. Originalausg. Reinbek: Rowohlt, 2005.
- Zipkes, Rudolf. Gelebtes Leben: Jude sein in einer weltoffenen Zeit. Zürich: Orell Füssli, 2005.
- Zwangsarbeit in Marburg 1939 bis 1945: Geschichte, Entschädigung, Begegnung. Marburg: Magistrat der Universitätsstadt Marburg, 2005.

Хроніка Events

Міжнародна наукова конференція «Митрополит Андрей Шептицький: дилема гуманістичного вибору в умовах тоталітарних режимів» (Львів, 7 листопада 2005 р.)

Митрополит Андрей Шептицький – драматична фігура в історії, один з духовних лідерів українського народу в середині ХХ століття. Він протистояв більшовизму, виступав за волю й незалежність України. Певний час він вбачав можливість співробітництва з режимом нацистської Німеччини для досягнення цієї мети. Разом з тим, діяльність митрополита Шептицького мала велике значення для подій, пов'язаних з Голокостом на території Західної України. У страшні роки окупації Львова він переховував у своїй резиденції рабина Давида Кахане; саме за допомогою Шептицького та вірних були врятовані єврейські жінки і діти, приречені на смерть гітлерівським режимом. У своїх проповідях митрополит закликав паству залишатися людьми у жорстокому і страшному ХХ столітті.

7 листопада 2005 р. Центральний Український Фонд історії Голокосту “Ткума”, Міжнародний Центр “Голокост” у Львові ім. А. Шварца та Львівський обласний Єврейський Благодійний Фонд “Хесед-Ар’є” за сприяння Американського Єврейського Розподільного Комітету “Джойнт” провів Міжнародну наукову конференцію “Митрополит Андрей Шептицький: дилема гуманістичного вибору в умовах тоталітарних режимів”. Тому тема конференції дала можливість, передусім, розглянути моральні дилеми вибору, що постають перед людьми в суворі часи випробувань.

У конференції взяли участь філософи, історики, культурологи, богослови з різних міст України, а також Великої Британії, Ізраїлю, Польщі. Серед них:

д-р Арон Вайс, науковий консультант Центрального Українського фонду історії Голокосту “Ткума” (Ізраїль);

Фаїна Вінокурова, канд. іст. наук, заступник директора Державного архіву Вінницької області, вчений секретар Всеукраїнської академічної ради “Ткума” (Вінниця);

Максим Гон, канд. іст. наук, доцент кафедри всесвітньої історії Рівненського державного університету, член Всеукраїнської академічної ради “Ткума” (Рівне);

Ярослав Грицак, професор, директор Інституту історичних досліджень Львівського національного університету ім. І. Франка (Львів);

Ада Діанова, директор Львівського обласного Єврейського Благодійного Фонду “Хесед-Ар’є” (Львів);

Ярослав Ісаєвич, академік, директор Інституту українознавства Національної академії наук України (Львів);

Жанна Ковба, канд. іст. наук, доцент Національного технічного університету “КПІ”, провідний науковий співробітник Інституту юдаїки, член Всеукраїнської Академічної ради “Ткума” (Київ);

Роберт Кувалек, директор Меморіального Музею в м. Белжец (Польща);

Віктор Малахов, професор, провідний науковий співробітник Інституту філософії Національної академії наук України, член Всеукраїнської академічної ради “Ткума” (Київ);

д-р Мирослав Маринович, проректор Українського католицького університету у Львові (Львів);

проф. Дан Міхман, головний історик Яд Вашем, професор Університету Бар-Ілан, голова Міжнародної академічної ради “Ткума” (Ізраїль);

Рудольф Мирський, док. філософ. наук, професор, директор Регіонального Центру Голокосту при Національному університеті “Львівська політехніка”, президент Міжнародного центру “Голокост” у Львові, член Всеукраїнської академічної ради “Ткума” (Львів);

Віктор Первак, професор, завідувач кафедри суспільних дисциплін Київського медичного університету (Київ);

проф. Шимон Редліх, Департамент історії Університету імені Бен-Гуріона (Ізраїль);

д-р Олег Турій, директор Інституту церковної історії, Український католицький університет (Львів);

Михайло Тяглий, аспірант кафедри історії Таврійського національного університету, відповідальний редактор журналу “Проблеми історії Голокосту” (Сімферополь);

Леонід Фінберг, директор Інституту юдаїки (Київ);

Тетяна Чайка, канд. філос. наук, ст. науковий співробітник Інституту філософії Національної академії наук України, доцент Національного університету “Києво-Могилянська академія”, член Всеукраїнської академічної ради “Ткума” (Київ);

Василь Щетніков, канд. іст. наук, доцент, зав. кафедрою історії України Одеського національного університету ім. І. Мечнікова (Одеса);

Ігор Щупак, канд. іст. наук, директор Центрального Українського Фонду історії Голокосту “Ткума”, експерт ОБСЄ (Дніпропетровськ) та інші.

Серед учасників конференції була присутня й людина, врятована митрополитом Шептицьким від нацистського геноциду, – місс Лілі Штерн-Полман (Лондон, Велика Британія).

Конференцію вітала Львівська обласна державна адміністрація, від імені якої *Роман Кураш* передав звернення, у якому були, зокрема, такі слова:

“У нелегкий і суперечливий час імперських та політичних протистоянь, боротьби за утвердження та вільний розвиток національних держав йому судилося стати «Всім для Всіх», а смілива позиція Андрія Шептицького щодо критики національної упередженості та релігійної нетерпимості як серед галицького суспільства, так і на міжнародній арені була оцінена світовим політикумом.

В умовах становлення українського громадянського суспільства, утвердження демократичних засад міжнаціонального співіснування поновому постала проблематика повного вивчення духовного насліддя і тернистого шляху українського Мойсея”.

Конференцію привітав у спеціальному посланні Міністр іноземних справ Республіки Польща професор *Адам Ротфельд* – відомий у Європі політик, легендарна людина, яку під час Другої світової війни врятував рідний брат митрополита Андрія Шептицького – єпископ Клементій Шептицький.

З цікавістю присутні зустріли вітання до учасників конференції відомого українського вченого, керівника департаменту українських студій Торонтського університету (Канада) професора *Пауля Роберта Магочі (Paul Robert Magocsi)*, який передав Центру “Ткума” унікальну наукову монографію “Morality and Reality: The Life and Times of Andrei Sheptyts’kyi” (де поміщена, зокрема, і стаття учасника конференції, ізраїльського вченого Шимона Редліха). Проф. Магочі передав деякі видан-

ня, пов'язані з особою А. Шептицького, для партнерів Центру “Ткума” – Українського католицького університету.

Великою честю для учасників конференції було вітання до неї та участь у її роботі *Блаженнейшого кардинала Любомира Гузара* – голови Української Греко-католицької Церкви, який не тільки тепло привітав конференцію, але й узяв участь у її роботі. Враження на присутніх справили його мудрі й проникливі слова про необхідність міжнаціонального та міжконфесійного порозуміння. Зрозуміло, що на цьому шляху є чимало проблем – і драматичне, інколи трагічне минуле народів, і легітимність представництва народів під час спілкування. Кардинал Гузар зауважив, що він шкодує про нечітку позицію католицької, греко-католицької церкви в часи нацистської диктатури. Лише такі духовні лідери, як митрополит Андрей Шептицький, захистили та піднесли гідність церкви та українського народу. Кардинал Гузар, зокрема, сказав: «Ми повинні думати вже про справжнє примирення українського та єврейського народів... Прощаючи, йти вперед вже разом».

Серед тих, хто звернувся до учасників конференції, були також:

Стенлі Левін, заступник директора програм “Джойнт” у Центральній і Західній Україні;

владика Владимир Гринчишин, голова УГКЦ у Франції та Бенілюксі;

отець Іван Галімурка, головний редактор газети «Мета», адміністратор храму Св. Ольги і Єлізавети у Львові.

Проведенню наукового форуму передувала прес-конференція, яка відбулася напередодні, 6 листопада. Слід зазначити, що наукова конференція зацікавила представників мас-медіа не тільки України (“День”, “Кореспондент”, “Дзеркало тижня” тощо), але й Ізраїлю та Польщі. Звичайно, тема наукового зібрання не могла не привернути уваги львівської преси, а також єврейських і греко-католицьких інформаційних агентств і видань.

Цікаві наукові дискусії розпочалися саме на прес-конференції. *Професор Ш. Редліх* висловлювався щодо позиції комісії Яд Вашем з присудження звання “Праведник народів світу” митрополиту Андрею Шептицькому. Зокрема, він згадав, що певні стосунки з нацистським режимом митрополита визначалися його сподіваннями використати Німеччину в подоланні “безбожного більшовистського режиму”, а також статусом Андрея Шептицького як церковного керівника. З іншого боку, навіть перебування в нацистській партії та деякі інші чинники не перешкодили присудженню статусу “Праведника” загальновідомому

песонажу – Оскару Шіндлеру. *Професор Д. Міхман*, що є головним істориком Яд Вашем, зауважив, що, з одного боку, комісія Яд Вашем є цілком автономною інституцією, а з іншого боку, людське визнання величчї заслуг митрополита Шептицького має, очевидно, ще більше значення.

Надзвичайну увагу учасників прес-конференції та самої конференції привернула до себе схвильована розповідь про рятування її власного життя та життя інших людей *Лілі Полман (Lili Pohlmann)*, котру рятував брат Андрея Шептицького – Клементій. З точки зору цієї чудової жінки, яка опинилася у своєму рідному Львові вперше за 60 років, дивною є ситуація, коли звання “Праведників народів світу” присвоїли монахиням, що виконували настанови митрополита Шептицького, а сам духовний лідер залишився без цієї почесної відзнаки.

У своєму виступі на конференції *д-р М. Маринович* здійснив глибокий і аргументований аналіз постаті митрополита Шептицького у нелінійному просторі історичного часу. Він підкреслив, що фігура українського духовного лідера перекручено сприймалася через ідеологічні настанови, бо ідеологія є лінійною системою з полюсами добра і зла. І саме до жорстких рамок такої системи не «вписувався» митрополит Шептицький, що за умов і більшовистського, і нацистського тоталітарних режимів виходив у своїй діяльності з ідеї «найменшого зла» для України та її народу.

Професор Ш. Редліх у доповіді “Митрополит Андрей Шептицький напередодні та під час Другої світової війни”, спираючись на величезну фактологічну базу, виділив етапи діяльності митрополита та підкреслив динаміку змін його поглядів під впливом драматичних історичних подій, що відбувалися. У висновках учений проаналізував практично всі чинники, що перешкоджають, на думку його опонентів, присудженню звання “Праведника” Андрею Шептицькому.

Професор Р. Мирський філософськи узагальнив статус та суспільну роль “Праведників народів світу” у філософській системі координат.

Академік Я. Ісаєвич виступив з глибокою та змістовною доповіддю “Митрополит Шептицький – речник морального протистояння тоталітарним режимам”.

Д-р І. Щупак у доповіді “Митрополит Шептицький: особистість та символ в історії та сьогоденні” зокрема зауважив, що постать митрополита не можна оцінювати поза історичним контекстом. У першу чергу митрополит Андрей Шептицький переймався проблемами розвитку своєї церкви та духовними проблемами українського народу. А по-друге, за змін історичних умов митрополит змінював своє ставлення до більшо-

визму, до нацистського режиму, але над усе і завжди він ставив цінність людського життя, і саме це було рушійною силою його діяльності з рятування євреїв від знищення в полум'ї Голокосту.

Д-р Ж. Ковба, яка зробила величезний внесок в дослідження Інститутом юдаїки діяльності митрополита Шептицького, виступила з доповіддю “Вплив митрополита Шептицького на вірних Східної Галичини в період Голокосту”.

Д-р Ф. Вінокурова в доповіді “Відображення в документальних джерелах участі представників релігійних конфесій у порятунку євреїв у період Голокосту”, як завжди, на величезній джерельній базі здійснила порівняльний аналіз діяльності представників різних релігійних конфесій у рятуванні євреїв у різних регіонах України.

Директор Інституту юдаїки *д-р Л. Фінберг* повідомив присутніх про дослідження діяльності митрополита Шептицького в Інституті та подальші наукові, видавничі, культурологічні та інші проекти з цієї теми.

Д-р Т. Чайка виступила з доповіддю “Митрополит Шептицький: колаборація в етичних пастках Голокосту”, де торкнулася складних і неоднозначних філософських проблем.

Надзвичайно цікавою виявилася дискусія круглого столу, де тему “Дилема гуманістичного вибору в умовах тоталітарних режимів” обговорювали *д-р А. Вайс*, проф. *Я. Грицак (Львів)*; проф. *Д. Міхман (Ізраїль)*, *д-р Ж. Ковба (Київ)*, *Р. Кувалек (Польща)*, *І. Магдши (Львів)*, *д-р М. Маринович (Львів)*, проф. *В. Малахов (Київ)*, проф. *Ш. Редліх (Ізраїль)*, *д-р О. Турій (Львів)*, *д-р Л. Фінберг (Київ)*, *Лілі Штерн-Полман (Велика Британія)*, *д-р І. Шабан (Львів)*, *д-р І. Щунак (Дніпропетровськ)*.

Під час закриття конференції були висловлені думки про необхідність видання матеріалів конференції, що мають бути доступними для широкого кола науковців і громадськості; про необхідність продовження міжнародного та міжконфесійного діалогу. Вчені та представники української і єврейської інтелігенції висловлювали сподівання, що Яд Вашем повернеться до розглядання питання щодо присвоєння митрополиту Андрею Шептицькому почесного звання “Праведник народів світу”, і таким чином історична справедливість буде відновлена.

Проведення конференції стало видатною подією не тільки в науковому житті, але й у справі порозуміння і взаємоповаги українського та єврейського народів на шляху України до європейських цінностей, свободи і демократії.

**О работе международной конференции
“Факты и вымысел в общественном знании
о Холокосте”
(Краков, 17 ноября 2005 г.)**

17 ноября 2005 г. в Кракове состоялась Международная конференция “Факты и вымысел о Холокосте в общественном сознании” (Facts and Lies in the Common Knowledge on the Holocaust). Организаторы конференции:

*Министерство иностранных дел Республики Польша,
Институт изучения Европы при Ягеллонском университете,
Институт стратегических исследований.*

В организации и проведении конференции также принимал участие Совет по международному сотрудничеству в преподавании, увековечении и исследовании истории Холокоста “Таск Форс” (*Task Force for International Cooperation on Holocaust Education, Remembrance and Research*).

Конференция являлась заключительным этапом совещательной встречи *Рабочей группы* представителей различных государств, а также государственных и общественных организаций. Целями Рабочей группы является обеспечение социальной и политической поддержки деятельности по увековечению и научному исследованию истории Холокоста на государственном и международном уровнях.

В Польше – стране, на территории которой в силу определенных исторических причин в годы Второй мировой войны были расположены нацистские лагеря смерти – ощущают трагичность этой страницы недавнего прошлого и болезненность этого эпизода исторической памяти.

Общественная память о Холокосте и знания людей об этом явлении часто замутнены преднамеренным или непроизвольным искажением исторической действительности, негативными стереотипами, фальсификациями и языковыми клише. Сознательно или нет, но зачастую люди выносят несправедливые суждения и делают неверные обобщения из-за простого незнания фактов.

Участники конференции под названием “Факты и вымысел в общественном знании о Холокосте” предприняли попытку проанализиро-

вать различные виды исторической памяти и изучения этого феномена. Феномена, который из-за влияния на него различных идеологий и элементарного невежества часто подвергается искажению – а это, в свою очередь, ведет к преобладанию фальшивой картины над обоснованными фактами.

Конференция состояла из последовательно сменявших друг друга сессий – *исторической, социологической и образовательно-просветительской*. В рамках этих сессий 17 ученых из *Великобритании, Израиля, Нидерландов, Польши, США, Украины, Швеции*, других стран выступали с докладами о различных аспектах изучения, преподавания и общественно-исторической памяти о Холокосте и его последствиях для современного общества. Активными участниками конференции были преподаватели школ и университетов из различных городов Польши, а также представители государственных институтов и музеев, еврейских образовательных и культурно-просветительских организаций, обсуждавших представленные доклады и высказывавших свое отношение к поднятым проблемам. Благодаря такой неподдельной заинтересованности аудитории в обсуждении тематики конференции круг активных участников встречи получился весьма широким.

Спектр поднимавшихся во время выступлений и на последовавших за ними обсуждениях вопросов варьировался от проблем отрицания Холокоста или отношения европейских народов к истории Шоа до вопросов о том, какую роль Холокост играет в становлении национального самосознания. Мнения участников дискуссии порой диаметрально расходились – например, по вопросу об исторических корнях и особенностях существования в массовом сознании таких лингвистических стереотипных оборотов, как “польские лагеря смерти” или оппозиции “немецкие оккупанты – нацистские оккупанты”.

Так, механизмам формирования стереотипов относительно Холокоста и его мифологизации в общественном и индивидуальном сознании был отдельно посвящен доклад *профессора Ионатана Вебера (Великобритания)*. В выступлении *профессора Дины Порат (Израиль)* на примере судьбы дневника Анны Франк рассматривалась попытка современных ревизионистских кругов выхолостить сущность Катастрофы и заменить ее безликим символом, лишенным специфических особенностей этого уникального явления. *Профессор Феликс Тых*, руководитель Института еврейской истории (Польша, Варшава) в своем выступлении обрисовал контуры тех знаний, мифов и стереотипов, которые доступны сегодня среднестатистическому гражданину в Польше.

Профессор Здислав Мах (Польша, Варшава) представил аудитории свое видение того, какую роль на протяжении послевоенных десятилетий знания о Холокосте играли при формировании коллективного самосознания польского народа. О реакции целых поколений, в том числе современной польской молодежи, на посещение лагеря Аушвиц-Биркенау, о средствах репрезентации истории Катастрофы в музее этого некогда самого крупного центра уничтожения европейского еврейства рассказал аудитории *профессор Марек Кучиа*.

С большой заинтересованностью участники встречи знакомились с опытом репрезентации и преподавания Холокоста своих коллег из других стран.

Центральный Украинский Фонд истории Холокоста “Ткума” был единственной зарубежной организацией, которую представляли два докладчика. Директор Центра “Ткума” *д-р Игорь Шупак (Днепропетровск, Украина)* осветил проблемы преподавания истории Холокоста в учебных заведениях Украины, типы реакции украинских школьников и студентов на сведения о Холокосте и положение с преподаванием истории Холокоста в системе среднего и высшего образования Украины. В связи с этим выступлением во время дискуссии профессором Ф. Тыхом был поднят вопрос о том, каким образом в украинском обществе возможна репрезентация Холокоста при наличии в исторической памяти украинского народа собственной масштабной этнической трагедии – Голодомора. В выступлении члена Всеукраинского академического совета “Ткума”, редактора научного журнала “Проблемы истории Холокоста” *Михаила Тяглого (Симферополь, Украина)* на примере русской и крымскотатарской оккупационной прессы характеризовались следы антисемитской нацистской пропаганды в послевоенном советском общественном сознании.

Среди других докладов следует отметить выступление директора Украинского центра изучения истории Холокоста *д-ра Анатолия Подольского (Киев, Украина)*, который представил очерк интеграции программ по преподаванию истории Холокоста в систему образования Украины в целях формирования толерантности и демократического общества. Проблему противостояния ученическому напору отрицания Холокоста, основанному на сведениях, почерпнутых из ревизионистских веб-сайтов, представил преподаватель *Кристер Мэттсон (Швеция)*.

Искренняя заинтересованность участников и гостей в поднимаемых вопросах, активность их обсуждения, государственная поддержка организации и проведения конференции демонстрируют, что современное

польское общество находится на ином этапе демократического развития, нежели украинское. Гибель в Холокосте части населения Польши – той части, которая до войны была неотъемлемой составляющей польского социума, польской идентичности и культуры, сегодня воспринимается в этом государстве как утрата, последствия которой оказались неблагоприятными не в последнюю очередь для самого польского народа. Осознанием этого объясняются попытки восстановить историческую правду о пережитом в годы Второй мировой войны, избавить общественное сознание от искаженных напластований послевоенного коммунистического периода и влияний современных националистических и радикальных идеологических идеологий, в том числе – очистить от мифов и лжи историю Холокоста.

Summaries

Kruglov Aleksandr

„Schießt ihn Tot“: The Role of Jeckeln’s Staff and his Subordinates in Extermination of Ukrainian Jewry in Summer and Autumn, 1941

In the article analyzed are the criminal activities of Höhere SS-und Polizeiführer Russland-Süd, Obergruppenführer Friedrich Jeckeln in July-October 1941 in Ukraine. Being the radical Antisemite, Jeckeln regularly persistently and emphatically realized the instructions of Hitler and Himmler on “Final solution of the Jewish Question”, using the subordinate SS and police units for mass killings of Jewish population (police regiment “Süd”, 1st motorized infantry SS brigade, 304 and 320 police battalion), as well as personnel of his headquarters, whom he called “a headquarters company” in his dispatches.

Throughout Jeckeln’s activity in Ukraine (starting from the end of June till the beginning of November 1941) his directly subordinate unites alone exterminated 150 thousand people in 9 regions – Volyn’, Rovno, Khmel’nitsk, Vinnitsa, Zhitomir, Kiev, Kirovograd, Dnepropetrovsk, and Poltava. By the 1st of November 1941 another 125 thousand people were killed by the detachments of the operations groups “C” and “D”, which were in dual subordination - on the one hand they were subordinate to the chief of CD and security police (Heydrich) whose the orders had the priority, and on the other hand, they were subordinate to Jeckeln, whose orders were obligatory for “C” and “D” groups provided they were not contradicting to Heydrich’s ones. Thus, the total number of Jeckeln’s victims in Ukraine amounted to 275 thousand people. Apparently, Jeckeln did not kill any person with his own hands, but he personally headed several mass killings - in Shepetovka, Starokonstantinov, Pilyava, Staroya Sinyava, Kamenets-Podol’skiy, Berdichev, Kiev.

Jeckeln incurred sentence for his crimes – on 3rd of February 1946 according to the verdict of the Soviet military tribunal he was hanged in Riga (starting from November 1941 till January 1945 Jeckeln was Höhere SS-und Polizeiführer Russland-Nord in Riga). At the same time, the majority of his subordinates who took active part in killings in 1941 in Ukraine (except for those who was killed during the war), did not undergo any sentence.

Petrovsky-Shtern Yohanan
“The Dead Jews:” A Reflection On Useable Past

The essay by Yohanan Petrovsky-Shtern was originally published as a response to three articles on the incorporation of Jewish cultural memory into post-modern national historical narratives written by Anna Liphardt, Jurgita Šiaučiūnaitė-Verbickienė, and Agnieszka Jagodzińska and published in *Ab Imperio*, no. 4 (2004). Petrovsky-Shtern resorts to two replicas of Vilna designed in the Vilna ghetto in 1941-42 (portrayed in Liphardt’s article) and turns them into metaphors. First “ghettoized” metaphor originates from the replica the inhabitants of the ghetto designed for themselves: the borders of the replica coincided with the borders of the ghetto as if there was no urban space beyond it. The second “integrated” metaphor originated from a different replica, also designed by the Vilna-dwellers: it represented Vilna as a complex urban space with Jewish, Polish, Russian, and Lithuanian sites that included the ghetto. These two metaphors, the “ghettoized” and the “integrated,” argues the author, represent two radically different ways of the incorporation of Jewish past into newly emerging national narratives in such East European countries as Poland, Ukraine, and Lithuania. Petrovsky-Shtern emphasizes the predominance of the “ghettoized” model. It focuses on the Jewish culture as the “dead” culture, on the Jews as “dead” Jews that no more exist as an active ethnic, political, or cultural ingredient in East European countries. This model does not seem to contradict the nationalization of history and memory in these post-communist countries and helps creating useable past which can be not only “used” but also “manipulated.” This model effectively neutralizes the claims of the tiny post-communist Jewish communities over their own “part” in the national memory for it makes redundant the mere concept of the “live” Jews. The “ghettoized” model, warns the author, is a misleading one: used by non-Jewish historians it provides an impression of their new philosemitic stance and their genuine desire to make Jewish historical memory part of their own. However, being reduced to the incorporation of the “dead” Jews it might well co-exist with post-modern anti-Semitic accusations as well as with a stalwart anti-Israeli stance. On the other hand, the Yad Vashem museum in Jerusalem institutionalized the “ghettoized” model of Vilna choosing it as the most representative of the Vilna Jewish history. The ghettoized model of the Vilna Jewish past, claims Petrovsky-Shtern, occupies a disproportionate role in modern Jewish and non-Jewish historiography: it reduces the complexity of Jewish interaction with non-Jews to the period of Holocaust and to the “ghettoized” forms of Jewish historical memory. Also, it robs national narratives from their multi-ethnic dynamism and East European Jews, from

their multi-cultural urban memory. The author insists on the necessity to change the paradigmatic, “ghettoized,” and Holocaust-centered approach to the Jewish past. The alternative (“integrated”) model of memory, nationhood, and politics, which the author associates with multi-cultural approach, will help contextualize the Holocaust against a broader backdrop of Jewish and European historiography. It will address the East European Jewish culture as the “alive” phenomenon that constantly interacts with non-Jewish “grand” historical narratives and, as such, should be seen as their part.

Redlich Shimon

Morality and Reality: Metropolitan Andrei Sheptyts’kyi and the Jews during the War and the Holocaust

This article attempts to present and analyze the attitudes and deeds of the late Metropolitan Andrei Sheptyts’kyi (1865-1944), head of the Ukrainian Uniate Church in Galicia, regarding Jews during the Holocaust. In view of the controversies and conflicting views in Soviet, Ukrainian, Polish and Jewish writings on Sheptyts’kyi, this study attempts as much as possible objective evaluation of an extremely complex subject. Sheptyts’kyi is examined not only within the context of Ukrainian-Jewish relations, but also within the wider parameters of Ukrainian-Polish, Ukrainian-Soviet, and Ukrainian-German relations. Sheptyts’kyi’s attitudes and deeds concerning Jews during a most violent and tragic period in the history of Eastern Europe in general and of Eastern Galicia in particular, were affected by various and at times conflicting considerations. Compared with the non-Jewish population of Nazi-occupied Eastern Europe, with the Catholic Church and with the Holy See, and especially with the strong anti-Jewish attitudes among the Ukrainians of Eastern Galicia, his statements and deeds on behalf of the Jews place him among that minority who believed that they were their brothers’ keepers.

Metropolitan Sheptyts’kyi saved either directly or indirectly close to 150 Jews. Some of them have been requesting for years to grant Sheptyts’kyi the title of a Righteous Gentile. The last part of this study dwells upon Yad Vashem’s arguments for its negative decision and proposes possible answers to the dilemma and arguments for granting the title.

Romanko Oleg
Russian Liberation Movement and the “Jewish Question”
during the WWII

In the article an attempt of the analysis of anti-Stalin Russian liberation movement's ideology during the Second World War through a prism of the attitude of its basic currents and organizations to the “Jewish question” is undertaken.

On the basis of the published and unpublished archival documents the reasons are considered why the “Jewish question” was urgent for the leaders and participants of Russian liberation movement, the comparative analysis of this urgency for different currents of this movement during different stages of development of its ideology is made. The place of the “Jewish question” in the political programs or other ideological documents of various currents of Russian liberation movement is determined. The practical realization of the solution of the “Jewish question”, according to items of these programs is analysed. Thus the special attention is given to participation of the members of various currents and organizations of Russian liberation movement in the German actions against the Jewish population in Soviet territories occupied by the Germans. The comparative characteristic of a degree of their participation in war propaganda and the Holocaust is given.

The significant attention in the article is concentrated on the analysis of ideology of so-called Vlasov's movement, as largest and the most important among all currents of Russian liberation movement. For the political reasons in the Soviet historical literature this theme was under interdiction. To find out the place of the “Jewish question” in ideology of Vlasov's movement and its role in evolution of Vlasov's program, basic documents of this movement were analyzed. Besides, the role and degree of participation of so-called Russian liberation army, which arose owing to military and political development of Vlasov's movement, in German propaganda and the Holocaust is considered.

Shchupak Igor
The Nazi Anti-Semitic Propaganda Among the Local
Population of Ukraine

In the article examined are the anti-Semitic aspects of propagandistic activity carried out by Nazi occupants at the territory of Ukraine in 1941-1944. The author considers the anti-Jewish propaganda used by occupants as the

means for impressments of the majority of the local population or its moral “neutralization” in the course of “Final solution of the Jewish Question” in Ukraine. In the article described are both formal and content aspects of Nazi’s propagandistic activity: technical means of informing the local population, mass media (periodicals), and the conditions of their creation and functioning (editorial staff and ways of publication circulation), issues of materials’ authorship and adoption from other sources.

Describing the anti-Semitic doctrine realized on the pages of the occupants’ periodicals, the author characterizes the types, genres and thematic orientation of the publications concerning the “Jewish issue”, lists basic anti-Semitic “myths” that were most frequently used in periodicals, and underlines that the very myth of “Zhid-Bolsheviks” character of Soviet regime was the most prevalent in ideological arsenal of propagandists. It is the author’s opinion that the occupants’ media not only reflected the Holocaust events, but also was one of its instruments, and the goal of anti-Semitic propaganda was not only to put up the population with the “necessity” of Jewish extermination, but also to make people of Ukraine to be active participants of the “Final solution”. Besides publications that had explicitly propagandistic character, the author also examines materials of informational and administrative character and their propagandistic functions.

At the end of the article considered is the issue of effectiveness of Antisemitic propaganda and methods of the effectiveness evaluation. While mentioning that at the moment there is no scientifically grounded method of solving this problem, the author gives some factors that are to be taking into account when considering the said issue. The author comes to the conclusion that based on the available direct and indirect data from various sources, it is possible to make an inference that under the occupation the effectiveness of anti-Jewish propaganda was quite high and informational and propaganda influence on the local population consciousness was considerable.

Surovtsev Oleg

Deportations of the Jewish Population from the North Bukovina as a Component Part of anti-Jewish Policy Implemented by Romanian Authorities

In spite of the fact that at post-Soviet period a lot of achieves’ materials that throw light on German-Romanian occupants’ actions became available for the researchers, but the destiny of Bukovina Jews during Holocaust is still of current importance and scantily investigated.

The author of the article aimed to reconstruct the process of Jews deportation from Northern Bukovina to Transnistria in 1941-1942, to find out why Romanian authorities made the decision to deport the major part of Bukovina Jews to Transnistria, who made this decision and what was the motivation, to analyze what was the criterion for selecting the people for deportation, to demonstrate how three waves of deportation of Bukovina Jews were organizationally realized, how effective they were and what was the reaction of the Jewish society on deportation and the role of Judenrat in their realization.

The research is based on the materials and documents published in post-Soviet territory and abroad in 1991-1996 by Shteinbarg Chernivtsy society of Jewish Culture, and documents of Chernivtsy regional State Archive.

In 1941-1942 around 74-75 thousand of Jews were deported in three waves from Northern Bukovina to Transnistria. The first wave took place in July-August 1941, and involved Jewish population of Khotyn', Storozhinets' and Chernivtsy regions, but due to the prohibition of German Command the deportation was stopped in the beginning of 1941, the Romanians managed to relocate not more than 15 thousand of Bukovina Jews to the far bank of the river Dniestr. The second wave was the biggest one and it lasted from the second part of September till 15 November 1941, when deported were 54-55 thousand of Jews from Chernivtsy ghetto, Sokyryany, Yedyntsy and Vertyuzhany camps. The last, the third wave of Jews deportation from Northern Bukovina took place in August, September 1942 when 4594 people were "evacuated". It was massive operation of Romanian authorities in which large number of police officers, gendarmes, soldiers and State employees took part. The reasons of Bukovina Jews deportation were in anti-Jewish policy of Romania in 1938-1944, which based on old quite strong traditions of state and domestic anti-Semitism. The threat of economic instability in Northern Bukovina made the authorities of Romania to let certain number of Jews of various professions to stay in Chernivtsy and work forcedly for the Romanian occupying authorities, and due to these circumstances these people (around 16 thousand) saved their lives.

Zellis Kaspars, Oļehnovičs Dmitrijs
The Role of Anti-Semitic cartoons in the Propaganda during the Nazi occupation in Latvia ("Tēvija" newspaper, 1941-1945)

In the period of Nazi occupation the newspaper "Tēvija" [Fatherland] was the most influential newspaper that was published in the Latvian language.

The authors of the present article have carried out the research of the whole newspaper file – 1168 publications. In the process of the investigation 402 caricatures were elicited and sorted into different groups. They were sorted taking into account the themes of the caricatures. Most of the caricatures were created by the Latvian authors, although there were also some re-publications from the German newspapers. The main theme of the caricatures was the war, but, especially in the year 1941, the theme of the Soviet terror was topical. Anti-Semitic element was represented in all the caricatures, but it was not the most important component. The use of caricatures in the war propaganda was aimed at manipulation with consciousness of the population, and caricatures were very often used especially during the initial period of the war.

A special place in the system of newspaper propaganda in occupied Latvia was allotted to the anti-Semitic caricatures. Notwithstanding the topicality of the question concerning the anti-Semitic propaganda in historiography, most researchers have so far proposed only theoretical conclusions determined by general emotional nature of the sources, in which the anti-Semitic ideology was the dominant one. However, the data obtained in the result of quantitative analysis of the newspaper “Tēvija” testify that this approach is too straightforward.

In proportion, the number of anti-Semitic caricatures in the source is 20% from the total amount of all the caricatures published. The authors have not managed to determine the regularities in change of the number of anti-Semitic caricatures: in 1941 there were 27.8% of such caricatures, in 1942 – 13.3%, in 1943 – 20.8%, in 1944 – 17.9%, but in the year 1945 – 25%.

It should be noted that in the process of the source analysis the authors have not considered the caricatures with not very well expressed anti-Semitic context, although the above mentioned figures allow for an assumption that anti-Semitic character in caricatures published in the source was not the most important one. But in the periodicals published in the Russian language, the anti-Semitic problems were considered more explicitly, and very often, in order to intensify the emotional influence on the reader, the leaders of the countries of anti-German coalition were illustrated using Hebrew symbols.

The research into the peculiarities of the propaganda implemented with the help of periodicals provides an opportunity not only to demonstrate the mechanism of interaction between the authorities and the people, but also to discover the principles of the political regime. The information encoded in the caricatures gave the authorities a possibility to influence not only the readers' consciousness, but also to control the inner world of the recipients.

Відомості про авторів

- **Альтман Ілля Олександрович** – кандидат історичних наук, за-сновник і співголова Російського науково-просвітницького центру “Голокост”, віце-президент Міжрегіонального фонду “Голокост” (Москва, Росія). Сфера наукових інтересів – історія Голокосту, Другої світової війни, історіографія, архівознавство, джерелознавство.
- **Зелліс Каспарс** – магістр історії, старший викладач Латвійського університету (Рига, Латвія). Сфера наукових інтересів – історія Латвії, історія нацистської пропаганди.
- **Ковба Жанна Миколаївна** – кандидат історичних наук, доцент кафедри організації видавничої справи Національного технічного університету “КПІ” (Київ, Україна). Сфера наукових інтересів – історія України, країн Центральної та Східної Європи, історія книги, етнологія.
- **Круглов Олександр Йосипович** – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Національного університету радіоелектроніки (Харків, Україна). Сфера наукових інтересів – історія Голокосту на території СРСР.
- **Малахова Катерина Вікторівна** – бакалавр відділення філософії Національного університету “Києво-Могилянська академія” (Київ, Україна). Сфера наукових інтересів – хасидизм, єврейська філософія.
- **Олехнович Дмитрій** – магістр історії, старший викладач Даугавпілського університету / Латвійського університету (Рига, Латвія). Сфера наукових інтересів – історія Латвії, історія нацистської пропаганди.
- **Петровський-Штерн Йоханан** – доктор історичних наук, доцент, викладач історії євреїв Нового часу департаменту історії та Центру з вивчення історії євреїв ім. родини Кроун Північно-Західного університету (Єванстон, США). Сфера наукових інтересів – історія східноєвропейського єврейства Нового часу, Каббала, хасидизм, сіонізм, єврейська палеографія, російська, українська та польсько-єврейська література.
- **Редліх Шимон** – професор історії університету ім. Бен-Гуріона (Беєр-Шева, Ізраїль). Сфера наукових інтересів – історія євреїв Східної Європи, українсько-єврейські взаємини.

- **Романько Олег Віталійович** – кандидат історичних наук, доцент кафедри українознавства Кримського державного медичного університету, заступник декана Міжнародного медичного факультету (Сімферополь, Україна). Сфера наукових інтересів – військово-політична історія Другої світової війни.
- **Суворцев Олег Андрійович** – аспірант / асистент кафедри історії України Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича (Чернівці, Україна). Сфера наукових інтересів – історія Голокосту, антисемітизму в Україні та Європі.
- **Феферман Кіріл** – докторант департаменту історії Єврейського університету в Єрусалимі (Ізраїль). Сфера наукових інтересів – історія Голокосту на південних територіях СРСР.
- **Щупак Ігор Якович** – кандидат історичних наук, директор Центрального Українського Фонду історії Голокосту “Ткума” (Дніпропетровськ, Україна), експерт ОБСЄ. Сфера наукових інтересів – історія Голокосту в Україні, українсько-єврейські взаємини, нацистська антиєврейська пропаганда.

Information about contributors

- **Altman Ilya O.:** Ph.D. (Hist.), founder and co-chairman of the Holocaust Research and Educational Center of Russia, vice-president of the Interregional Holocaust Foundation (Moscow). Research interests: the Holocaust, historiography, archival studies.
- **Feferman Kiril:** Ph.D. Candidate, Hebrew University of Jerusalem (Israel). Research interests: Holocaust in the southern part of the USSR.
- **Kovba Zhanna M.:** Ph.D. (Hist.), assistant professor at the assistant professor in the Publishing Studies Program of the National Technical University (Kyiv, Ukraine). Research interests: History of Ukraine, History of the Central and Eastern Europe, bibliology, ethnology.
- **Kruglov Oleksandr I.:** Ph.D. (Hist.), assistant professor at the Philosophy Department of the National Radio Electronics University (Kharkiv, Ukraine). Research interests: History of the Holocaust on the territory of the USSR.
- **Malakhova Kateryna V.:** B.A. (Phil.) from the Philosophy Department of the National University “Kyiv-Mohyla Academy” (Kyiv, Ukraine). Research interests: Hasidism, Jewish Philosophy.

- **Oļehnovičs Dmitrijs:** M.A. (Hist.), senior lecturer, Daugavpils University / University of Latvia. Research interests: History of Latvia, Nazi propaganda.
- **Petrovsky-Shtern Yohanan:** Ph.D. (Hist.), assistant professor of modern Jewish history, Department of History and Crown Family Center for Jewish Studies, Northwestern University (Evanston, USA). Research interests: early modern, modern, and East European Jewish History; Kabbalah; Hasidism; early Zionism; Jewish paleography; Russian-, Ukrainian-, and Polish-Jewish literature.
- **Redlich Shimon:** Professor emeritus (Hist.), Ben-Gurion University (Israel). Research interests: East European Jewish History, Ukrainian-Jewish Relations.
- **Romanko Oleg V.:** Ph.D. (Hist.), assistant professor in the Ukrainian studies Department at the Crimean State Medical University (Simferopol, Ukraine). Research interests: Military and political aspects of WWII.
- **Shchupak Igor Ya.:** Ph.D. (Hist.), director of the Central Ukrainian “Tkuma” Holocaust Foundation, OSCE expert (Dnepropetrovsk, Ukraine). Research interests: History of the Holocaust in Ukraine, Ukrainian-Jewish relations, the Nazi antisemitic propaganda.
- **Surovtsev Oleg V.:** Ph.D. Candidate in the Ukrainian History Department at Chernivtsy National University (Ukraine). Research interests: History of the Holocaust and antisemitism in Ukraine.
- **Zellis Kaspars:** M.A. (Hist.), senior lecturer at the University of Latvia (Riga). Research interests: History of Latvia, Nazi propaganda.

Інструкції авторам

Редколегія журналу приймає до друку статті, документи, спогади, рецензії на книги та інші матеріали, що відповідають тематичній спрямованості видання. До запропонованої публікації, за бажанням автора, додається відгук спеціалістів із зазначеної проблематики.

У відповідності з постановою Президії Вищої атестаційної комісії України від 15 січня 2003 р. №7-0 5/1 (Бюлетень ВАК України. – 2003. – № 1) редакційні колеги спеціалізованих видань зобов'язані відбирати до друку наукові статті, які мають такі необхідні елементи: постановка проблематики в загальному вигляді та її зв'язок з іншими науковими та практичними проблемами; аналіз останніх досягнень і публікацій, які торкаються зазначеної проблематики та на котрі спирається автор; виокремлення не вирішених раніше частин загальної проблеми, яким присвячена стаття; формулювання цілей статті (постановка проблеми); викладення основного матеріалу дослідження з ретельним обґрунтуванням отриманих наукових результатів; висновки з поданого дослідження та перспективи подальшої розробки цього напрямку.

Матеріали до друку приймаються українською, російською та англійською мовами. Неодмінною умовою публікації є її оригінальність; якщо автор вже розміщував у якому-небудь виданні матеріал із зазначеної проблематики або іншу версію запропонованого дослідження, він повинен чітко оговорити це.

Стандарти оформлення публікації, що пропонується: заголовок слід набирати великими літерами напівжирним шрифтом. Понад заголовком з правого боку курсивом виділити ім'я та прізвище автора з інформацією у дужках про місце його проживання чи роботи. Примітки розмістити в кінці тексту. Після приміток подаються резюме російською або англійською мовою.

За вірогідність наведеного в публікації матеріалу відповідальність несе автор. Його позиція може не співпадати з позицією редакційної ради журналу.

Незалежно від того, чи мав автор публікації на сторінках журналу, прохання вказувати повністю прізвище, ім'я, по батькові, науковий ступінь, вчене звання, місце роботи чи навчання, коло наукових інтересів, основні публікації, домашню та робочу адреси, контактні телефони, адресу електронної пошти.

Тексти бажано подавати в електронному вигляді. Набір повинен бути здійснений у програмі WORD 6.0, 7.0 Windows 95 і вище. Кегль 14, інтервал 1,5. Примітки встановлюються в автоматичному режимі, кегль 12.

Редакційна колегія залишає за собою право відхиляти невичитані й неохайно оформлені тексти, вносити скорочення і здійснювати редакційну правку, що не змінює зміст публікації. Відхилені рукописи не повертаються і не рецензуються.

Матеріали, що пропонуються до друку, слід направляти відповідальному редактору:

п. Михайло Тяглий
вул. Київська, б. 96, к. 60
м. Сімферополь, 95026
Україна
Телефони: (+38-0652) 223894; (+38-050) 3933245
E-mail: holocaust_studies@sf.ukrtel.net

Instructions for contributors

Pre-selection of available materials is carried out by the executive editor. All the printed materials and contributions supplemented by cover letters should be submitted to his address:

Mikhail Tyaglyy
Kievskaya str., 96, apt. 60
Simferopol, 95026
Ukraine
For queries:
Phones: +380-652-223894; +380-50-3933245
For submitting the electronic documents:
holocaust_studies@sf.ukrtel.net

Manuscripts should be submitted in English, Russian, or Ukrainian.

Submission involves the tacit assurance that the material has not been published and will not be simultaneously submitted or published elsewhere.

Manuscripts should be no longer than 10,000 words, and must be accompanied by an abstract and a brief biography of the author (each approximately 100 words in length).

It is the responsibility of the author to obtain written permission (including payments of fees) to reprint or reproduce any material that is under copyright, and to supply such permissions when submitting the manuscript.

The text should be typed using a single font (Times New Roman is preferred). Use left justification only. Do not use automatic hyphenation. Tables and charts should be typed, each on separate page, with an indication of where these should appear in the text.

A separate title page should contain the title of the article, the author's name, address, phone and fax numbers, and e-mail address.

Materials preliminary approved for publication will be forwarded for peer-reviewing to academic experts in the field concerned; after peer-reviewing the author is obliged to finalize the text so that it could be properly edited and proofread afterwards.

Writing the book reviews presupposes delivery of a free copy of the book under condition of concluding a formal agreement with a reviewer.

All authors will receive a complimentary copy of the issue in which their work appears.

Зміст / Contents

ВІД РЕДАКЦІЇ FROM THE EDITORS	3
ДОСЛІДЖЕННЯ ARTICLES	7
Зелліс Каспарс, Олехнович Дмитрій	7
Роль антисемитской карикатуры в пропаганде в оккупированной нацистами Латвии (газета “Tēvija”, 1941–1945 гг.) Zellis Kaspars, Oļehnovičs Dmitrijs The Role of Antisemitic Cartoons in the Propaganda in Latvia during the Nazi Occupation (“Tēvija” newspaper, 1941-1945)	
Круглов Александр	26
„Schießt ihn Tot“: роль штаба Екельна и подчиненных ему подразделений в истреблении евреев Украины летом и осенью 1941 г. Kruglov Aleksandr „Schießt ihn Tot“: The Role of Jeckeln’s Staff and his Subordinates in Extermination of the Ukrainian Jewry in Summer and Autumn, 1941	
Петровский-Штерн Йоханан	66
«Мертвые евреи»: заметки о приемлемом прошлом Petrovsky-Shtern Yohanan “The Dead Jews”: A Reflection on Useable Past	
Редлих Шимон	85
Моральные принципы в повседневной действительности: митрополит Андрей Шептицкий и евреи в период Холокоста и Второй мировой войны Redlich Shimon Morality and Reality: Metropolitan Andrei Sheptyts’kyi and the Jews during the Second World War and the Holocaust	
Романько Олег	105
Русское освободительное движение и «еврейский вопрос» в годы Второй мировой войны Romanko Oleg Russian Liberation Movement and the “Jewish Question” During the WWII..	

Суровцев Олег	130
Процес депортації єврейського населення Північної Буковини 1941-1942 років як складова антиєврейської політики румунської окупаційної влади	
Surovtsev Oleg	
Deportations of the Jewish Population from the North Bukovina as a Component Part of anti-Jewish Policy Implemented by Romanian Authorities	
Щупак Ігор	147
Нацистська антисемітська пропаганда серед місцевого населення України	
Shchupak Igor	
The Nazi Antisemitic Propaganda Among the Local Population of Ukraine	
ДОКУМЕНТАЛЬНІ ДЖЕРЕЛА	
DOCUMENTAL SOURCES	176
Ковба Жанна	176
Філіп Фрідман – свідок загибелі львівських євреїв	
Kovba Zhanna	
Philip Friedman – Witness of Destruction of the Lviv Jewry	
РЕЦЕНЗІЇ	
BOOK REVIEWS	190
Альтман Ілья	190
Михман Дан. Историография Катастрофы. Еврейский взгляд: концептуализация, терминология, подходы и фундаментальные вопросы. / Пер. с англ. – Академическая серия “Библиотека Холокоста «Ткума»”. Вып. 1. – Днепропетровск: Центральный Украинский Фонд истории Холокоста «Ткума», 2005. – 448 с.	
Ковба Жанна	196
Гон Максим. З кривдою на самоті. Українсько-єврейські взаємини на західноукраїнських землях у складі Польщі (1935–1939). – Рівне: Волинські обереги, 2005. – 192 с.	
Малахова Катерина	204
Элиах Яффа. Бог здесь больше не живет. Хасидские истории эпохи Катастрофы. – Москва: Гешарим, 2005. – 280 с.	
Феферман Кирилл	211
Холокост: Катастрофа в Крыму / Сост. Б. Гельман, А. Глубочанский. – Симферополь: Представительство «Сохнут-Украина» в Крыму, 2004. – 182 с.	

БІБЛІОГРАФІЯ BIBLIOGRAPHY	215
ХРОНІКА EVENTS	227
SUMMARIES	237
ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ INFORMATION ABOUT CONTRIBUTORS	244
ІНСТРУКЦІЇ АВТОРАМ INSTRUCTIONS FOR CONTRIBUTORS	247

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Наукове видання

**ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ГОЛОКОСТУ:
НАУКОВИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРУ “ТКУМА”**

**ВИПУСК № 3.
2006**

Відповідальний редактор: М. Тяглий
Редактор: І. Щупак
Коректор: Т. Єщенко
Комп'ютерна верстка та дизайн: Ю. Матвеев, Ю. Глушко

Здано на складання 28.04.2006
Підписано до друку 08.06.2006. Формат 60x84/16
Папір офсетний. Гарнітура Pragmatica. Друк офсетний.
Умовн. друк. арк. 14,65 Умовн. фарб.-відб. 14,65
Облік.-видавн. арк. 17,7 Наклад 1000 прим. Зам. №125

ВБФ “НПЦ єврейської історії та культури “Ткума” (“Відродження”)
Свідоцтво про державну реєстрацію БО № 000503

Видавництво «Пороги»
49000, м. Дніпропетровськ, пр. К.Маркса, 60
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
серія ДК № 7 від 21.02.2000 р.

Віддруковано в
ТОВ ВКФ „ВІЗІОН”
49050, м. Дніпропетровськ, пл. Академіка Стародубова, 1
Свідоцтво про держреєстрацію №04052442 Ю 0021076
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи серія ДП №60р
від 21.03.2001 р.